16.819
114 02/34

АНТИ-ЭНЦИКЛИКА,

или

БРАТСКОЕ СЛОВО ПРАВОСЛАВНАГО СЛАВЯНИНА

къ

СЛАВЯНАМЪ КАТОЛИКАМЪ,

ПО ПОВОДУ

ИЗДАНІЯ ПАПОЮ ЛЬВОМЪ XIII БУЛЛЫ

О ПРАЗДНОВАНІИ

ПАМЯТИ СВВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26.
1882.

16.819.

11402
34

16.819.

АНТИ-ЭНЦИКЛИКА,

или

БРАТСКОЕ СЛОВО ПРАВОСЛАВНАГО СЛАВЯНИНА

къ

СЛАВЯНАМЪ КАТОЛИКАМЪ,

ПО ПОВОДУ

ИЗДАНІЯ ПАПОЮ ЛЬВОМЪ XIII БУЛЛЫ

О ПРАЗДНОВАНІИ

ПАМЯТИ СВВ. КИРИЛЛА и МЕѲОДІЯ.

322/93

Харьковъ.
Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26.
1882.

16.819

Печатать дозволяется. Кіевъ. 5-го Ноября 1881 года.
Цензоръ священникъ *Х. Орда.*

Гос. Истор. Музей-Б-ка
Инв. № 322/93
193 г.

Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ (*Псал. CXXXII, 1*).

Всякое царство раздѣлшееся на ся запустѣетъ; и всякъ градъ или домъ раздѣливыйся на ся не станетъ (*Матѳ. XII, 25*).

Молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тождде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри, да будете же утверждени въ томъ же разумѣніи и въ тойже мысли.... Еда раздѣлися Христосъ? (*1 Кор. I, 10, 13*).

16.819

Свят. Инокент. Иркут. Е-ки
Библ. № 32293

фразничать Христосом? (1 Кор. 1, 10, 13).

Вр мозг же фразнирнiи и вр мозжце чрiсти... Ещи вр вдух вр вдсь фдсьи, ди ѹдеше же дшевфжеени писма Христа, ди можеже ствсотеше вси, и ди не можно же ви, ѹфдше, мшенъг Господа надмозо ненг (Мсше. XII, 32).

и всякг ѕфдг мги дотг фразничвриюся ни ся не сщ-

Всякое подсшво фразничшееся на ся зднасмрешг;

ѹфдшiи вкдиг (Псал. CXXXII, 1).

Се нио доубро, мги нио кфдсно, но еже жемши

АНТІ-ЭНЦИКЛИКА,

или

БРАТСКОЕ СЛОВО ПРАВОСЛАВНАГО СЛАВЯНИНА КЪ СЛАВЯНАМЪ—КАТОЛИКАМЪ,

по поводу изданія папою Львомъ XIII буллы

о празднованіи памяти

свв. кирилла и меѳодія.

Возлюбленные братья, единые по племени. но розные по вѣрѣ, Славяне—католики!

Въ прошломъ 1880-мъ году сентября 30, глава вашей церкви, такъ называемый, папа Левъ XIII, издалъ Окружное Посланіе (Encyclicam), которымъ предписалъ чествовать имя и память свв. первоучителей славянскихъ. Кирилла и Меѳодія, на всемъ пространствѣ католическаго міра, и вы, въ текущемъ году, въ указанное Энцикликою число 5-го іюля, въ столицѣ вашей вѣры, собравшись со всѣхъ концовъ западнаго славянскаго міра, совершили первое общее празднество въ честь, возставленныхъ изъ забвенія въ вашей памяти и сопричисленныхъ къ лику святыхъ вашей церкви, славянскихъ апостоловъ, и—совершили торжественно и великолѣпно, отблагодаривъ при томъ и папу за установленіе такого празднества богатыми приношеніями. *) Но радоваться ли было намъ, сынамъ

*) Австрійскія газеты въ свое время сообщали, что славянскіе пилигримы, по случаю этого празднества, вручили папѣ 160,000 гульденовъ въ видѣ ленты св. Петра: одинъ князь Юрій Барковскій привезъ съ собою въ Римъ сумму въ 10,000 гульденовъ.

16.819

православной церкви, вмѣстѣ съ вами, при этомъ вашемъ торжествѣ, и раздѣлять ли одушевлявшія васъ при томъ мысли и чувства? Увы, нѣтъ, далеко нѣтъ! Уже одно то обстоятельство, что мы, составляющіе главнѣйшую часть славянства, не принимали и не могли принять участія въ вашемъ отдѣльномъ торжествѣ,—наводитъ насъ на печальныя мысли о непрерывающемся раздѣленіи славянъ. А если представимъ себѣ ту притязательность, съ какою католическая сторона силится усвоить себѣ исключительно личности и заслуги Солунскихъ Вѣроучителей, отторгая ихъ отъ Востока, то сердце наше объемлется еще большею скорбію, видя въ томъ нечистое стремленіе къ превозможенію. Когда же хотимъ проникнуть въ сокровенную конечную цѣль установленія этого празднества, и усматриваемъ ее въ злонамѣренномъ желаніи раздѣлить славянскій міръ на двѣ враждебныя половины, то „біюще въ перси наши“, съ рыданіемъ взываемъ: „о несчастный родъ славянскій! доколѣ будетъ тяготѣть на тебѣ жестокій приговоръ судьбы—вѣчно раздѣляться и враждовать между собой, и когда ты, наконецъ, придешь къ единенію, котораго уже достигли романскій и германскій роды, тоже раздѣляющіеся, внутри себя, разностію вѣръ“?... Войдемъ въ ближайшее собесѣдованіе и объясненіе.

I.

Съ чего вамъ, возлюбленные братья, усыновившіе себя Западу, пришло на мысль увѣрять себя и другихъ, что свв. Кириллъ и Меѳодій были католики, а не православные, и что они, бывъ обязаны происхожденіемъ и воспитаніемъ своимъ Востоку, впослѣдствіи всецѣло отдали себя Западу и были преданнѣйшими слугами папскаго престола? Удивляемся такому образу вашего пониманія, зная

васъ отлично знакомыми съ исторіею христіанской церкви вообще! Развѣ въ IX-мъ столѣтіи могло существовать такое различіе между западно-римскою и греко-восточною церковію, какое признается нынѣ? Тогда христіанская церковь представляла еще единое, нераздѣльное въ духѣ, цѣлое, въ составѣ котораго господствовало полное и свободное общеніе между самыми разномѣстными чтителями вѣры. Это было единое царство Христово, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Востока до крайнихъ предѣловъ Запада, въ которомъ всѣ послѣдователи Христова ученія вездѣ равномѣрно могли участвовать въ установленныхъ таинствахъ церкви. Поэтому странно и безосновательно утверждать, что Кириллъ и Меѳодій были католиками или перешли изъ православія въ католичество, точно такъ какъ смѣшно бы было спросить, какого исповѣданія были Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ: греческаго или римскаго, или къ какой церкви принадлежали блаженные Іеронимъ, Августинъ, Ириней: къ западной, или восточной церкви. Всѣ они были сынами единой соборной (каѳолической, всеобщей) и апостольской Церкви. Правда, между верховными представителями двухъ великихъ церквей—новаго и стараго Рима, произошло тогда враждебное столкновеніе, но оно болѣе ограничивалось личными между ними отношеніями, не коснувшись нижнихъ подчиненныхъ слоевъ церковнаго общества. Разсѣлина, появившаяся въ верху зданія, гдѣ онѣ и обыкновенно появляются, еще не означаетъ распаденія самаго зданія, а только предвѣщаетъ его въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Такъ и въ великомъ дому Божіемъ послѣдовавшее несогласіе въ верховномъ представительствѣ церкви еще далеко не вело ко всеобщему раздѣленію, на

16.819

два противоположные стана, принадлежавшихъ той и другой церкви исповѣдниковъ вѣры Христовой. Подобныя столкновенія бывали и прежде, но они не разрѣшались окончательнымъ раздѣленіемъ церкви, а прекращались христіанскимъ примиреніемъ. Мы находимъ много указаній и въ самой исторіи церкви, свидѣтельствующихъ о сношеніяхъ Рима съ Цареградомъ, не только въ теченіе второй половины IX столѣтія, когда произошла злополучная пря между патріархомъ Фотіемъ и папою Николаемъ 1-мъ, но и въ X-мъ и XI столѣтіяхъ,—сношеніяхъ, не всегда непріязненныхъ. Укажемъ хотя на примѣръ Петра, такъ называемаго, Аѳонскаго (воспоминаемаго нашею церковію подъ 12-мъ іюня), жившаго въ концѣ IX столѣтія. Влекомый внутреннимъ призваніемъ ко спасенію души, онъ сперва искалъ удовлетворенія своему влеченію въ Римѣ и предалъ себя въ полное распоряженіе папы, а потомъ, наставленный видѣніемъ, съ согласія и одобренія того-же папы, направилъ путь свой на Аѳонъ, гдѣ и принялъ иноческій образъ. Да и самое отправленіе Кирилла и Меѳодія въ Моравію, свободное и нисколько не стѣснявшееся соображеніями о чуждомъ вѣдомствѣ, указываетъ на сознаніе того-же единства духа, господствовавшаго во всемъ христіанскомъ мірѣ. Поэтому и тѣ господа славяно-западные писатели, которые, въ видахъ превознесенія католичества надъ православіемъ, стараются отнять Святыхъ Учителей у Востока и усвоить ихъ, еще не существовавшему и неуспѣвшему еще выработаться, въ формѣ отдѣльнаго вѣроисповѣданія, католичеству, впадаютъ въ жестокій анахронизмъ, и что могло бы имѣть мѣсто чрезъ два столѣтія или около того, переносятъ на далеко—предшествовавшее время, и такимъ образомъ говорятъ небылицу.

Но мы низойдемъ на ихъ точку зрѣнія, будемъ имѣть въ виду, вмѣстѣ съ ними, двѣ отдѣльныя самостоятельныя церкви: одну православно-восточную, а другую западно-католическую, и будемъ sine ira et studio разсматривать отношенія славянскихъ учителей къ той и другой.

II.

Въ доказательство исключительной принадлежности свв. Кирилла и Меѳодія Западу и беззавѣтной ихъ преданности папскому престолу, католическіе писатели ссылаются на то, что миссія ихъ апостольства, которая составляетъ существенное отличіе и славу ихъ имени, развивалась и осуществлялась подъ властію и по распоряженіямъ папъ, и въ предѣлахъ подвѣдомой имъ области, какъ эту мысль, вторя преданнымъ себѣ славистамъ, проводитъ въ своей Энцикликѣ и папа: sed tamen eorum missionem ab hac Apostolica Sede, catholicae unitatis centro, aut omnino imperari, aut, quod plus vice simplici actum est. rite sancteque approbari oportuit. Но напрасно Западные и сама Энциклика хотятъ подчинить просвѣтительную дѣятельность Кирилла и Меѳодія исключительно папской власти и ограничить ее, главно, Западомъ. Ихъ апостольская миссія началась еще въ Византіи, и три раза явлена была, въ предѣлахъ Востока, по повелѣнію византійскаго императора и съ благословенія патріарха, вовсе безъ участія и даже, по разстоянію мѣстному, безъ вѣдома первосвятителя римскаго. Въ первый разъ, когда, гордые, послѣ велемудраго Гарунъ-Аль-Рашида, своимъ просвѣщеніемъ, Сарацины прислали изъ города Митилены въ Константинополь пословъ съ вызовомъ для пренія о троичности Божества и когда, избранный для сего состязанія, Константинъ, не смотря

16819

на его молодость, при помощи, приданнаго ему въ пособники, другаго просвѣщеннаго мужа, Асинкрита Георгія, одержалъ полную побѣду надъ сарацинскими учеными, опровергнувъ всѣ ихъ лжемудрыя возраженія и разсужденія. (Непонятно, почему Энциклика умалчиваетъ объ этомъ исповѣдническомъ подвигѣ Кирилла, когда подробно о немъ говорится во всѣхъ сказаніяхъ о его жизни: неужели для того, что-бы, въ извѣстныхъ видахъ, представить въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ учительную дѣятельность Солунцевъ на Востокѣ и выставить шире и рельефнѣе на Западѣ?) — Другой разъ апостольскій подвигъ совершенъ былъ имъ—и уже совмѣстно съ братомъ Меѳодіемъ, и тоже по повелѣнію царя и съ одобренія патріарха, безъ всякаго отношенія къ Западу, у Козаръ, жившихъ по западному берегу Каспійскаго моря, которые, колеблясь между двумя навязывавшимися имъ вѣрами, еврейскою и магометанскою, просили византійскаго императора прислать книжнаго человѣка, который бы объяснилъ имъ сущность того и другаго вѣроисповѣданія и указалъ бы имъ истинный путь, котораго они должны держаться въ дѣлѣ вѣры. Извѣстно, какими благодатными послѣдствіями сопровождалась эта миссія византійскихъ проповѣдниковъ. Козарскій каганъ, вмѣстѣ съ своею дружиною и со многими изъ города, увѣровали во Христа и приняли св. крещеніе, а блаженные Учители, для поддержанія и продолженія начатаго ими святаго дѣла, должны были оставить тамъ нѣсколько священниковъ изъ Херсона, гдѣ они, передъ тѣмъ, по пути временно останавливались. Третье апостольское дѣло свв. Кирилла и Меѳодія, совершенное ими внѣ предѣловъ власти и вѣдомства папы, есть обращеніе, или, по-крайней мѣрѣ, участіе въ обращеніи Болгаръ въ христіанство. Болгарія, еще въ

началѣ IX столѣтія, по частямъ и отдѣльными лицами, обращается къ вѣрѣ во Христа, по поводу войнъ, веденныхъ ею съ византійскою имперіею и, подъ смиреннымъ образомъ плѣнныхъ, вводившихъ въ безпокойную страну дѣйственныхъ проповѣдниковъ, которые умѣли грубыя души ознакомлять съ святой вѣрой. Рѣшительное же и общее введеніе христіанства произошло при Богорисѣ, современномъ свв. Первоучителямъ, который, при крайне смущавшемъ его, общемъ народномъ бѣдствіи—голодѣ, потрясенный картиною Страшнаго Суда, рѣшился прибѣгнуть къ милосердію и силѣ христіанскаго Бога, и дѣйствительно, не постыдившаго его въ его упованіи. Картина же написана была св. Меѳодіемъ, какъ къ тому приводятъ соображенія многихъ какъ православныхъ, такъ и католическихъ славистовъ, въ виду свидѣтельствъ двухъ византійскихъ историковъ, Кедрина и Продолжателя Константина Багрянороднаго. *) Conveniunt, говоритъ Assemani (Kalendaria ecclesiae universae, Romae. 1755, pag. 120), tempora, nomen Methodii, locus praedicationis, historici denique, qui illum primo Bulgaris, deinde Moravis praedicasse scribunt. Но если эти соображенія еще могутъ вызывать пререканія, то мы имѣемъ другое ясное и неоспоримое свидѣтельство о просвѣтительномъ вліяніи Меѳодія на болгарскаго князя. Это—свидѣтельство писателя Жизни св. Климента, ученика св. Меѳодія, который, въ гл. IV своего сказанія о Климентѣ, говоритъ и объ его руководителѣ, великомъ, какъ онъ его называетъ, Меѳодіѣ, именно, что онъ „еще прежде, сдѣлавши болгарскаго князя Бориса чадомъ своимъ, и, плѣнивши

*) Слова Кедрина: *Μεθόδιόν τινα μόναχον ῥωμαῖον τὸ γένος, ζωγράφον τὴν τέχνην*, слова Продолжателя Константинова почти одинаковыя: *Μόναχόν τινα τῶν καθ' ἡμᾶς ζωγράφον, Μεθόδιος ὄνομα τῷ ἀνδρί.*

16819

его отечественнымъ своимъ (греческимъ) языкомъ, непрестанно осыпалъ его благодѣтельными дарами словесъ и поученій". Но до сихъ поръ мы видимъ труждающимся, въ дѣлѣ обращенія и утвержденія въ вѣрѣ Болгаръ, одного Меѳодія, и—трудящимся совершенно независимо и вдали отъ папъ. Имѣло мѣсто и общее ихъ дѣйствіе къ просвѣщенію этого народа. Именно, это было тогда, когда оба брата, приглашенные въ Моравію, проходили славянскія страны, и въ числѣ ихъ, ближе всего и первѣе всего, Болгарію, и надѣляли ихъ списками переведенныхъ ими священныхъ книгъ, и, можетъ быть, совершали и самое богослуженіе на родномъ ихъ языкѣ, о какомъ ихъ вѣроучительномъ дѣйствіи говоритъ и папа въ своей Энцикликѣ: cumque iter per Bulgariam instituissent, christianorum initiatam sacris, nullo loco praetermittunt amplificandae religionis opportunitatem. Такимъ образомъ, мы видимъ апостольскую дѣятельность святыхъ Путниковъ нарочито развивающеюся; но гдѣ же участіе папской власти, которой Энциклика хочетъ подчинить ее во всемъ объемѣ? Мы не видимъ и признаковъ папскаго прикосновенія къ дѣлу свв. Первоучителей, да и не могло быть его по самой разномѣстности. Но вотъ открывается для нихъ новая арена дѣятельности—въ самомъ районѣ папской власти. Конечно, здѣсь уже нельзя было сдѣлать ни шагу безъ прямыхъ указаній папской власти, и въ особенности, такого крутаго, притязательнаго и властолюбиваго папы, каковъ былъ Николай I-й, да еще въ жару самой схватки съ патріархомъ Фотіемъ. Но что же мы видимъ на дѣлѣ? Моравскіе князья присылаютъ къ византійскому императору Михаилу III-му, совершенно минуя папу, посольство, да еще съ оскорбительною и унизительною для его управленія жалобою,

что, хотя они и народъ ихъ и приняли христіанскую вѣру отъ западныхъ латинскихъ священниковъ, но, не разумѣя ихъ языка и слыша разные толки отъ вошедшихъ къ нимъ разныхъ учителей, по простотѣ своей, не знаютъ чего держаться, и не вѣдаютъ существа вѣры, ограничиваясь только исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ, и потому просятъ прислать имъ такого учителя, который истолковалъ бы имъ дѣломъ новопринятую ими вѣру на ихъ родномъ языкѣ и наставилъ бы ихъ на истинный разумъ и правду. Царь, не сдѣлавъ никакого предварительнаго сношенія съ задорнымъ папою, созываетъ совѣтъ и, съ общаго согласія, назначаетъ, для отправленія въ чужую область, двухъ прославившихся своею ученостію и проповѣдническою мудростію, братьевъ, Константина и Меѳодія, и снабжаетъ ихъ рекомендательнымъ отъ себя письмомъ къ князю Ростиславу (но не къ папѣ), съ пожеланіемъ благоупотребить высокопросвѣщенную двоицу на дѣло общаго спасенія, а себѣ стяжать въ будущихъ родахъ славную память великаго Константина. Кириллъ, хотя тогда и разстроенный здоровьемъ, и братъ его Меѳодій, хотя не призванные нарочитымъ приглашеніемъ, но, повинуясь велѣнію предержащей власти, съ радостію принимаютъ новое посланничество, и, снабженные разными потребностями жизни отъ щедротъ царскихъ, со всеусердіемъ идутъ въ чуждую церковную область для духовнаго дѣланія; достигаютъ Моравіи, князь встрѣчаетъ ихъ съ особенною честію, а народъ— въ восторгѣ отъ прихода родственныхъ и одноязычныхъ наставниковъ. Князь повелѣваетъ собрать, сколько можно, больше учениковъ и учить ихъ новоизобрѣтенной грамотѣ. Эти вскорѣ узнаютъ весь церковный порядокъ, изучивъ и утреню, и часы, и вечерню, и павечерницу, и тайную службу.

16819

т. е. обѣдню. Тогда, по замѣчанію жизнеописателя, согласно пророческому слову, отверзлись уши глухихъ, и услышались словеса книжныя, и ясенъ сталъ языкъ гугнивыхъ. Не ограничиваясь мѣстопребываніемъ князя, горѣвшіе ревностію по вѣрѣ, свв. Проповѣдники переходили съ мѣста на мѣсто съ словомъ жизни и спасенія и утверждали въ странѣ царство правой вѣры. Въ это-же, вѣроятно, время, они ходили и въ другой разъ въ Болгарію, постепенно принимавшую христіанство, для распространенія и утвержденія въ ней здраваго ученія. И такимъ образомъ святые братья хозяйствуютъ въ чужомъ вѣдомствѣ четыре съ половиною года—до самаго прихода въ Римъ—безъ вѣдома и какого либо отношенія къ нимъ папы!!! Гдѣ же тутъ власть папы? Гдѣ воздѣйствіе его на апостольскую дѣятельность византійскихъ пришельцевъ? Гдѣ та всесовершенная зависимость отъ римской каѳедры, о которой такъ настойчиво твердятъ западные писатели?.. Но и тогда, когда Меѳодій (Кирилла уже не было въ живыхъ) утвердилъ свое пребываніе въ Моравіи подъ формальною властью папы, и тогда вѣропроповѣдническая дѣятельность его развивалась въ сосѣдственныхъ славянскихъ странахъ самостоятельно, потому что совершалась согласно обряду грековосточной церкви, чего папа никакъ допустить не могъ-бы. Такъ въ Богеміи, куда Энциклика ведетъ Меѳодія для проповѣди, князь Боривой вмѣстѣ съ супругою своею Людмилою, причисленной грекороссійскою церковью къ лику святыхъ, крещены были имъ, при содѣйствіи Святополка Моравскаго, по греческому обряду, къ которому, принадлежалъ и самъ крестившій, какъ о томъ говоритъ, риѳмованная, „Чешская Хроника“ Далемила, написанная на основаніи древнихъ лѣтописей:

„Prosi krsta ot Swatopluka morawského,
a ot Methodieie arcibiscupa velehradského,
ten archibiscup rusin (въ др. rusenin,, rusky) biése,
msu swu slovansky sluziese.
U werehradie krsti Cecha prvého,
Boriwoie knieze ceského,
leta ot norozenie bozieho
Po osmi set po devietidsat ctvrtého".

Тоже надобно сказать и о Польшѣ, въ которую Энциклика, вслѣдъ за Чехіей, ведетъ Меѳодія со свѣтильникомъ евангелія: per eadem tempora Evangelii lumen in Poloniam invehendum (Methodius) curavit. Дѣйствительно ли Польшу просвѣтилъ христіанствомъ Меѳодій, какъ угодно утверждать Энцикликѣ, или просвѣтителями ея были ученики его, разсѣявшіеся, по изгнаніи изъ Моравіи, по разнымъ окрестнымъ славянскимъ странамъ, только первобытная вѣра въ Польшѣ могла быть не иная, какъ та, къ которой принадлежали сами проповѣдники, т. е. православная греко-восточная, значитъ, безъ всякаго отношенія къ папѣ, что подтверждаютъ и сами польскіе писатели какъ древніе, такъ и новые. *) Что касается Галиціи и нашего отечества, Россіи, которыя папа также вовлекаетъ въ районъ непосредственнаго апостольскаго дѣйствія Меѳодія (но не въ добрыхъ мысляхъ, а въ такихъ, что вотъ-де, „схизматики, васъ просвѣтилъ вѣрою Меѳодій, котораго вы достойно и чтете, а онъ былъ преданъ папѣ

*) См. Kosmas prag. стр. 168—172; слич. Мацеёвскаго. „Исторія первобытной церкви у Славянъ", перев. О. Евецкій, Варшава, 1840, стр. 105 и сл.; см. J. M. Ossolinskiego, Wiadomasci historyczno—krytyczne, w Krakowie, 1818 г. стр. 25 и въ немѣцкомъ переводѣ Кадлубка. стр. 234—236; Friese, Kirchengesehichte Polens, Breslau, 1786; Kalendarzyk polityczny. 1836, изд. въ Варшавѣ, стр. 2; статью преосв. Иннокентія (Борисова) «О началѣ христіанства въ Польшѣ» въ Жур. Мин. н. пр. 1842 г. № 1.

16.819

и католичеству; слѣд., и вамъ достоитъ быть папистами и католиками), *) то, кажется, папа слишкомъ спѣшитъ просвѣщать русскія племена вѣрою: въ это время, во второй половинѣ IX столѣтія, надъ страною лежитъ еще густая тьма язычества, и только изрѣдка въ Россію заносятся изъ Греціи, въ лицѣ, напр., Аскольда и Дира (866 г.), нѣкоторыя искры свѣта, для которыхъ не стоило учреждать особыхъ самостоятельныхъ епископскихъ каѳедръ, какими безвременно озабочиваетъ Меѳодія папа во время странствія его по полуночнымъ странамъ. Если бы что подобное дѣйствительно было, то нашъ лѣтописецъ Несторъ, съ такимъ вниманіемъ слѣдящій за начатками христіанства въ Россіи и подмѣчающій ихъ въ странствованіяхъ Андрея Первозваннаго и мѣстопребываніи Андроника, спутника Ап. Павла, не упустилъ бы упомянуть и о посѣщеніи Меѳодія, о которомъ, между тѣмъ, такъ много распространяется въ своей Лѣтописи.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ осмотрѣ дѣла, оказывается, что папское вліяніе на обширную апостольскую дѣятельность Первоучителей ограничивается собственно предѣлами епископіи Меѳодіевой, а до сихъ поръ оно состояло, главно выражаясь канцелярски, въ „принятіи къ свѣдѣнію“ разныхъ ихъ дѣйствій къ христіанскому просвѣщенію народовъ, что́ сознаетъ и самъ папа, въ своей Энциклике, спустившись съ высоты величественнаго imperari, до скромнаго самоуправленія: aut, quod plus vice simplici actum est, rite

*) Quo (in Poloniam) cum ille (Methodius) per mediam Gallaeciaml penetravisset, sedem episcopulem Leopoli (во Львовѣ, или, по искаженію нѣмецкому. въ Лембергѣ) statuit. Inde, ut nonvulli tradiderunt, in Moscoviam proprii uominis digressus, thronum pontificale Kiowense consttuit.

sancteque approbari oportuit,—въ переводѣ: „или, что чаще случалось, надобно было только вполнѣ одобрять“. Каково будетъ это вліяніе папской власти на просвѣтительную дѣятельность Меѳодія въ границахъ и во время его епископства въ Моравіи, о томъ увидимъ ниже.

III.

Но если—говорятъ Западные—Кириллъ и Меѳодій и дѣйствовали, иногда, или и большею частію, въ дѣлѣ своего учительства свободно и независимо отъ положительныхъ указаній папской власти, тѣмъ не менѣе они давали предъ папами отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и требуемы были на судъ предъ нихъ, для оправданія себя въ разныхъ взводившихся на нихъ обвиненіяхъ, какъ это выставляетъ на видъ и Энциклика: Revera hic in Urbe Roma ab iis est et suscepti muneris ratio reddita, et ad accusationes responsum; слѣд., заключаютъ поборники римскаго главенства, признавали себя подсудными папской власти и потому вполнѣ и формально зависимыми отъ папскаго престола. Но странно было-бы и совсѣмъ не въ порядкѣ вещей, если бы: съ одной стороны, папа, узнавъ объ учительныхъ дѣйствіяхъ какихъ-то двухъ со стороны пришедшихъ и съ необыкновеннымъ успѣхомъ дѣйствующихъ проповѣдниковъ въ одномъ изъ отдѣловъ его области, не захотѣлъ узнать ближе, какъ ихъ самихъ, такъ и духъ и образъ ихъ ученія, а съ другой стороны, если-бы святые и богомудрые учители не захотѣли повиноваться призыву высшей, мѣстной, духовной власти и дать подлежащее объясненіе о поводахъ ихъ пришествія въ чуждую область, о духѣ и способѣ ихъ ученія и плодахъ отъ того происходящихъ. Первое, со стороны папы, означало бы величайшее небреженіе о

16819

ввѣренной ему паствѣ, а пожалуй, и необыкновенное, въ римскомъ, всегда своекорыстномъ, духѣ, невниманіе къ матеріальному ущербу, какимъ могло грозить неожиданное вмѣшательство сторонних пришельцовъ, а второе, со стороны благочестивыхъ и духомъ Христовымъ проникнутыхъ Вѣроучителей, означало бы строптивость и гордость, вовсе несовмѣстныя съ ихъ святымъ, апостольскимъ званіемъ. И тѣмъ естественнѣе папѣ было потребовать къ себѣ обоихъ пришельцовъ для разузнанія ихъ дѣла, что они употребляли новый, необычайный для Рима, способъ ученія—на природномъ языкѣ просвѣщаемыхъ, тогда какъ узаконенный и общепризнанный органъ проповѣди и богослуженія былъ и до-селѣ есть, языкъ латинскій, а пришедшимъ учителямъ тѣмъ сподручнѣе и подходящѣе было явиться въ Римъ, что они сами сознавали новость и необычайность, въ странѣ ихъ пришествія, употребляемаго ими способа ученія и опытно то дознавали, встрѣчая повсюду прекеканія и возраженія противу принятія ими въ дѣлѣ вѣроученія народнаго языка. Равно и впослѣдствіи, когда Меѳодій, держась своего исключительно національнаго способа ученія и православно-греческаго или, лучше, вселенскаго образа вѣрованія, навлекалъ тѣмъ на себя обвиненія въ уклоненіи отъ правовѣрія или испытывалъ разныя обиды и огорченія отъ злонамѣренныхъ людей, каковъ былъ, напр., интриганъ Вихингъ, то, конечно, оправдываться отъ обвиненій и искать защиты отъ обидъ онъ нигдѣ болѣе не могъ, какъ на мѣстномъ судѣ папскомъ: не въ Византію же ему было идти къ царю или патріарху для оправдательнаго отвѣта, или чтобъ сыскать себѣ защиту отъ клеветъ и оскорбленій.

Но что свв. Кириллъ и Меѳодій подчиняли себя такимъ

образомъ суду папскому, значитъ ли это, что они чрезъ то признавали папу верховнымъ судіею въ дѣлахъ церкви вообще и даже въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ одного славянскаго міра, какъ того домогался властолюбивый Николай 1-й, и чего, конечно, хочетъ и Энциклика? Отнюдь нѣтъ! Свв. учители видѣли, при такихъ случаяхъ, въ папѣ одного случайнаго судью, котораго дѣйствіе и вліяніе обусловливалось только обстоятельствами мѣста и времени,—такого судью, какимъ могъ бы и долженствовалъ бы быть и патріархъ константинопольскій или другой какой, если бы въ ихъ вѣдомство пришло какое-нибудь духовное лицо и подверглось обвиненію въ какомъ нибудь нарушеніи догматовъ вѣры или уставовъ церковнаго благочинія. Внѣ своей области папа уже не былъ никому изъ восточныхъ судьею, и во всякое другое время, какъ прежде, такъ и послѣ, для сыновъ восточной церкви судебная власть папы не имѣла мѣста и значенія. Вѣдь свв. братья не навсегда и не на постоянное служеніе моравской церкви отправлялись въ римскую область, какъ это видно изъ предсмертныхъ словъ блаженнаго Кирилла, которыми онъ убѣждалъ своего брата—изъ любви къ Олимпу, не возвращаться домой и не оставлять начатаго ими съ-обща богоугоднаго дѣла,—но пришли на время, покуда не благоустроятъ религіознаго положенія призвавшихъ ихъ Моравянъ. Слѣд., Меѳодій воленъ былъ возвратиться въ свою любезную отчизну во всякое время, и—тогда всякая судебная, относительно его, власть папы ipso facto прекращалась. Подсудному положенію византійскихъ пришельцовъ въ Римѣ бываетъ нѣчто подобное у насъ въ Россіи, населенной народностями разныхъ вѣръ и сектами разныхъ обрядовъ, для обращенія и просвѣщенія которыхъ существуютъ по

1681

епархіямъ миссіи. Миссіонеръ, пришедшій изъ другой, сосѣдственной или дальней епархіи, отдаетъ отчетъ въ своей просвѣтительной дѣятельности, духовному начальству той епархіи, въ которую пришелъ со стороны: равно, если открываются на него какія нибудь обвиненія въ уклоненіи отъ здраваго ученія или жалобы на неприличное поведеніе, то онъ судится судомъ того епархіальнаго начальства, въ вѣдомствѣ котораго совершалась его дѣятельность; но чрезъ это онъ не дѣлается членомъ новой епархіи, но считается принадлежащимъ къ той, изъ которой вышелъ и въ которую имѣетъ возвратиться. Это примѣненіе можно взять и шире. Иностранецъ, пришедшій въ чужое государство, подчиняется надзору и суду того государства, но черезъ то не дѣлается его подданнымъ,—для этого требуются другія условія. Такъ точно и Кириллъ и Меѳодій, хотя и дѣйствовали въ чужой церковной области и подчиняли себя наблюденію и суду мѣстной власти, но тѣмъ не менѣе нисколько не принадлежали къ той области—Римской, а были неизмѣнными членами и исповѣдниками православно-восточной церкви.

Такимъ образомъ неосновательно и несправедливо адепты римской церкви и сама Энциклика, отъ нихъ исшедшая,—изъ того, что Кириллъ и Меѳодій временно и случайно подчинялись суду главы ея, папы, хотятъ заключить ко всецѣлой и формальной принадлежности Свв. къ западной церкви, все равно, какъ было бы смѣшно, если бы англичанина, пришедшаго въ Римъ, вслѣдствіе заявленія имъ о своей личности въ мѣстной полиціи, захотѣлъ бы кто считать римскимъ гражданиномъ или итальянскимъ подданнымъ, или если бы отправленный изъ Римской Пропаганды въ Китай миссіонеръ, вдругъ сталъ бы считаться китайцемъ.

IV.

Новое доказательство самопреданія себя свв. Братьями, сынами восточной церкви, въ лоно римской церкви западные слависты хотятъ видѣть въ томъ, что они, или по крайней мѣрѣ, Меѳодій, дали обѣтъ, словесно и письменно, предъ лицемъ апостоловъ Петра и Павла, исповѣдывать святую вѣру Христову по разумѣнію и чину Римской церкви *), и даже, по выраженію папы въ Энцикликѣ, клятвенно: hic ad sepulcra Petri et Pauli in fidem catholicam iuratum, и—конечно, какъ служители вѣры и правды, данный обѣтъ свято сохранили. Но спрашивается, какой церкви вѣрованія и установленія они принимали и обязались свято содержать: римской ли церкви in conreto или римской, какъ общей вселенской, и въ выраженіи энциклики: in fidem catholicam iuratum, что разумѣть: католическую-ли т. е. обособленную самочинно въ Римѣ въ отдѣльную отъ вселенской форму, или каѳолическую вѣру, т. е. вселенскимъ разумѣніемъ и согласіемъ установленную. Само собою разумѣется, что папы требовали, по крайней мѣрѣ, отъ Меѳодія, напр., при посвященіи въ епископы, обѣта исповѣданія и соблюденія догматовъ и правилъ вселенской церкви, какъ они освящены и утверждены рѣшеніями семи вселенскихъ соборовъ. Иныхъ требованій они и не могли предъявлять, потому что это значило бы свою римскую церковь выставить отдѣлившеюся отъ единства вселенскаго православія и слѣд., еретическою, а приступающаго къ обѣту, тѣмъ болѣе, клятвенному, оттолкнуть отъ совершенія обѣта.

*) Въ посланіи папы Іоанна VIII къ Святополку говорится: audivimus, quia Methodius... aliter doceat, quam coram sede apostolica se credere et verbis et literis professus est, а въ посланіи его-же на имя самаго Меѳодія: ut cognoscamus, utrum sic teneas et praedices, sicut verbis et literis te s. Romanae ecclesiae credere promisisti.

16.81c

Поэтому блаженнные Проповѣдники, свято и неуклонно, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовали правиламъ святой вселенской и апостольской церкви.

Но такъ какъ римская церковь, самовольнымъ принятіемъ нѣкоторыхъ новыхъ догматовъ и порядковъ, во время Кирилла и Меѳодія начала уже уклоняться отъ соборной (каѳолической) церкви, и святый Меѳодій, вѣрный этой послѣдней и данному имъ обѣту, не хотѣлъ принимать и раздѣлять съ западными тѣхъ уклоненій: то, вслѣдствіе этого и понеслись на него жалобы въ Римъ о его неправовѣріи и введеніи имъ новаго, несогласнаго съ римскою церковью, ученія. Указанія на эти жалобы мы находимъ: во 1-хъ, въ замѣткахъ безыменнаго сочинителя записки De conversione Bogoariorum et Carantanorum (издано лучшимъ образомъ въ Glagolita Clozianus, Копитара, Wien, 1836 стр. 72—76, какъ Appendix quinta), гдѣ онъ говоритъ: usque dum quidam graecus, Methodius nomine, noviter inventis slavinis literis, linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorales latinas philosophic superducens, vilescere fecit cuncto populo ex parte (Slavorum) missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt, и въ заключеніе: hoc enim ibi observatum fuit, usque dum nova orta est doctrina Methodii philosophi (стран. LXXV—LXXVI), и во 2-хъ, въ выше приведенныхъ посланіяхъ папы Іоанна VIII: въ одномъ—на имя самаго Меѳодія—говорится: audivimus, quod non ea, quae sancta romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit et cottidie praedicat, tu docendo doces et ipsum populum in errorem mittas, въ другомъ—на имя Святополка:—monemus dilectionem vestram, ut sic teneatis, sic credatis, sicut sancta romana eclesia ab ipso apostolorum principe di-

dicit, tenuit et usque ad finem saeculi tenebit... audivimus vero, quia Methodius aliter docet, quam et c. Но замѣчательно, что ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ не указывается пункта ученія, въ которомъ расходится Меѳодій съ господствующимъ въ римскомъ патріархатѣ взглядомъ, а все говорится вообще, какъ бы подъ прикрытіемъ, какъ бы боясь прямо высказаться. Къ счастію, мы имѣемъ два положительныхъ и опредѣленныхъ указанія на этотъ пунктъ разногласія Меѳодіева съ римскою церковію: одно въ краткомъ изреченіи паннонскаго жизнеописателя Меѳодіева: „Сихъ же всѣхъ не терпя старый врагъ... въздвиже нѣкія нань... иже болятъ іопаторскою (Υἱοῦ καὶ Πατρός) ересію“,*) а другое — въ свидѣтельствѣ біографа Климента, которое въ дословномъ переводѣ гласитъ такъ: „Не переставалъ великій Меѳодій, при всякомъ случаѣ, дѣлать всякія наставленія, то указуя имъ путь къ честной жизни, то предлагая ученіе церкви въ неизвращенномъ видѣ.... ибо были уже и тогда такіе, которые извращали его и прелагали предѣлы, поставленные нашими отцами (Прит. XXII. 28) въ церкви Божіей, — и души многихъ испытывали вредъ отъ порчи вносимой (въ символъ) франками, утверждавшими, что Сынъ рождается отъ Отца и Духъ исходитъ отъ Сына. И противу нихъ-то

*) См. Шафарика „Разцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи“, напечатано въ «Чтеніяхъ Моск. Общества, исторіи и древностей Россійскихъ» кн. VII, отд. III, 1548 г., и въ немъ «Житіе Меѳодія», стран. 7, § XII.

**) См. Vita s. Clementis, episcopi Bulgarorum, напечатанная Миклошичемъ, въ Вѣнѣ, въ 1847 г., въ сокращенномъ видѣ, стр. 7, § 5, и изданная Проф. Московскаго Университета А. И. Менщиковымъ, къ столѣтнему юбилею Университета, 1855 г., въ полномъ и великолѣпномъ видѣ, съ греческимъ подлинникомъ и русскимъ отчетливымъ переводомъ, въ составѣ «Матеріаловъ для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ».

*

16.81

возставая, Святый (Меѳодій) опровергалъ ихъ умствованія, то на основаніи словъ самаго Господа, то ссылаясь на голосъ Отцевъ". Изъ этихъ двухъ мѣстъ мы ясно усматриваемъ, что предметъ разногласія у Меѳодія съ римскою церковію заключался въ ученіи о Духѣ. Св. Меѳодій училъ, согласно никейско-цареградскому символу, что Духъ святый исходитъ отъ единаго Отца, а франко-нѣмецкое духовенство, слѣдуя, безосновательно сдѣланной на толедскомъ соборѣ, въ Испаніи, въ 589-мъ году, и потомъ принятой подъ защиту свою Карломъ Великимъ, прибавкѣ къ никейскому символу filioque, *) само исповѣдывало и дру-

*) Заблужденіе на счетъ происхожденія Духа Святаго и отъ Сына, получило начало свое въ Испаніи, и вотъ по какому поводу: Испанія въ VI вѣкѣ занята была Вестъ-готами, которые всѣ были аріане, непризнававшіе божественнаго достоинства Сына Божія. Для того, чтобы утвердить и возвысить это достоинство, при вестъ-готѳскомъ королѣ Реккаредѣ I, въ 589 году, въ городѣ Толедо, составился соборъ (по счету третій), на которомъ символъ вѣры, въ первый разъ и былъ изложенъ съ прибавленіемъ Filioque. Изъ испанской церкви это прибавленіе, по сосѣдству перешло во франкскую или галликанскую церковь, гдѣ, въ половинѣ VIII вѣка, встрѣчается въ исповѣданіи собора, держаннаго въ Шантильи, по поводу спора объ иконахъ (767 г.). Съ тѣмъ-же прибавленіемъ читалось, или, по крайней мѣрѣ, читается теперь, исповѣданіе собора Фріульскаго, который, нѣсколько позже (791 г.) держанъ былъ въ сѣверо-западной Италіи Павлиномъ, митрополитомъ Аквилейскимъ. Всѣ эти самовольныя рѣшенія были, однако-же, дѣломъ только частныхъ церквей и соборовъ. По крайней мѣрѣ, Римская церковь сама символъ вѣры въ никейской его формѣ, въ началѣ IX столѣтія, хранила еще свято и въ неприкосновенной его цѣлости. Въ первый разъ оффиціальное представленіе о „Filioque" поступило къ папѣ Льву III съ Ахенскаго собора, бывшаго подъ управленіемъ Карла Великаго (въ 809 г.), открытаго врага грековъ, смѣшивавшаго политическую непріязнь къ Востоку съ религіознымъ догматомъ и потому неподставившаго себѣ въ обязанность снестись, передъ обращеніемъ къ папѣ, съ греческою церковію. До насъ не дошло актовъ этого собора; но сохранились въ подлинныхъ документахъ сношенія, возникшія по этому случаю съ папою. Соборъ, одобривъ

гихъ учило содержать его съ помянутой прибавкой. Само собою разумѣется, что Меѳодій, воспитанный во всей строгости греко-восточнаго православія и наученный отъ юности доброчестными родителями свято и благоговѣйно чтить всѣ постановленія святой церкви, при прямотѣ своего характера и несклонности къ лицемѣрію, не могъ принять и преподавать другимъ такое отступленіе отъ вселенской нормы православія. Мы думаемъ, что онъ скорѣе далъ бы себѣ урѣзать свой языкъ, чѣмъ произнести эту преступную, противуканоническую прибавку, и отсѣчь себѣ руку, чѣмъ подписать такое исповѣданіе, за которое вселенскими

прибавленіе, отправилъ къ Льву III депутацію, состоявшую изъ двухъ епископовъ и аббата, съ титломъ пословъ императорскихъ (missi domini Caroli imperatoris). Эти послы предложили на утвержденіе папѣ три пункта: поставленное соборомъ ученіе о происхожденіи Св. Духа «и отъ Сына»; недоумѣніе, «пѣть» ли символъ вѣры при богослуженіи по обычаю франкской церкви, или «читать» по римскому обычаю; прибавленіе выраженія «Filioque» къ тексту символа. Постановленіе собора относительно самаго догмата папа одобрилъ, въ разсужденіи пѣнія или чтенія символа предоставилъ свободу, а относительно прибавленія высказалъ рѣшительное, безусловное несогласіе, ссылаясь на строгость запрещенія третьяго вселенскаго собора. Что заставило такого благоразумнаго святителя согласиться на самый догматъ по разумѣнію Ахенскаго собора, не извѣстно; но полагать надобно, не хотѣлось ему совершенно противорѣчить могущественному Карлу, котораго самъ-же онъ вѣнчалъ на императорское достоинство и превознесъ отъ лица церкви, въ вопросѣ, который не казался ему опаснымъ для православія. По крайней мѣрѣ, дальнѣйшее поведеніе Льва доказываетъ, что онъ дорожилъ выше всего буквальною цѣлостію символа. Недовольствуясь строгимъ воспрѣщеніемъ прибавленія, съ которымъ были отпущены Карловы послы, онъ сдѣлалъ двѣ серебряныя доски, на которыхъ велѣлъ изобразить неприкосновенный текстъ Никео-Константинопольскаго символа по-гречески и по-латыни, и эти доски приказалъ выставить всенародно въ Римѣ, въ базиликѣ Св. Петра, съ надписью: Haec (scuta) Leo posui amore et cautela orthodoxae religionis. (Эти (доски) поставилъ я, Левъ, изъ любви и въ охраненіе православной вѣры). И въ такомъ видѣ оставались онѣ на мѣ-

16.81

соборами, отъ лица всего христіанскаго міра, положена страшная кара проклятія. Поэтому-то и папа добровольную и праведную вину Меѳодія прячетъ подъ широкимъ покровомъ общихъ выраженій: въ буллѣ къ Меѳодію—non ea, quae s. romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit et cottidie praedicat, tu docendo doccas, въ буллѣ на имя Святополка — ut sic teneatis, sic credatis, sicut s. romana ecclesia ab ipso ap. pr. didicit, tenet... Methodius vero aliter docet. Ибо какимъ бы образомъ умный папа могъ прямо выставить въ обвинительномъ актѣ, что онъ обвиняется въ исповѣданіи Символа вѣры такъ, какъ пред-

---

стѣ до XI вѣка, когда видѣлъ ихъ своими глазами Петръ Даміани, кардиналъ, епископъ остійскій, знаменитый ревнитель папства, сотрудникъ Гильдебранда.

Когда такимъ образомъ исповѣданіе исхожденія Св. Духа «и отъ Сына», не бывъ утверждено Восточною церковію, на Западѣ двоилось и колебалось, такъ что одни строго слѣдовали никейскому символу (это въ самомъ Римѣ), а другіе читали и принимали его съ прибавкою, по рѣшенію Ахенскаго собора, вдругъ болгарскій князь Борисъ, принявшій христіанство, вмѣстѣ съ народомъ своимъ, по восточному обряду и имѣвшій воспріемникомъ отъ купели самаго византійскаго императора Михаила, котораго и имя при крещеніи принялъ,—вдругъ, что называется, ни съ-того, ни съ-сего, этотъ, правда, полудикарь бросился въ Римъ и обратился къ папѣ Николаю I (865 г.), прося его принять юную церковь подъ свое попеченіе. Этому того только и нужно было. Онъ немедленно отправилъ въ Болгарію двухъ итальянскихъ епископовъ, далъ имъ библіи и другія нужныя церковныя книги и уполномочилъ ставить священниковъ. Новые проповѣдники, ничѣмъ не стѣсняясь, начали смѣло уничтожать обряды, введенные церковью, равно христіанскою, равно православною. Фотій молчалъ, покуда дѣло касалось однихъ наружностей вѣры; но когда онъ услышалъ, что западными пришельцами дѣлается посягательство на самое существо вѣры,—дѣлается самопроизвольное прибавленіе къ Символу вѣры, неслыханное на вселенскихъ соборахъ, тогда то онъ отправилъ свое громоносное окружное посланіе ко всѣмъ вселенскимъ патріархамъ, въ которомъ приглашалъ ихъ составить вселенскій соборъ, для осужденія отступничества папы и для отлуче-

писывается вселенскою церковію, и оправдывается въ томъ, что слѣдуетъ тому, чему долженъ неуклонно слѣдовать всякій истинный сынъ церкви? Это значило бы для него выставить себя передъ вселенскою церковію, въ виду обличительныхъ, можетъ быть, уже и ненавистными сдѣлавшихся, серебряныхъ двухъ Львовскихъ досокъ, — выставить себя прямо неправославнымъ, еретикомъ, навлечь на себя громъ проклятія съ Востока и потерять въ церковномъ союзѣ всякій авторитетъ и вѣсъ. Но замѣчательна разность въ изложеніи пунктовъ обвиненія и допроса въ обвинительныхъ или позывныхъ буллахъ противу оправ-

нія его отъ вселенской церкви. Соборъ, дѣйствительно, составился и папа Николай I былъ признанъ недостойнымъ святительскаго сана; положено было прекратить съ нимъ всякое общеніе и предать его анаѳемѣ, а нововведенія западныхъ въ ученіи церкви, «какъ противорѣчащія истинѣ евангельской и ученію апостольскому», признать еретическими. Какой ударъ гордому, самолюбивому, притязательному папѣ, мечтавшему подчинить своему суду и власти всю вселенскую церковь! Онъ заметался во всѣ стороны, *яко елень уязвленный стрѣлою въ ятра* (Прит. VII, 23), ища себѣ защиты отъ поразившаго его осужденія, и — лучшаго нигдѣ не нашелъ, какъ въ французскомъ духовенствѣ, среди котораго заблужденіе о Св. Духѣ наиболѣе было распространено. Онъ обратился къ Гинкмару, архіепископу реймскому, примасу Галліи, одному изъ ученѣйшихъ мужей своего времени; этотъ оповѣстилъ всѣхъ своихъ епископовъ, чтобы они «отвѣчали на возраженія грековъ, присланныя въ Галлію папою Николаемъ». Епископы явили себя защитниками не только догматическаго разномыслія, но и обрядовыхъ отличій. Недовольствуясь этимъ, папа Николай собралъ соборъ въ Вормсѣ, державный въ присутствіи королей Карла Лысаго и Людовика нѣмецкаго, отъ котораго и послѣдовало опредѣленіе, какого только и можно было ожидать отъ западнаго собора: Spiritum enim Sanctum unum atque aequalem cum Deo Patre, et Filio credimus esse Deum, unius substantiae, unius quoque naturae, nec tamen genitum vel creatum, sed a Patre Filioque procedentem amborum esse spiritum. (Plena collectio Conciliorum, Mansi, tom. XIV, стр.) Но мятежнаго и — осужденнаго папы не было уже въ живыхъ, а преемникъ его, Адріанъ II, не дозволилъ въ своей столицѣ никакого из-

16.81

дательнаго посланія: въ первыхъ—къ самому Меѳодію, quod non ea, quae s. romana eccles etc, а на имя Святополка: aliter docet, quam coram sede apostolica etc., въ оправданіи же папа Іоаннъ представляетъ себя спрашивавшимъ Меѳодія: si orthodoxae fidei symbolum ita crederet et inter sacra missarum solemina caneret, sicut s. romanam ecclesiam tenere et in sanctis sox universalibus synodis a sanctis patribus... traditum constat, а Меѳодія отвѣчавшимъ: se juxta evangelicam et apostolicam doctrinam, sicuti sancta romana ecclesia docet et a patribus traditum est, tenere et psallere. *) То есть, въ обвиненіяхъ упоминалась единственно римская церковь, а въ оправда-

---

мѣненія въ символѣ, который тамъ, по-прежнему, оставался въ употребленіи безъ прибавки Filioque (См. Рачкій, Viek i djélovanie sv. Cyrilla i Methodia, svezak II, Zagreb, 1859, стр. 201, прим.; Гинцель, Geschichte der Slaven - Apostel Cyrill und Method, Wien, 1861, стр. 110, прим. 20), но не замѣтно и протеста противъ вормскаго опредѣленія, равно и открытаго какого нибудь, со стороны папъ, противодѣйствія анти-каноническому нововведенію. И такимъ образомъ, римская церковь является въ это время, въ разсужденіи богословія о Св. Духѣ, раздѣленною на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ одна, меньшая числомъ, но сильная авторитетомъ, съ папою во главѣ, принимала ученіе о Духѣ Св. по вселенскому символу, а другая, многочисленная, занимавшая весь патріархатъ за предѣлами Рима, исповѣдывала то ученіе въ новомъ видѣ. Само собою разумѣется, что эта вѣроисповѣдная рознь въ римскомъ патріархатѣ не могла оставаться безъ вліянія на отношенія папъ къ Меѳодію, и есть одна изъ главныхъ причинъ непостоянства рѣшеній папской власти, какое испыталъ Меѳодій.

*) Переводъ допроснаго пункта Меѳодію: «Такъ-ли онъ вѣруетъ въ символъ вѣры и поетъ его во время совершенія литургіи, какъ св. римская церковь содержитъ и какъ преподано на святыхъ шести вселенскихъ соборахъ святыми Отцами. Переводъ оправдательнаго рѣшенія: Онъ-же (Меѳодій) исповѣдалъ, что онъ содержитъ и поетъ по евангельскому и апостольскому ученію и какъ преподано св. Отцами.

ніи выставляется и „Символъ православной церкви“, и „евангельское и апостольское ученіе“, и „шесть (sic) вселенскихъ соборовъ“, и „преданіе отъ Отцевъ“. Очевидно, папа, оправдывая Меѳодія хотѣлъ вмѣстѣ и себя оправдать во мнѣніи тѣхъ, которые иначе мыслили. А что папа въ оправдательномъ актѣ два раза выставляетъ Римскую церковь вѣрною и символу вѣры, и апостольскому ученію, и соборнымъ постановленіямъ, это, конечно, по представленному нами изслѣдованію о состояніи западной церкви во время Меѳодія, разумѣть надобно въ строго мѣстномъ смыслѣ, т. е. относительно церкви города Рима, гдѣ символъ, подъ охраной еще стоявшихъ православныхъ досокъ Льва III. содержался въ неприкосновенной чистотѣ первоначальнаго своего состава.

Впрочемъ, папѣ тѣмъ легче было оправдать, искренно и отъ души, Меѳодія, что онъ и самъ держался одинаковаго съ нимъ исповѣданія, какъ это видно изъ письма Іоанна къ собору въ Константинополѣ, сохранившагося въ актахъ этого собора, на досаду и истинное мученіе римско-католическихъ защитниковъ своего правовѣрія *). Вотъ замѣчательнѣйшія строки, свидѣтельствующія о его исповѣданіи исхожденія Св. Духа отъ единаго Отца: Novit fraternitas tua, пишетъ папа Іоаннъ къ Фотію, quod quando accesit ad nos qui non ita pridem a te missus est, de sancto symbolo nostram sententiam perserutatus est, et invenit illaesum, quemadmodum a principio traditum est nobis, servasse nos, nihil addentes, nihil auferentes. И далѣе: Iterum igitur tuae reverentiae, significamus. ut de hoc articulo, ob quem suborta sunt scandala inter ecclesias Dei, certam persuasionem de nobis habeas,

*) См. убѣдительную защиту подлинности этого документа у г. П. Лавровскаго въ его «Кириллѣ и Меѳодіѣ», Харьковъ, 1863, стр. 422 и сл.

16.819

quod non solum illum non dicimus, sed etiam eos, qui primi ausi sunt sua insipientia hoc facere, praevaricatores esse censemus divinorum oraculorum, qui pervertunt sacram doctrinam Domini Christi et Apostolorum àc ceterorum Patrum *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что св. Меѳодій не только не послѣдовалъ, все болѣе и болѣе распространявшемуся и укоренявшемуся, въ его время, въ римской церкви, заблужденію относительно исхожденія Св. Духа, а строго и непреложно исповѣдывалъ догматъ по ученію вселенской церкви, но и самаго папу заставилъ признать и одобрить его исповѣданіе, хотя подъ нѣкоторымъ прикрытіемъ.

Но кромѣ внѣшнихъ и дальнихъ свидѣтельствъ о томъ, что свв. Апостолы славянскіе не раздѣляли съ Западомъ его вѣроисповѣдныхъ заблужденій, мы имѣемъ еще и домашнее, близкое къ намъ свидѣтельство объ образѣ ихъ вѣрованія отъ самаго преподобнаго Кирилла. Это—Исповѣданіе вѣры, письменно изложенное св. Кирилломъ отъ своего лица и отъ лица брата своего Меѳодія и включенное въ одно сочиненіе болгарскаго письма, хранящееся въ Московской

*) См. Mansi, XVII. 239—526. По русски, приведенное мѣсто значитъ: «Вѣдомо твоему Братству, что когда не такъ давно посланный тобою пришелъ къ намъ, то онъ распрашивалъ на счетъ нашего мнѣнія о святомъ символѣ, и нашелъ, что мы сохранили его не-поврежденнымъ, такъ какъ переданъ онъ намъ былъ отъ начала, ничего въ немъ не прибавляя и ничего не отнимая... Поэтому вторично заявляемъ твоей чести, чтобы ты относительно того члена (символа), изъ-за котораго произошли соблазны между церквами Божіими, имѣлъ въ разсужденіи насъ полную увѣренность, что мы не только не говоримъ его (разумѣется съ прибавкою), но и тѣхъ, которые первые осмѣлились сдѣлать это по своему неразумію, считаемъ исказителями божественныхъ глаголовъ, извращающими святое ученіе Христа Господа, Апостоловъ и прочихъ Отцевъ.—Какимъ ненавистнымъ рожномъ должно казаться въ глазахъ католиковъ это письмо Іоанна VIII къ Фотію! Не даромъ же они огласили и прозвали его «Іоанномъ бабою».

Синодальной Библіотекѣ, по характеру письма и по другимъ признакамъ, принадлежащее къ половинѣ XVI столѣтія *). Оно имѣетъ заглавіе: „Написаніе о правѣй вѣрѣ, изущенное Константиномъ, блаженнымъ философомъ, учителемъ о Бозѣ словенскому языку“, и раздѣляется на три части: въ первой части богомудрый философъ богословствуетъ о Св. Троицѣ, и о Духѣ Святомъ такъ говоритъ: Вѣрую.... и въ *единъ* Духъ Святый, исходящъ отъ Бога Отца *Единаго*, и съ Отцемъ и Сыномъ благословимый же и славимый; во второй, кратко изложивъ догматъ о воплощеніи Сына Божія, прибавляетъ: аще ли же потреба есть и пространнѣе како о семъ обяти (пространнѣе о семъ изложить) за взницающюю и етера тъщеглашенія нынѣ примишлѣющу (ради ереси возникающей и нынѣ придумывающей разныя пустыя рѣчи), се абіе речемъ,—и за тѣмъ излагаетъ пространно догматъ о воплощеніи; въ третьей части кратко объясняетъ, что онъ чтитъ святыя иконы, какъ предалъ „Никейскій (II) святый и великій соборъ“, согласно съ ученіемъ древней церкви. Въ заключеніе своего Исповѣданія Кириллъ находитъ нужнымъ замѣтить, что одинаково съ нимъ вѣритъ и Братъ его, и что оба они такое вѣрованіе преподаютъ и ученикамъ своимъ: „азъ свою сице вѣру исповѣдаю и съ приснымъ моимъ братомъ Меѳодіемъ и поспѣшникомъ въ Божіи службѣ, въ сей бо есть спасеніе и упованіе, и сія предаевѣ своимъ ученикомъ“, изъ которыхъ одинъ, именно паннонскій біографъ Меѳодія, и засвидѣтельствовалъ вѣрность ученію своихъ наставниковъ,

*) Первое подробное извѣстіе о немъ сообщено Калайдовичемъ въ «Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ», стр 89; тутъ же напечатано и его начало. Въ полномъ же видѣ оно напечатано въ „Воск. Чт.“ 1848 г. стр. 407.

16.81

написавъ во вступленіи къ Житію: „отъ того-же Отца и Святый Доухъ исходитъ, якоже рече самъ Сынъ Божіимъ гласомъ: „доухъ истиненъ, иже отъ Отца исходитъ“.

Спрашивается: къ чему въ первой части о исповѣданіи Св. Троицы къ богословію о Духѣ Святомъ прибавлено два раза: *единый*: *Единъ* Духъ Святый, и Отца *Единаго*, тогда какъ въ Никейскомъ Символѣ этихъ прибавленій нѣтъ? Конечно, первое *единъ* употреблено противу тѣхъ, которые выставляли два Духа: одинъ—Христовъ, другой—Отчій, а второе *единаго*—противу тѣхъ, которые принимаютъ исхожденіе Духа „и отъ Сына“.—Въ изложеніи догмата о воплощеніи, во второй части, что это за „нововозникшіе и *нынѣ* измышляющіе пустыя рѣчи“? Конечно, тѣ-же франко-германскіе проповѣдники, которые, слѣпо принявъ поддержанную Карломъ Великимъ прибавку Filioque суесловили, что произвожденіемъ Духа Св. отъ единаго Отца, минуя Сына, яко-бы унижается божественное достоинство Сына въ угоду Аріанамъ, а извожденіемъ купно и отъ Сына уравнивается честь его со Отцемъ,—не подозрѣвая того, что, изводя Духа Святаго и отъ Сына, тѣмъ самымъ скорѣе низводятъ Сына Божія на нѣкую низшую степень божества, а Духа Св. на степень низшую самаго Сына, чѣмъ возвышаютъ Сына Божія, такъ какъ два начала, два равные Бога невозможны, униженіе же одного предъ другимъ возможно только въ аріанствѣ, въ каковомъ смыслѣ и надобно понимать присовокупляемыя св. Кирилломъ въ его „Исповѣданіи“, вслѣдъ за изложеніемъ догмата о Св. Троицѣ, слова“: да аріанское неистовство учашю (утишу), отъ него-же и къ нему-же ми нынѣшняя брань. Наконецъ, въ третьей части „Исповѣданія“ что за нужда была говорить о почитаніи святыхъ иконъ, когда въ общепринятомъ Сим-

волѣ объ этомъ не говорится ни слова? Да, нужно было, въ то время, на Западѣ, поучать благочестію и съ этой стороны, потому что, хотя на Никейскомъ II Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ 787 году, при Императрицѣ Иринѣ, противу иконоборцевъ, папа Адріанъ I, черезъ своихъ легатовъ, и подалъ голосъ въ осужденіе иконоборства, и хотя неодобреніе это со стороны римской церкви и было подтверждено на Соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ въ 869 году противъ патріарха Фотія, гдѣ иконоборческая ересь, согласно съ постановленіемъ седьмаго Вселенскаго Собора, поражена была окончательнымъ проклятіемъ,—но Карлу Великому, не побоявшемуся нарушить цѣлость Никейскаго Символа, хотѣлось стать и въ этомъ случаѣ выше Греціи; онъ нашелъ нужнымъ собрать свой соборъ, чтобы заподозрить въ иконопочитаніи; идолопоклоненіе вслѣдствіе чего и существовало еще на Западѣ колебаніе, или, даже и просто, несогласіе на счетъ принятія постановленій II Никейскаго, VII Вселенскаго Собора, какъ то можно видѣть изъ оправдательнаго о Меѳодіи посланія папы Іоанна къ Святополку, гдѣ онъ пишетъ: si orthodoxae fidei symbolum ita crederet, sicut... in sanctis sex universalibus synodis... traditum constat, и изъ вступительной части паннонскаго жизнеописанія Меѳодія, гдѣ тоже проходится молчаніемъ о Седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, но не упоминается и объ Осьмомъ,—въ доказательство колебанія жизнеописателя между Восточною и Западною церковію. И вотъ противу тѣхъ-то проповѣдниковъ, которые отклоняли народъ отъ почитанія иконъ, и надобно было Кириллу объяснить истинное значеніе иконопочитанія. „Почитаемъ также и лобызаемъ святые образа и знаменія, въ изображеніяхъ показывающія намъ всѣ евангельскія повѣсти и на-

16.81?

поминающія о томъ, что содѣлано для насъ Спасителемъ... Всѣ, наученные Духомъ Божіимъ, знаютъ различіе чести,— какую честь, какое поклоненіе должно воздавать Христу, и какая честь подобаетъ святымъ иконамъ".

Такимъ образомъ, взводимыя западными писателями на Первоучителей Славянъ клеветы, что яко-бы, оставивъ Востокъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнили Православной Восточной Церкви и раздѣляли всѣ взгляды и уклоненія Западной,—падаютъ передъ разобраннымъ нами, ихъ собственнымъ и самоличнымъ, свидѣтельствомъ объ образѣ ихъ вѣрованія, вполнѣ согласномъ съ Восточною нормой и расходящемся съ Западными нововведеніями, и—вмѣстѣ съ Калайдовичемъ *) преосвященными Макаріемъ **) и Филаретомъ ***) и г. Лавровскимъ ****), думаемъ, что это было именно то исповѣданіе, какое устно и *письменно* предложили Кириллъ и Меѳодій папѣ Адріану II, о чемъ такъ положительно говоритъ Іоаннъ VIII, въ посланіи (879 г.) къ Святополку и Меѳодію. Къ убѣжденію въ подлинности документа приводятъ насъ и содержаніе, и направленіе его и соотвѣтствіе тѣмъ обстоятельствамъ, въ какихъ на Западѣ поставлены были Первоучители, и отсутствіе поводовъ къ поддѣлкѣ въ подобномъ смыслѣ во всякое другое время, и характеръ языка, очень древняго и подходящаго къ тому, какой находимъ въ Остромировомъ евангеліи и въ Изборникѣ Святослава. А что въ Ватиканскихъ

*) Іоаннъ экзархъ Болгарскій. стр. 89.

**) Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра Спб. 1846, стр. 212.

***) Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители, въ «Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. рос. 1846, кн. IV, стр. 19; здѣсь-же помѣщенъ и подробный разборъ „Исповѣданія" Кириллова.

****) Кириллъ и Меѳодій, стр. 428.

архивахъ его не сохранилось, тому удивляться нечего, потому что извѣстна наклонность Римской Куріи скрывать и даже совершенно уничтожать памятники, которые могутъ быть обращены къ обличенію неправдъ ея церкви и уклоненій отъ правой вѣры.

V.

Другое основаніе къ притязанію на принадлежность св. Первоучителей Западу и вмѣстѣ яко-бы доказательство особеннаго вниманія къ ихъ заслугамъ и достоинствамъ, со стороны Римской іерархіи, поборники ея думаютъ видѣть въ томъ, что папами они быстро возведены были въ высшія іерархическія степени, съ предоставленіемъ права посвящать и другихъ въ духовныя должности, что выставляетъ и папа въ своей Энцикликѣ: hic ad sepulcra Petri et Pauli.... consecratio episcopalis accepta una cum potestate sacri imperii, retento ordinum discrimine, consituendi *). Что Первоучители по святости и чистотѣ своихъ нравовъ и по апостольскимъ подвигамъ, совершеннымъ ко благу христіанства, заслуживали всякой чести и превознесенія, въ томъ никто сомнѣваться не можетъ, хотя, въ тоже время мы должны признать, что, по своему смиренномудрію, они далеки были отъ всякаго искательства земной чести. Посмотримъ-же, какъ Римская іерархія чествовала славянскихъ Апостоловъ, при ихъ жизни. Прежде всего знать надобно, что св. Кириллъ явился въ Римъ въ званіи бѣлаго священника, а Меѳодій въ образѣ простаго монаха, съ званіемъ игумена Полихронскаго монастыря, которое

*) Т.-е. здѣсь у гробницъ Петра и Павла получено (Кир. и Меѳ.) посвященіе во епископы, вмѣстѣ со властію поставлять и другихъ въ духовныя должности, съ наблюденіемъ различія въ степеняхъ.

16819

предоставлено ему было тотчасъ, по возвращеніи съ проповѣди у Казаръ. Священническое званіе Константина видно изъ слѣдующаго мѣста паннонскаго Житія Кирилла: „св. философъ не любитъ житія сего (докладываетъ императору Логоѳетъ, послѣ того, какъ изъ откровеннаго объясненія съ Константиномъ увѣрился въ его нерасположенности къ мірскимъ занятіямъ и почестямъ), да не отпоустимъ его общини, *но постригъши его отдадимъ на поповство и службу*, да будетъ вивліотикарь оу патріарха въ светѣи Софіи еда понѣ тако его оудръжимъ, еже и сотворише емоу“, а о простомъ монашествѣ Меѳодія паннонское-же Житіе его такъ говоритъ: „не хотяше честныя душя ороптити непребывающими въ вѣкы, и обрѣтъ время исбыстъ княженія, и шедъ въ алимбъ, идѣже святіи отцы живоутъ, *постригся облечеся въ черны ризы*. Какую-же честь воспріяли отъ Рима, въ такомъ смиренномъ образѣ явившіеся, св. Пришельцы? Константинъ никакой, а за нѣсколько дней до кончины облекшись въ иноческій образъ, сдѣлался изъ простаго священника іеромонахомъ, какъ о томъ засвидѣтельствовано въ томъ-же Житіи Кирилла: „въ оутрѣи-же день *въ светыи мнишкыи образъ облече се*, и свѣтъ къ свѣту пріемь нарече имя Кирилы, и въ томъ образѣ пребысть дьнии 8“, Меѳодій-же изъ простаго инока посвященъ тоже въ іеромонахи, какъ о томъ говорится въ Житіи его: святи (папа) оученіе его, положь словеньское евангеліе на олтари святаго апостола, *святи-же на поповьство блаженнаго Меѳодія* *).

*) Въ приведенномъ мѣстѣ освященіе принесенныхъ Братьями славянскихъ книгъ и поставленіе Меѳодія въ священно-монахи приписано папѣ Николаю; но извѣстно, что св. Братья не застали уже въ живыхъ Николая, и освященіе книгъ и посвященіе Меѳодія произошли при преемникѣ его, Адріанѣ II. Слѣдовательно, въ «Житіи» — явная ошибка, которою дѣйствія двухъ папъ приписаны одному.

Вотъ и вся честь какую, на первый разъ, воздалъ папа Первоучителямъ: оба получили званіе священно-иноковъ, іеромонаховъ: Кириллъ—вслѣдствіе перехода, въ званіи бѣлаго священника, въ монашество, а Меѳодій, бывшій до того простымъ монахомъ—по возведенію въ высшій санъ. Католическіе-же писатели, для выявленія особеннаго вниманія и расположенія папы къ св. Пришельцамъ и для усиленія ихъ духовной и служебной близости къ папскому престолу, употребляютъ всѣ усилія, чтобы представить ихъ возведенными папскимъ благоволеніемъ, на первыхъ-же порахъ по приходѣ въ Римъ, въ чинъ епископовъ, но въ совершенную противность достовѣрнѣйшимъ свидѣтельствамъ *). Возражаютъ, что Меѳодій, бывши уже игуменомъ

—ошибка, произшедшая отъ сократительнаго переноса свѣдѣній въ «Житіе Меѳодія» изъ «Житія Кириллова», которое, по обилію и полнотѣ свѣдѣній, служило источникомъ для перваго. А что въ «Житіи Кирилла» при «священіи словеньскихъ оучениковъ» не упоминается и о посвященіи Меѳодія, то это потому, что сочинитель, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду описаніе жизни Кирилла, точно такъ, какъ въ «Житіи Меѳодія», на-оборотъ говорится только о посвященіи Меѳодія, и умалчивается о посвященіи учениковъ. Слѣдовательно, испорченность мѣста и молчаніе другаго сродственнаго источника отнюдь не могутъ служить основаніемъ къ отрицанію вѣрности свидѣтельства «о поповьствѣ Меѳодія».

*) Докторъ Рачкій (Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, Zagreb, 1859, стр. 223, прим. 2) думаетъ доказывать монашество Кирилла еще въ бытность его въ Константинополѣ, тѣмъ мѣстомъ изъ его «Житія», гдѣ говорится о его отшествіи въ *братній монастыръ* на Олимпъ, по возвращеніи отъ пренія съ Агарянами. Но это мѣсто ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить ручательствомъ за поступленіе Кирилла въ монашество—актъ, обозначаемый въ письменности того времени всегда извѣстными, единожды принятыми, выраженіями, и свидѣтельствуетъ только объ его удаленіи отъ мірской суеты и любви къ уединенію, которую онъ обнаруживалъ еще съ самыхъ юныхъ лѣтъ. А что въ «Легендѣ о перенесеніи мощей св. Климента» и въ «Святцахъ Римскихъ» говорится о епископ-

16.81

Полихронскаго монастыря, тѣмъ самымъ былъ уже священникомъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ предшествующемъ посвященіи въ іереи надобности не было. Подобное возраженіе могло-бы имѣть вѣсъ тогда, когда-бы о поставленіи Меѳодія во священники молчали вовсе источники, а то говоритъ о томъ самое достовѣрное и близкое по времени сочиненіе къ періоду жизни Первоучителя, Паннонское житіе св. Меѳодія; слѣдовательно, здѣсь предстоитъ не опро-

скомъ санѣ св. Кирилла: въ первой—въ такихъ словахъ: Hadrianus, multis gratiarum actionibus praefato philosopho redditis, consecravit ipsum et Methodium in episcopos, а во вторыхъ память ихъ обозначается такою формулой: Cirilli et Methodii episcoporum, то на это замѣтить надобно, что указанные источники принадлежатъ къ числу самыхъ позднихъ, и, слѣдовательно, мало заслуживающихъ вѣроятія, такъ какъ на образованіе ихъ могли имѣть вліяніе самыя разнообразныя, и въ политикѣ и въ церкви, направленія, въ зависимости отъ духа времени. Посвященіе Меѳодія въ Римѣ во священники, такъ мало говорящее о вниманіи тогдашняго папы къ преподобному Мужу, Гинцель, попирая авторитетъ предпочтительно правдиваго и заслуживающаго вѣру источника, Паннонскаго Житія Меѳодія, думаетъ отрицать на основаніи «Житія Климента и посланія папы Іоанна VIII къ Святополку, въ которыхъ, дѣйствительно, говорится только о посвященіи Меѳодія въ епископы (Seschishte der Slawen—Apostel, стр. 23, примѣч.). Но жизнеописатель Климента, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, взятую имъ личность излюбленнаго имъ Епископа, естественно, Кирилла и Меѳодія, какъ лицъ только прикосновенныхъ, касается только стороной и выставляетъ только ихъ ближайшія и прежде всего бросающіяся отличительныя черты, минуя менѣе важныя. А что касается Іоанна, то ему не было нужды говорить о священствѣ Меѳодія, когда онъ уже облеченъ былъ высшимъ саномъ отъ папы (Лавр. стр. 234).

Правда, и въ православно-восточной письменности Кириллъ, наряду съ братомъ Меѳодіемъ, не рѣдко выставляется епископомъ, но это оказывается только въ позднѣйшихъ церковныхъ памятникахъ, въ памятникахъ-же ближайшихъ ко времени его жизни, когда слѣдовательно, преданіе было вѣрнѣе, Кириллъ именуется просто «преподобнымъ». Такъ, Іоаннъ, экзархъ болгарскій именуетъ его только «святымъ человѣкомъ Божіимъ, Константиномъ, именуемымъ философомъ»,

вергать свидѣтельство, а изыскивать средство къ его объясненію, и г. Лавровскій въ своемъ „Кириллѣ и Меѳодіи“ (стр. 235) нашелъ весьма удачно такое средство въ примѣрѣ, близкомъ къ Меѳодію и по мѣсту и по времени, Игнатія, бывшаго патріархомъ и соперникомъ знаменитаго Фотія. Вступивши на 14-мъ году своего возраста въ монастырь Сотира, онъ своею жизнію обратилъ на себя общее вниманіе братіи, которая и не замедлила избрать его въ

а монахъ Храбръ говоритъ объ немъ въ такихъ выраженіяхъ: «посла имъ (славянамъ) святого Константина философа, нарицаемаго Курила, моужа праведна и истина»: «святый Курилъ»; святый Константинъ философъ, нарицаемый Курилъ, тъ письмена сътвори». Такъ, въ приложенномъ къ Остромирову евангелію 1056 года, мѣсяцесловѣ, подъ 14 февраля, за чудотворцемъ Авксентіемъ, поставлено: «преподобнаго отца нашего Константина философа, нареченнаго въ чрьньчьствѣ именьмъ Курила». То-же подтверждаетъ и другой памятникъ того-же вѣка, «Сборникъ» 1076 года, въ которомъ Кириллъ точно также называется человѣкомъ святымъ философомъ. На второй каппоніевой дскѣ живописнаго сербскаго мѣсяцеслова, также подъ 14 февраля, Кириллъ изображенъ передъ Авксентіемъ а надъ нимъ явственно написано: п. Кирилъ, т.-е. преподобный Кириллъ. Откуда-же взялся для него вдругъ титулъ епископа? Онъ явился, прежде всего, въ Прологахъ русскаго сочиненія, ибо наши книжники не могли вообразить себѣ въ званіи простаго священника такое лицо, которое, съ качествами апостольскими, дѣйствовало на просвѣщеніе и христіанское устроеніе цѣлыхъ странъ и, потому, сочли не только приличнымъ, но и необходимымъ возвеличить его титуломъ, по крайней мѣрѣ, епископа и уравнять съ Братомъ. А почему онъ названъ еще епископомъ «катанскимъ», разгадку того см. у Бодянскаго въ его сочиненіи «о времени происхожденіи славянскихъ письменъ стр. 66—70, или у Платонова въ его «Кир. и Меѳ.» примѣч. 28, стр. 41. Церковное-же у насъ уравненіе двухъ разностепенныхъ по внѣшнему сану, и равностепенныхъ по внутреннему достоинству братьевъ можетъ быть объяснено удобствомъ богослужебнаго употребленія и оправдываться словоупотребленіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ апостольскій вѣкъ, когда и пресвитеры, каковымъ былъ только Константинъ именовались «епископами» (Тит. I, 7, сл. 6; 1 Тим. III, 2 и Дѣян XX, 28, сличі 17).

*

16819

игумены, не смотря на молодость. Извѣстность его какъ императорскаго сына (онъ былъ сынъ бывшаго нѣкогда императоромъ Михаила I Рангавея) увеличила число братіи, и Игнатій сначала распространилъ монастырскія зданія, а потомъ и основалъ еще три новыхъ монастыря. Тогда епископы, видя такое рвеніе къ добродѣтели въ Игнатіи, стали убѣждать его принять священство. Онъ согласился, и былъ рукоположенъ паросскимъ епископомъ Василіемъ. Что удивительнаго и страннаго, если и Меѳодій, послѣ того, какъ съ честію пробылъ 10-ть лѣтъ губернаторомъ во ввѣренной ему области (Струмской, населенной славянами), поступивши за тѣмъ въ монашество и внесши въ монастырь, можетъ быть, значительный отъ плодовъ прежнихъ мірскихъ заботъ вкладъ, независимо отъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, по вниманію къ одному оставленному имъ высокому посту и важности принесенной имъ на богоугодное дѣло жертвы, тотчасъ по постриженіи почтенъ былъ званіемъ начальника скромной обители, послѣ почетнаго управленія цѣлою областію? Подобная честь и въ нынѣшнее время, въ случаѣ, если-бы въ монашество поступило какое-нибудь высоко-поставленное лице, съ приличіемъ могла-бы быть воздана предварительно возведенія въ высшее іерархическое званіе. Такимъ образомъ и послѣдняя опора, въ видахъ католическихъ писателей, къ поднятію Меѳодія на степень епископа, его игуменство, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, падаетъ и— Меѳодій въ Римѣ, подъ рукою папы, все остается просто іеромонахомъ.

И въ этомъ званіи онъ отправляется папою и въ Паннонію къ Коцелу, когда этотъ, послѣ того, какъ опытомъ дозналъ пользу и превосходство употребленія въ дѣлѣ ре-

лигіи роднаго языка *), отправилъ посольство въ Римъ. съ просьбою прислать къ нему Меѳодія для просвѣщенія и руководства его народа въ дѣлѣ вѣры, съ которою онъ еще мало знакомъ. Ну, что-бы, казалось, хотя тутъ, когда свѣтская власть, требовавшая къ себѣ извѣстнаго лица и выражавшая къ нему всю полноту довѣрія, ну, чтобы, говоримъ, хотя при этомъ вызывающемъ случаѣ, для удовлетворенія справедливости и для открытія благонадежному посылаемому лицу болѣе широкаго поля дѣятельности на пользу вѣры, почтить достойнѣйшаго мужа саномъ епископа! Несправедливо было, замѣчаетъ жизнеописатель Климента, не почтить именемъ того, кто достоинъ былъ того самымъ дѣломъ. Но такова расчетливость папы относительно славянскаго Вѣроучителя, что онъ, да и всѣ папы поставили себѣ правиломъ благопріятствовать славянскому элементу только подъ давленіемъ необходимости и удовлетворять требованіямъ обособлявшейся славянской паствы только тогда, когда отказомъ можно было опасаться потерять еще болѣе. Въ настоящее время, подобныхъ обстоятельствъ не было, и—папа дѣйствовалъ съ полною свободою по началамъ своей своекорыстной, эгоистической системы. Но славянозападные писатели, видя въ такомъ мало—почетномъ отправленіи грубость и несправедливость папы, равно пренебреженіе и даже непріязнь къ славянскимъ интересамъ, всѣми силами стараются оправдать папу и доказываютъ—одни, что, если Меѳодій не былъ вмѣстѣ съ Кирилломъ возведенъ въ санъ епископа, то, по крайней мѣрѣ, по смер-

*) Приятъ же и (его, Константина) идоущь Кочелъ, князь паноноескъ, и възлюби вельми словеньскы буквы, и наоучися имъ, и въдавъ до пятидесятъ оученикъ оучитися имъ, и великоу емоу честь створи, мимо проводи и. (Жит. Кирилла).

ти его, какъ бы въ замѣнъ умершаго епископа, каковымъ, какъ мы уже знаемъ, никогда не былъ Кириллъ, онъ былъ посвященъ въ то званіе,—другіе, что, по прибытіи уже посольства отъ Коцела, онъ произведенъ въ епископы во вниманіе къ просьбѣ князя—третьи по смерти Кирилла возводятъ Меѳодія даже въ архіепископы, и въ этомъ санѣ уже въ первый разъ выводятъ его изъ Рима къ Коцелу и Ростиславу. Но всѣ эти увѣренія и догадки разсыпаются въ прахъ предъ силою автентическихъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ, какъ это увидимъ сейчасъ изъ продолженія разсказа. Отправляя Меѳодія съ учениками къ князю, папа снабжаетъ его рекомендательной грамотой, въ которой пишетъ слѣдующее: „мы-же... умыслихомъ испытавши послати Меѳодіа, свящьше и съ оученикы, *сына*-же нашего на страны вашя, моужа-же съвершена разоумомъ и правовѣрна, да вы наоучитъ, якоже есте просили, сказая книгы въ языкъ вашъ по всему церковномоу чиноу исполнь, и съ святою мьшею, рекше съ службою, и крещеніемъ“... Гдѣ-же тутъ какое-нибудь указаніе на епископство? Не прямо-ли онъ уравнивается съ учениками, поставленными папою, въ самомъ началѣ, во священники (свящше и (его) со оученики)? Почему называется онъ отъ папы *сыномъ*, а не *братомъ*, какъ впослѣдствіи, когда былъ дѣйствительно епископомъ? Что за тѣсный кругъ дѣятельности поручается посылаемому: „да вы наоучитъ сказая книгы въ языкъ вашъ“ и пр. т. е. чтобы ознакомилъ васъ съ священными книгами на родномъ языкѣ и научилъ церковной службѣ на славянскомъ нарѣчіи? Такими-ли словами папа опредѣлялъ обязанности Меѳодія, когда онъ былъ уже епископомъ? Папа, какъ будто самъ чувствуетъ ограниченность и малость порученнаго ему дѣла, а потому въ оправданіе

своего распоряженія вставляетъ: *яко-же есте просили.* Еще виднѣе ограниченность власти Меѳодія выявляется въ томъ отношеніи, въ какомъ папа ставитъ его къ хулителямъ славянскаго слова: онъ дозволяетъ только предавать ихъ на судъ церкви впредь до исправленія „да будетъ отлоученъ,—но токмо въ судъ даны (данный, предоставленный) церкви“, а когда Меѳодій былъ уже епископомъ, то папа вооружаетъ его такою властію: „и въ роукоу его соуть отъ Бога и отъ апостольска стола вся словенскыя страны, да его-же проклянетъ, проклятъ, а его-же святитъ, тьи святъ да боуди“ (Жит. Меѳ.). Но какъ-бы то ни было, является, наконецъ, Меѳодій къ князю съ рекомендательнымъ письмомъ отъ папы, Коцелъ, разсказываетъ жизнеописатель, „пріятъ и (его) съ великою честію и—затѣмъ круто поворачивая, не представивъ ни одного промежуточнаго факта, говоритъ: „и паки посла и (его, Меѳодія) къ апостоликоу и два десять моужъ честныя чяди, да и емоу святитъ на *епископьство* въ панониі, на столъ святаго андроника отъ о. (70)“. Такъ вотъ какъ! Папа, съ своею выжидательной системой, дождался наконецъ того, что малоученый, мало знакомый съ исторіею церкви, князь тычетъ въ глаза первосвятителю римской церкви и историческое основаніе для имѣнія въ области самостоятельнаго епископа. Панноніа, учитъ князь папу, можетъ быть, съ голоса Меѳодія, была просвѣщена впервые Андроникомъ, родственникомъ и спутникомъ Ап. Павла и однимъ изъ 70-ти, и онъ имѣлъ здѣсь свою каѳедру; слѣдовательно-де, страна заслуживаетъ того, чтобы имѣть отдѣльнаго епископа. „Еже и бысть“ завершаетъ жизнеописатель, т. е. воля князя была исполнена, и Меѳодій возвратился изъ Рима въ Паннонію епископомъ. *)

*) Мало сего: самъ папа Адріанъ охотно ухватился за это, сдѣлан-

И такъ вотъ когда и вотъ при какихъ обстоятельствахъ Меѳодій сдѣлался епископомъ! Выходитъ, что его епископство не было пожалованіемъ папы, истекшимъ изъ свободнаго сознанія высокихъ достоинствъ славянскаго Апостола, а тѣмъ менѣе плодомъ личнаго благорасположенія къ св. Мужу, какъ въ томъ хотятъ увѣрить католическіе писатели, далеко нѣтъ! но есть невольный даръ, вынужденный отъ папы со стороны: давленіемъ—и совершенно справедливымъ—верховной свѣтской власти, настоятельно потребовавшей возведенія достойнаго лица въ высшій санъ, и опасеніемъ, чтобы отказъ въ посвященіи не имѣлъ послѣдствіемъ отпаденіе Панноніи отъ папскаго престола, какъ на то могло указывать бывшее уже разъ обращеніе моравскихъ князей въ Византію за вѣроучителями.

Получивъ епископскую власть, Меѳодій, конечно, имѣлъ право поставлять во священники и въ другія церковныя должности, по своему усмотрѣнію. Само собою разумѣется, что, вводя, уже съ двукратнаго разрѣщенія папской власти, славянское богослуженіе, онъ долженъ былъ призывать на служеніе церкви лицъ славянскаго происхожденія и съ знаніемъ славянскаго языка, а нѣмцевъ, не знавшихъ и, мало того, презиравшихъ славянскій языкъ, какъ языкъ рабовъ, по необходимости устранять, если только сами они не находили за лучшее добровольно удаляться изъ епархіи „какого-то пришлаго грека“, какъ его называли и тогда, когда онъ былъ уже епископомъ. А неизвѣстный лѣтописецъ „о обращеніи баварцевъ и каринтійцевъ“ сохранилъ намъ и при-

ное ему Коцеломъ указаніе: онъ развилъ изъ него историческое въ пользу Рима право, и оперся на этомъ правѣ въ притязаніяхъ своихъ на область зальцбургскую не только передъ высшимъ духовенствомъ, но и предъ высшею свѣтскою властію, передъ королемъ нѣмецкимъ. Лавровскій, Кир. и Мео. стр. 334.

мѣръ такого добровольнаго оставленія духовнымъ лицемъ своего прихода: именно онъ разсказываетъ, что протопресвитеръ Рихбальдъ, поставленный зальцбургскимъ архіепископомъ Адальвиномъ, видя какъ нѣкій грекъ, именемъ Меѳодій, изобрѣтши славянскія письмена, лжемудро унизилъ латинскій языкъ, римское ученіе и всю достопочтенную римскую письменность, и привелъ въ презрѣніе у всего народа, по крайней мѣрѣ, частію (разумѣется, у славянъ), и обѣдни и евангелія, и всю церковную службу, совершавшуюся на латинскомъ языкѣ,—видя, все это, не могъ, наконецъ, стерпѣть подобнаго посрамленія и возратился въ Зальцбургъ. *) Конечно, удалявшемуся такимъ образомъ изъ Панноніи нѣмецкому духовенству не большаго труда стоило возбудить зальцбургскую метрополію и подвигнуть ее къ принятію самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ подавленію вторгшагося въ страну чуждаго религіознаго элемента. Не смотря на посвященіе папою, верховною духовною властію, Меѳодія въ епископы Панноніи, нѣмецкіе епископы обвинили Меѳодія въ томъ, что онъ учительствуетъ въ чужой области: „старый врагъ, пишетъ его Житіе, въздвиже сердце врага моравьскаго короля на насъ, со всѣми епископы:

*) Вотъ это извѣстіе въ подлинникѣ: Qui multum ibi demoratus est, exercens suum potestative officium, sicut illi iniunxit archiepiscous suus: usque dum quidam graecus, Methodius nomine, noviter inuentis Slavinis literis, linguam latinam, doctrinam romanam, atque literas auctorabiles latinas philosophice superducens, vilescere fecit cuncto, populo ex parte (Slavorum), Missas et Evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt. Quod ille ferre non valens, sedem repetivit Juvavensem (Зальцбургъ).

**) Объясненія эти, кромѣ самаго „Житія“ Меѳодіева, можно читать у Горскаго въ его „Житіяхъ Кир. и Меѳ.“ по Кирило-Меѳодіевскому сборнику Погодина, стр. 34 и у Платонова, въ „Прим.“ 36, стр. 49.

яко на нашей области оучиши". Меѳодій оправдывалъ себя резономъ: „и азъ аще быхъ вѣдалъ, яко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ, но святаго Петра есть" и другими объясненіями. Но тамъ, гдѣ судьями руководитъ произволъ властолюбія и корыстолюбія, напрасно ожидать праваго суда. Житіе говоритъ, что нѣмцы „спрѣвше ся разидоша, а онаго (Меѳодія) заславше въ свабы, дръжаша полтретіа (2½) лѣта". Что за странное и непонятное явленіе? Гдѣ же власть папы? Гдѣ ревность о поддержаніи чести своего рѣшенія о Меѳодіи? Гдѣ любовь его къ „моужу совершенноу разумомъ и правовѣрноу", котораго онъ называлъ своимъ „сыномъ", а потомъ и „братомъ"? Гдѣ уваженіе къ намѣстнику каѳедры Андроникової? Поистинѣ, загадочное и непонятное дѣло! И не безъ основанія, католическіе писатели, у которыхъ поставлено главною задачей выставить на видъ любовь и особенную внимательность папъ къ византійскимъ Пришельцамъ, теряютъ совершенно голову въ виду этого факта, не зная, какъ спасти честь и достоинство взятыхъ для восхваленія папъ. Одни изъ нихъ, какъ Штульцъ и Рачкій, такъ, обыкновенно находчивый въ средствахъ къ оправданію папскихъ дѣйствій, когда они явно выходятъ неправыми, въ настоящемъ случаѣ признаютъ за лучшее о судѣ надъ Меѳодіемъ проходить молчаніемъ, въ блаженной увѣренности, что не всякій—де читатель, при чтеніи ихъ сочиненій, захочетъ и въ состояніи будетъ справиться съ источниками. Другіе, какъ Гинцель, хотя и знаютъ, что, по крайней мѣрѣ, въ паннонскомъ „Житіи Меѳодія", положительно и ясно говорится о судѣ надъ нимъ нѣмцевъ, но отвергаютъ дѣйствительность его съ послѣдствіями, и представляютъ заключеннаго Святителя покойно продолжающимъ исполнять свои святительскія обязанности.

Легко такъ увертываться! Что-же православный не предубѣжденный изслѣдователь долженъ сказать въ объясненіе этого поражающаго бездѣйствія папской власти? А вотъ что: между 870 и 872 годами, въ тотъ именно промежутокъ времени, когда Меѳодій преданъ былъ суду и осужденный (это было въ теченіе 870 года) томился въ заточеніи, Моравія подверглась страшной катастрофѣ, именно, вслѣдствіе преданія честолюбивымъ племянникомъ, Святополкомъ, славнаго дяди своего, Ростислава, въ руки нѣмцевъ. Обрадованные нѣмцы съ яростію набросились на его владѣніе, Моравію, овладѣли ею: королевскій сынъ, Карлманъ, правитель восточной Марки, безъ малѣйшаго отпора, вступилъ въ княжество, захватилъ замки и укрѣпленія и, устроивши управленіе страною на нѣмецкій ладъ (ordinato regno atque per suos disposito), возвратился въ свою землю, взявши съ собою княжескія сокровища и поручивши завѣдываніе Моравіею двумъ нѣмецкимъ графамъ. *) Чего-же надобно было ожидать, въ виду такого несчастнаго положенія славянской страны отъ двухъ папъ, изъ которыхъ одинъ Адріанъ II-й, умершій въ 872 году, былъ свидѣтелемъ грозныхъ воинственныхъ приготовленій нѣмцевъ къ походу на Моравію, а другой Іоаннъ VIII—и самаго погрома, совершеннаго нѣмцами надъ страною? Конечно, по егоистическому и своекорыстному направленію своей политики, среди этихъ смутъ и треволненій, они держали себя въ сторонѣ и считали безразсуднымъ вступить въ прю съ нѣмцами для обороны Меѳодія и освобожденія его изъ неволи, а, можетъ быть, и радовались напередъ, что „авось-де этотъ, перечущій намъ, славяно-восточный элементъ, ни съ того, ни съ сего вторгшійся въ нашъ бла-

*) Annales Fuldenses, ad annum. 870.

гоустроенный римскій міръ, вмѣстѣ съ переходомъ подъ власть нѣмцевъ и нахожденіемъ въ ихъ рукахъ самаго представителя его, пропадетъ и исчезнетъ, къ нашему миру и покою". Но вдругъ колесо фортуны перевертывается. Святополкъ, также пришедшій у нѣмцевъ въ подозрѣніе въ измѣнѣ и вслѣдствіе того, по повелѣнію короля, схваченный и заключенный въ темницу, на судѣ оправдывается, и получаетъ такое довѣріе у нѣмцевъ, что тѣ ввѣряютъ ему начальство надъ своимъ войскомъ, предназначеннымъ для усмиренія Моравіи, которая, не терпя чуждаго ига, подъ предводительствомъ священника Славоміра, вновь возстала противу нѣмецкаго владычества и захотѣла возвратить себѣ самостоятельность. Но Святополкъ, едва вступилъ на родную почву, какъ почувствовалъ благопріятное своимъ видамъ вѣяніе въ странѣ его прежней власти, избилъ бывшее у него подъ командою нѣмецкое войско, и, вступивши въ обладаніе родною землею, изгналъ изъ нея всѣхъ нѣмцевъ. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этого, должна была возгорѣться упорная и ожесточенная война, которая и продолжалась два года, покуда, наконецъ, Людовикъ (нѣмецкій), предвидя отчаянную защиту въ моравanахъ и угрожаемый со стороны поднимавшихся славянъ полабскихъ, отправилъ изъ Регенсбурга пословъ къ Святополку и помирился съ нимъ какъ только можно было *), а въ слѣдующемъ, 874 году миръ этотъ утвержденъ былъ торжественнымъ договоромъ въ Форхгеймѣ. И такимъ образомъ Святополкъ фактически сдѣлался независимымъ и полновластнымъ обладателемъ своей страны, какимъ и оставался всю свою жизнь. Что пред-

*) Qui (Hludovicus) statim reversus ad Reginisburg perveniens, per missos suos Vinidos, sub diversis principibus constitutos, modo quo potuit, recomiliavit. Pertz, I, 496.

стояло дѣлать папѣ, при такой перемѣнѣ фаса дѣлъ? Надобно было угодить побѣдоносному и торжествующему князю, а въ противномъ случаѣ, отъ римскаго престола можетъ отпасть цѣлая область, по подобію Болгаріи, не получившей отъ папы затребованнаго ею независимаго священноначальника. И вотъ понесся на Зальцбургъ изъ Рима громъ проклятія съ запрещеніемъ службы: „и оувѣдѣвъ (апостоликъ) посла клятву на ня, да не поютъ мьша, рекше слоужбы, вси королеви епископы, дондеже и (его, Меѳодія) держатъ“. И Меѳодій, по 2½-лѣтнемъ томленіи въ заключенномъ положеніи, наконецъ, возвратился въ свою епархію. Гдѣ-же тутъ искренность папы? Гдѣ отеческое вниманіе къ положенію неповиннаго „заточника“? Гдѣ забота объ освобожденіи изъ заключенія? Гдѣ сочувствіе къ сиротствовавшему во все продолженіе заточенія славянскому элементу? Въ положеніяхъ папы въ настоящемъ случаѣ, видно одно строгое согласованіе съ ходомъ дѣлъ политическихъ, и ватиканскій флюгеръ поворачивался по вѣянію вѣтра, дувшаго со стороны міра.

Но какъ бы то ни было, измученный душею и тѣломъ, славянскій святитель возвращается въ свою Паннонію. И что-же? Новое преткновеніе, новая противность! Вмѣсто Коцела, умершаго въ 874 году, въ самый годъ заключенія мира съ Людовикомъ, находитъ тамъ во главѣ правленія Карлмана, верховнаго правителя Хорутаніи. Правда, Меѳодій обезпеченъ былъ въ свободномъ употребленіи своей епископской власти особенною грамотой Іоанна VIII къ тому Карлману: reddito acr estituto nobis pannoniensium episcopatu, liceat fratri nostro Methodio, qui illic a sede apostolicer ordinatus est, secundum priscam consvetudinem libere,

quae sunt episcopi, gerere *). Но что было дѣлать Меѳодію въ возвращенной ему епархіи, когда онъ засталъ тамъ свободно хозяйничающихъ нѣмцевъ, когда въ области Панноніи онъ нашелъ уже новообразовавшееся графство или жупанство Дуббебу съ главнымъ городомъ Петтау, подчиненное графу Гозвину, и когда, вслѣдствіе того, по словамъ безъименнаго лѣтописца, въ томъ же 874 году, уже зальцбургскій архіепископъ Теотмаръ, мимо Меѳодія, святилъ церковь въ Петтау **)? Конечно, онъ находился въ затруднительнѣйшемъ положеніи и горько жаловался на невнимательное распоряженіе папы, возвратившаго его на занятое чуждыми и враждебными личностями, мѣсто. Къ счастію, и сами моравяне, подданные Святополка, почувствовали всю тягость нѣмецкаго духовенства, увидѣли непріязненное къ нимъ расположеніе его епископовъ и тѣ ковы, которые строили они, для удержанія ихъ подъ своею властію. Почему, изгнавъ ихъ отъ себя, обратились къ папѣ съ просьбою, чтобы онъ далъ имъ въ учители Меѳодія, сдѣлавъ его *архіепископомъ* всего моравскаго государства ***). Папа согласился на просьбу, и—Святополкъ со всѣми моравянами принялъ Меѳодія съ высокою честью и поручилъ его управленію всѣ церкви и все духовенство во всѣхъ городахъ. И съ этого времени, замѣчаетъ жизне-

*) Erbeni, regesta Bohemiae, № 39, стр. 16.

**) Лавровскій, Кир. и Меѳ., стр, 366 и сл.

***) Приключи же ся тогда, моравляне очющьше нѣмецкыя попы, иже живяхоу въ нихъ, непріающе имъ, но ковъ коующе на ня, изгнаша вся, а къ апостолику послаша: яко и первѣе отци наши отъ св. Петра крещеніе пріаша, то даждь намъ Меѳодіа *архіепископа* и оучителя. (Житіе Меѳодія). А безыменный лѣтописецъ прямо говоритъ, что «Меѳодій прогнанъ былъ изъ Хорутаніи, въ составъ которой входила теперь Нижняя Панноніа: «Methodius, tandem fugatus a Karentanis partibus, intravit Moraviam».

описатель, замѣтно начало расти ученіе Божіе, духовенство размножаться по городамъ, а остававшіеся еще язычники стали вѣровать въ истиннаго Бога, оставляя прежнія свои заблужденія. Само государство стало распространяться во всѣ стороны и торжествовать надъ своими врагами.

Повидимому, теперь бы, при общемъ благосостояніи страны, столько тревогъ вынесшему, дѣлателю Христову и успокоиться и въ мирѣ продолжать дѣло по своей святой обязанности. Злоба нѣмцевъ, этихъ исконныхъ враговъ славянства, такъ стѣсненныхъ теперь въ своихъ правахъ и выгодахъ чрезъ поставленіе Меѳодія во главѣ духовнаго управленія, не удовлетворившись успѣхомъ на канонической почвѣ, стала теперь подыскиваться подъ его вѣроученіе, а нѣмецкое духовенство, склонивъ на свою сторону разною лестію и потворствомъ, не слишкомъ твердаго въ правилахъ вѣры и добродѣтели, Святополка, дерзнуло обвинить святаго Учителя въ неправовѣріи и въ тайномъ стремленіи, чрезъ славянскій языкъ, отторгнуть Моравію отъ престола св. Петра. Стоило ли бы, казалось, обращать вниманіе на эти жалобы, когда и самъ того времени папа Іоаннъ VIII, и предшественникъ его Адріанъ II столько разъ удостовѣрялись, и словомъ и дѣломъ, и въ правовѣріи Меѳодія, и въ разумѣ его, и въ благихъ христіанскихъ стремленіяхъ? Слѣдовало бы благонамѣренному папѣ одною властною буллой остановить это безосновательное шатаніе, котораго источники — своекорыстные виды и національная рознь — не могли быть ему неизвѣстны, и съ перваго-же раза заградить уста клевещущихъ. Но нѣтъ! папа потребовалъ Меѳодія на судъ въ Римъ. И что-же? Во вниманіи къ голосу моравянъ, громко выражавшихъ свое

сожалѣніе о несравненномъ пастырѣ, папа, по допросѣ Меѳодія предъ соборомъ епископовъ, торжественно призналъ и его правовѣріе, какъ о томъ объяснено выше (стр. 20 – 26), и благоупотребленіе имъ славянскаго языка, какъ о томъ будетъ сказано подробнѣе ниже, и свое рѣшеніе ясно выразилъ въ посланіи къ Святополку.

Теперь уже Меѳодій, по третичномъ и торжественномъ признаніи папою и его правовѣрія, и богослужебной доброполезности употребляемаго имъ языка, казалось, долженъ былъ бы окончательно успокоиться и отрѣшиться отъ всякихъ тревожныхъ отношеній къ папскому престолу. Но и на этотъ разъ приходится сказать: нѣтъ! При отправленіи Меѳодія на судъ въ Римъ, князь, вмѣстѣ съ нимъ, послалъ для посвященія въ епископы нитранской церкви, нѣкоего Вихинга, по всей вѣроятности, рекомендованнаго ему нѣмецкой партіею, съ которою, не твердый въ правилахъ, князь былъ довольно близокъ,—въ тѣхъ мысляхъ, что Меѳодій болѣе не воротится къ своей должности, и Вихингъ долженъ будетъ заступить его мѣсто, въ случаѣ же, если Меѳодій оправдается и возвратится на свой постъ, то-чтобы имѣть въ немъ, по расчетамъ нѣмцевъ, противувѣсъ вліянію славяно-грека епископа. Этотъ Вихингъ, по описанію самой Пассавской Хроники *), былъ человѣкъ мятежный и честолюбивый интриганъ, ненавистный и самимъ баварцамъ, еще въ санѣ священника сдѣлавшій себя извѣстнымъ своею враждою къ дѣлу славянскому. Несмотря на всѣ эти качества, которыя не могли не быть извѣстными папѣ, папа посвятилъ Вихинга въ епископы, повелѣвъ, правда, во всемъ быть послушнымъ своему архіепископу, какъ повелѣваютъ церковныя правила. Что же

*) См. Vita s. Clementis, Miklosich, стр. XIV, примѣч.

новопосвященный соепископъ Меѳодія? Какъ только прибылъ въ свою паннонскую эпархію, то и пустилъ въ ходъ всѣ свои интриганскія способности, сосредоточивъ всѣ свои злокозненныя дѣйствія вокругъ Святополка. То увѣрялъ его, что посланіе къ нему Іоанна (отъ 880 г.) не есть подлинное, а что настоящая грамота находится въ его рукахъ, то давалъ ему понять, что онъ, Вихингъ, получилъ отъ папы особенную секретную инструкцію, которую клятвенно обѣщалъ ему въ точности исполнить, не стѣсняясь при этомъ набрасывать омрачающую тѣнь двуличности и неискренности на самаго папу. Всѣми этими происками и злохитрыми дѣйствіями, не прошло и года времени, довелъ онъ кроткаго Меѳодія до того, что тотъ, по примѣру кроткаго-же Давида, осуждавшаго таковаго на погибель (Псал. LIV, 13—17), этого „ангела сатанина, давшагося ему, да ему пакости дѣетъ“, по данной ему власти, предалъ анаѳемѣ и обратился къ папѣ съ жалобой на тягость и невыносимость своего положенія, и просилъ разъяснить его недоумѣніе на счетъ законныхъ отношеній къ нему Вихинга. Что-же папа? Вмѣсто того, чтобы мутителя покоя и нарушителя правомѣрныхъ отношеній удалить или смирить строгостію мѣры, папа въ отвѣтномъ письмѣ къ Меѳодію старается успокоить его льстивою похвалою его ревности по благочестію, пожеланіемъ, да освободитъ его Господь Богъ, ко благу святой своей церкви, отъ всѣхъ постигающихъ его скорбей, и изъявленіемъ готовности, если ему самому (Меѳодію) угодно будетъ явиться на судъ предъ лице его святости, положить, по выслушаніи и той и другой стороны, конецъ всему, что упомянутымъ епископомъ сдѣлано несогласнаго съ его должностію.—Кому не бросается въ глаза странность папскихъ отношеній къ Вихин-

гу? Какимъ образомъ папа могъ посвятить въ епископы, и притомъ въ сотрудники Меѳодію такого человѣка, который извѣстенъ былъ своимъ, что называется, безпокойнымъ характеромъ? Если, въ родѣ исключенія, ему, дѣйствительно, неизвѣстенъ былъ этотъ характеръ, то онъ обязанъ былъ испытать его, какъ неоднократно испытывалъ святаго Меѳодія. Не явно-ли, что онъ, ожидаемымъ причиненіемъ тревоги миролюбивому архіепископу, имѣлъ въ виду сбить послѣдняго съ его пути и отвратить отъ славянскаго дѣла? Много-ли нужно было соображенія, чтобы понять, что нѣмецъ и славянинъ—употребляя образное выраженіе бл. Кирилла—не могутъ быть сопряжены однимъ ярмомъ и „тянуть одну борозду“? Не трудно догадаться, что въ Вихингѣ папа хотѣлъ устроить противодѣйствующее славянству орудіе и чрезъ него стѣснять дальнѣйшее распространеніе этого неподходящаго къ Западу элемента. Съ этой точки зрѣнія понятна и та снисходительность, какую, по жалобѣ Меѳодія, явилъ папа Вихингу, поведеніемъ своимъ не только нарушившему отношенія подчиненности къ своему ближайшему начальству (Меѳодію), но оскорбившему разными измышленіями и достоинство самаго папы. По всему видно, что папа, въ глубинѣ помышленій своихъ, прикровенно вполнѣ сочувствовалъ анти-славянскимъ стремленіямъ нѣмцевъ. Западные поборники папства хотятъ увѣрить читателей, что папа требовалъ Вихинга на судъ, но что тотъ позволилъ себѣ не являться на оный, въ надеждѣ на поддержку свѣтской власти: предположеніе, ничѣмъ не оправдываемое, потому что о немъ молчатъ и славянскіе и латинскіе памятники,—и совершенно противорѣчащее послѣдующему блистательному положенію Вихинга, такъ какъ онъ не только удержалъ свой санъ при жизни Меѳо-

дія, но и по смерти его, получилъ въ управленіе всю мораво-паннонскую эпархію.

Такимъ образомъ, мы обозрѣли весь епископскій путь Меѳодія, со всѣми его перипетіями, и спрашиваемъ: гдѣ-же тутъ особенное, со стороны папъ, вниманіе къ достоинствамъ и заслугамъ Первоучителей, какъ хотятъ насъ въ томъ увѣрить западные слависты? Гдѣ поспѣшность отличить ихъ особенною честію? Гдѣ расположенность содѣйствовать ихъ благому дѣлу—просвѣщенію славянъ и утвержденію ихъ въ здравомъ ученіи вѣры? Гдѣ ревность къ защитѣ противу нападеній враждовавшихъ нѣмцевъ? Увы! Мы видимъ благопріятство имъ отъ папъ только подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ; мы видимъ неохоту къ воздаянію имъ подобающей чести; видимъ себялюбивое устраненіе себя, когда они подвергались гоненію и утѣсненію, и подозрѣваемъ даже тайное злорадство и желаніе отдѣлаться отъ нихъ—употребимъ апостольское слово (1 Петр. IV, 15), какъ отъ „чуждопосѣтителей“, тѣмъ или другимъ способомъ, только безъ ущерба для себя.

VI.

Послѣднимъ основаніемъ для предъявленія права на принадлежность свв. Кирила и Меѳодія, а вслѣдъ за ними, и для привлеченія всего славянскаго рода къ Риму, папа въ своей Энцикликѣ выставляетъ то, что папами разрѣшено и освящено употребленіе славянскаго языка въ церковномъ богослуженіи: demum hinc est usus slavonici sermonis in ritibus sanctissimis impetratus,—основаніе, на тысячу ладовъ еще прежде повторенное западными славистами. И этому разрѣшенію, не только на Западѣ, но и у насъ, не рѣдко, въ православномъ мірѣ, придается такое значеніе,

что какъ будто-бы оно простиралось на весь объемъ обширнаго славянскаго міра: въ какомъ смыслѣ, въ прошломъ году, существующимъ въ Вѣнѣ, „Русскимъ Академическимъ Обществомъ „Буковина“, по поводу истекшаго со времени разрѣшенія папою Іоанномъ VIII, въ 800 году, употребленія въ богослуженіи славянскаго языка, тысящелѣтія, и сдѣлано было приглашеніе къ славянамъ всѣхъ племенъ и народовъ къ участію въ предпринятомъ отъ Общества, по тому поводу, празднествѣ,—приглашеніе не оставшееся безъ сочувственнаго отвѣтствія. Присмотримся ближе къ папскому разрѣшенію и посмотримъ, заслуживаетъ-ли оно чести такого широкаго и многообъемлющаго значенія.

Во-первыхъ. славянская грамота освящена при самомъ рожденіи своемъ въ Византіи, въ самомъ центрѣ восточнаго православія. Припомнимъ обстоятельства ея происхожденія. Моравскіе князья присылаютъ къ византійскому императору посольство съ просьбою, чтобы, такъ какъ они и народъ ихъ, принявъ христіанскую вѣру отъ латинскихъ священниковъ и не разумѣя ихъ языка, не вѣдаютъ сущности вѣры, и ограничиваются только исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ,—чтобы, потому, прислали имъ такого учителя, который бы истолковалъ имъ новопринятую вѣру на ихъ родномъ, понятномъ для нихъ языкѣ, и наставилъ бы ихъ на истинный разумъ и правду. Царь, по этому поводу, созываетъ соборъ, во главѣ котораго, конечно, и патріархъ (ненавистный Западу Фотій), и призываетъ Константина: „Сьбравь же сьборъ царь, пишется въ Житіи его, и призва Константина философа“, а въ моравской легендѣ прямо съ упоминаніемъ патріарха: tunc imperator simul cum patriarcha consilio habito, praefatum philosophum advocant. Царь призванному, какъ единственно способному къ совершенію

такого великаго дѣла, повелѣваетъ немедленно отправиться во святой путь, взявъ съ собою на помощь и брата своего, игумена Меѳодія. Константинъ охотно принимаетъ новую миссію, но только позволяетъ себѣ спросить, имѣютъ ли мораване письмена. Царь отвѣчаетъ не-имѣніемъ о томъ положительныхъ свѣдѣній. Тогда Константинъ замѣчаетъ, что просвѣщать безъ письмени тоже значитъ, что писать бесѣду на водѣ, и легко такимъ образомъ въ мѣстной христіанской средѣ прослыть за еретика, ибо-де слова легко могутъ быть не-поняты и—переголкованы. Тогда царь, вмѣстѣ съ дядею своимъ Вардою, предназначеннаго учителя славянскаго рода обращаютъ къ упованію на Бога, „научающаго человѣка разуму“ (Псал. XCIII, 10) и могущаго „изъ устъ младенецъ и сущихъ совершить себѣ хвалу“ (тамъ-же, VIII, 3). Благочестивый Константинъ, понимая, какое важное предстоитъ ему дѣло—дѣло, долженствующее послужить началомъ просвѣщенію нѣсколькихъ одноплеменныхъ народовъ, обратился вмѣстѣ съ сотрудниками своими на молитву, да отверзетъ имъ Господь разумовъ умъ для такого благопотребнаго изобрѣтенія, и—по молитвѣ, принесенной во имя и для славы Христа, явился славянскій алфавитъ въ числѣ тридесяти осьми письменъ, дѣйствительно послужившій не только къ познанію истиннаго Бога, но и вообще къ просвѣщенію всѣхъ славянскихъ племенъ. И первое приложеніе новаго изобрѣтенія было на переводѣ высокихъ словъ наперсника Христова и проповѣдника любви, евангелиста Іоанна: „Испрьва бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово“. Затѣмъ, переведены были апостолъ, псалтырь, часословъ, избранныя службы и октоихъ, какъ такія книги, которыя составляютъ необходимую потребность первоначальнаго хри-

стіанскаго наученія и церковнаго богослуженія. И такъ вотъ гдѣ совершилось освященіе славянской письменности: не въ отпадшемъ Римѣ, а въ православѣрной Византіи,—не отъ уклонившагося отъ первоначальной истины, папы, но отъ вѣрныхъ православію, императора и патріарха, и не въ дальнемъ ея приложеніи, а при самомъ ея возникновеніи, при участіи цѣлаго собора, подъ осѣненіемъ молитвеннаго духа изобрѣтателей и по употребленію ея на служеніе слову Божію, при одобреніи какъ со стороны гражданской, такъ и церковной высшей власти. Ибо сказалъже Спаситель: „гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“ (Матѳ. XVIII, 20), а здѣсь двукратно собирался соборъ во славу имени Христова, въ видахъ удобнѣйшаго распространенія Его ученія, а у Апостола говорится: „все освящается словомъ Божіимъ и молитвою“ (1 Тим. IV, 5), а здѣсь и грамота взыскана, главнымъ образомъ, для слова Божія, и, по молитвѣ, обрѣтена, и приложена къ переводу слова Божія.

Съ этими, увѣнчанными святымъ благословеніемъ, сокровищами свѣта и истины, святые Братья приходятъ въ разныя славянскія страны, говорятъ объ имѣющихся у нихъ святыняхъ на родномъ языкѣ, заключающихъ въ себѣ слово жизни и спасенія, и—жители странъ принимаютъ ихъ съ особенною любовію и честію. Въ это-же время они содѣйствуютъ распространенію и утвержденію Христовой вѣры между Болгарами, изъ которыхъ многіе были уже обращены, знакомятъ ихъ въ спискахъ съ переведенными ими книгами и, конечно, совершаютъ на нихъ и богослуженіе. Энциклика такъ говоритъ о переходѣ свв. Путниковъ черезъ Болгарію: cumque iter per Bulgariam instituissent christianorum initiatam sacris, nullo loco praetermittunt ampli-

ficandae religionis opportunitatem. Вотъ и еще опытъ богослужебнаго употребленія славянскихъ книгъ далеко безъ участія папы (Слич. стран. 8-ю)!

Наконецъ, свв. Братья достигаютъ предѣловъ той страны, куда направлялся ихъ путь, Моравіи. Мѣстные жители, узнавъ, что они несутъ съ собою евангеліе на ихъ родномъ языкѣ, приходятъ въ восторгъ отъ радости, а князь, прочитавъ доброжелательное письмо отъ византійскаго императора, принимаетъ ихъ съ особенною честью. И водворившись въ Дѣвинѣ (впослѣдствіи, Велеградъ), резиденціи княжеской, немедленно принимаются за дѣло, для котораго призваны,—за ученіе народа. А такъ какъ церковь есть первое и главное училище для народа, и богослуженіе, въ особенности, литургія, вѣрнѣйшій и наилучшій урокъ для преподанія понятія о высокихъ истинахъ христіанства, то они, прежде всего, и знакомятъ данныхъ имъ отъ князя учениковъ съ церковнымъ чиномъ и научаютъ и утрѣнѣ, и часамъ, и вечернѣ, и павечерницѣ, и тайной службѣ, т. е. обѣднѣ, а сами совершаютъ дѣломъ всѣ эти службы. Мало сего—они переходятъ съ мѣста на мѣсто, объясняютъ догматы вѣры и совершаютъ разныя священнодѣйствія. Рады были славяне слышать священное богослуженіе на родномъ языкѣ. Тогда, по примѣнительному, жизнеописателемъ Кирилла, приведенію пророческаго слова (Исаіи XXXV, 5 и 6), отверзлись уши глухихъ и услышали словеса книжныя, и языкъ гугнивыхъ сталъ ясенъ. Вотъ и третій опытъ употребленія славянскаго языка въ богослуженіи, и опытъ многолѣтній, безъ вѣдома и благословенія папы, и притомъ въ предѣлахъ самаго папскаго вѣдомства!

Но здѣсь западные, въ видахъ поддержать вѣрность убѣж-

денія своего въ полной и безъизъятной зависимости Пришельцевъ—Учителей отъ ихъ „всемощнаго“ папы, встрѣчаютъ насъ нѣсколькими возраженіями, и, во-первыхъ, говорятъ, что, вступивъ въ вѣдомство митрополіи пассавской, которой подчинена была Моравія, они, безъ уполномочія папскаго и разрѣшенія мѣстной духовной власти, не могли совершать ни одного священнодѣйствія, а въ противномъ случаѣ, тотчасъ бы понеслись жалобы въ Римъ на самовольное нарушеніе какими-то греческими пришельцами чужихъ правъ, и они, на первыхъ-же порахъ, были бы остановлены въ своихъ дѣйствіяхъ. Чудное возраженіе! Но вѣдь Ростиславъ и Святополкъ знали-же положеніе вещей въ своихъ владѣніяхъ, когда отправляли посольство въ Византію съ цѣлію приглашенія оттолѣ учителей для просвѣщенія своего народа,—знали, конечно, что для ихъ учительской дѣятельности не будетъ въ ихъ странѣ никакого препятствія, и, слѣдовательно, не предполагали никакого противодѣйствія со стороны мѣстной духовной власти. А въ противномъ случаѣ, мы должны представить себѣ князей самыми неразсудительными и легкомысленными правителями, которые изъ отдаленныхъ странъ вызываютъ къ себѣ почтенныхъ учителей на дѣло несбыточнаго учительства, приводятъ ихъ къ неожиданнымъ ими (учителями), но бывшимъ извѣстными для нихъ самихъ (князей) препятствіямъ и толкаютъ ихъ въ борьбу съ могучими противниками. Нѣтъ! Ростиславъ зналъ, что дѣлалъ,—зналъ, что онъ уже достигнулъ политической независимости и что ему предстоитъ теперь достигнуть таковой же въ церковномъ отношеніи, вышедъ изъ—подъ власти нѣмецкой іерархіи. Что-же, при такомъ положеніи и направленіи гордаго своими успѣхами князя, могла позволить себѣ дѣлать пассавская митрополія, какъ

только оставаться въ пассивныхъ отношеніяхъ? а нѣмецкому духовенству, какое захотѣло остаться въ предѣлахъ княжеской власти, невольно приходилось устранять себя отъ исправленія своихъ должностей, довольствуясь частными препирательствами съ византійскими нововводителями о богослужебной годности славянскаго языка, или посылкою тайныхъ жалобъ въ Римъ на вторженіе въ область Петра славяно-византійскаго элемента.

Но паннонское Житіе Кирилла и другіе памятники — продолжаютъ возражатели — говорятъ только о приготовленіи учениковъ къ священно-служебной и проповѣднической дѣятельности въ будущемъ. Неправда! Если паннонское Житіе Кирилла и не говоритъ прямо о священнослуженіи Кирилла, которое въ мысляхъ жизнеописателя подразумѣвалось само собою, а только о обученіи имъ учениковъ разнымъ видамъ службы, то надобно спросить: какъ можно научить правильному отправленію и утренни, и часовъ, и вечерни, и повечерія, и обѣдни, какъ перечисляетъ „Житіе“, не заставляя присутствовать и принимать возможное участіе самихъ учениковъ при совершеніи этихъ службъ, могшемъ имѣть мѣсто только подъ условіемъ личнаго священнодѣйствія Кирилла и его спутниковъ. Но другіе памятники о священнослуженіи Кирилла говорятъ прямо и опредѣлительно: моравская легенда: cumque ipsum regem cum populo suo religiosa sollicitudine ad fidei lumen omnino provocassent, illis deinde vetus et novum testamentum vigilanti cura exponentes et informantes eos... in sclavonica lingua canonicas horas et missas in ecclesia Dei publice decantare statuerant *); итальянская: совре-

*) Добровскій, Mährische Legende von Cyrill und Method, Prag, 1826, стр. 57.

runt itaque ad id, quod venerant perageudum, studiose insistere, et parvulos eorum litteras edocere, officia ecclesiastica instruere, et ad correctionem diversorum errorum, quos in populo illo repererant, falcem eloquiorum suorum inducere, & c. *). И, наконецъ, если свидѣтельство и нашего Нестора, при позднемъ его явленіи, заслуживаетъ какого уваженія, то выраженіе его: „и рады быша словене, слышаще величія Божія на своемъ языцѣ“, то его ни о чемъ иномъ разумѣть болѣе нельзя, какъ объ общественномъ богослуженіи, установленномъ для прославленія „великихъ“ дѣлъ Божіихъ на небеси и на земли. Не иный смыслъ надобно приписать и встрѣчаемымъ, въ преніи латинскихъ священниковъ—треязычниковъ съ Кирилломъ, выраженіямъ: „не *славитъ се Богъ* о семъ“, „да быше и си... *славили Бога*“, „еврейскыи, грѣчькыи и латинскыи, ими же достоинъ *славу Богу въздати*“, и въ отвѣтѣ Кирилла: „мы же народь мьного знаемь, книгы оумѣюще и *Богоу славу въздающе*“, не иной смыслъ, говоримъ, какъ относительно богослуженія, какъ учрежденія, *для славы имени Божія*, прямымъ и непосредственнымъ образомъ, вездѣ установленнаго, а отнюдь не относительно ученія грамотѣ и приготовленія къ проповѣдничеству, которыя только ведутъ къ познанію величія Божія и воздаянія ему подобающей чести. Да и набросились-ли бы съ такою яростію на новопришедшихъ учителей латино-нѣмецкіе священники, что жизнеописатель представляетъ ихъ подъ вліяніемъ духа злобы и зависти и называетъ ихъ сосудами діавольскими, еслибы не шло дѣло о всей полнотѣ богослуженія, занятой Кирилломъ и его общниками, и въ которой, значитъ нѣмецкимъ священникамъ не было болѣе мѣста, ибо только вслѣд-

*) Въ Acta Sunctorum Bolland. Martii T. II, p. 19—21, 7.

ствіе этой исключительности, они не могли находить приложенія для правъ и обязанностей своего званія, а вслѣдъ за тѣмъ теряли и доходы, которыми, можетъ быть, наиболѣе дорожили. А еслибы дѣло шло только объ обученіи грамотѣ, приготовленіи къ священническимъ должностямъ и проповѣдничествѣ, какъ того желаютъ западники, то, можно быть увѣрену, римскіе „стрижники“ были-бы совершенно покойны и не возстали бы съ такою силою на Кирилла, во-первыхъ, потому, что этимъ не подрывались бы они въ занятіи своихъ должностей и — въ полученіи доходовъ, а во-вторыхъ, и потому, что трудно допустить, чтобы латинское духовенство позволило себѣ возставать и противъ употребленія народнаго языка для перевода священныхъ книгъ и въ толкованіи догматовъ вѣры, если только не обвинять его въ крайнемъ самоволіи и пренебреженіи къ рѣшеніямъ собственныхъ, и притомъ не такъ давнихъ соборовъ; ибо, въ концѣ VIII и въ началѣ IX столѣтій, церковь латинская весьма рѣшительно высказалась въ пользу проповѣдей, молитвъ и Св. Писанія на языкѣ народномъ, даже поставила это въ обязанность духовенству *).

Другое возраженіе отъ западныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: „откуда могли взяться священники для совершенія службъ на славянскомъ языкѣ и по-греческому обряду, когда священникомъ былъ одинъ Кириллъ, а если допустить, что и Ме-

*) Вотъ эти соборныя постановленія: Собора франкфуртскаго, отъ 794 г.: ut nullus credat, quod nonuisi tribus linguis Deus orandus sit, quia in omni lingua Deus adoratur et homo exauditur, si justa petierit; Собора ахенскаго, отъ 802 года: ut fides catholica ab episcopis et presbyteris diligenter legatur, et omni populo praedicetur. Et dominicam orationem ipsi intelligant et omnibus praedicent intelligendam, ut quisque sciat, quod petat a Deo. (Pertz, Monumenta leg. I, 75, 100, гл. 52): Собора мюнцскаго, отъ 813 года: symbolum et orationem dominicam

ѳодій былъ въ санѣ священника, то, много, два. Если-же предположить, что изъ данныхъ имъ отъ князя учениковъ они уже успѣли подготовить нѣсколькихъ къ сану священническому, то кто могъ посвятить ихъ въ этотъ санъ? Папа? Но братья—пришельцы не входили еще съ нимъ ни въ какія отношенія, и, по крайней мѣрѣ, по формѣ были ему неизвѣстны. Пассавскій митрополитъ или епископъ, которому подвѣдома была Моравія въ церковномъ отношеніи? Но они были во враждебномъ отношеніи къ навязавшимся къ нимъ славяно-грекамъ". Что на это отвѣчать? Кажется, эта трудность, или воображаемая невозможность легко разрѣшается, и именно, слѣдующимъ образомъ: Константинъ, какъ имѣвшій санъ іерея могъ священнодѣйствовать, а Меѳодій, какъ обыкшій, при своемъ старшинствѣ, быть въ послушаніи у младшаго, или нѣкоторые изъ болѣе возрастныхъ преуспѣвшихъ учениковъ могли быть чтецами и пѣвцами при совершеніи богослуженія, а этого, при толковомъ и добропорядочномъ исполненіи, и достаточно было, чтобы до ушей слушающихъ доходили понятныя слова, и чтобы съ радостію слышать „величія Божія". Да почему необходимо воображать, что Константинъ и Меѳодій явились въ Моравію однимъ собственнымъ лицемъ, а не допустить, что они имѣли и изрядное число спутниковъ, которые добровольно захотѣли раздѣлить трудъ апостоль-

---

discere semper admoneant sacerdotes populum christianum... Et qui aliter non potuerit, veln sua lingua hoc discat (Mansi, XIV, 72); Собора турскаго, отъ того-же года: ut easdem (ss. Patrum) homilias quisque (sacerdos) aperte transferre studeat in rusticam romanam linguam aut theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere, quae dicuntur (Тамъ-же стр. 85). Наконецъ всѣ эти постановленія, въ 847 году, подтверждены ахенскимъ Соборомъ. (Тамъ-же стр. 903, гл. 2. Слич. г.—на Пет. Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій, Харьк, 1863, стр. 282 и сл.).

скаго подвига? Странно представлять себѣ славянскихъ апостоловъ одиноко отправляющимися въ долгій путь, въ дальнюю страну и въ среду людей, въ которой можно было надѣяться встрѣтить много препятствій, затрудненій и враждебнаго противоборства. А если кого они должны были взять себѣ въ сопутники и споспѣшники, то только лицъ духовныхъ, какъ единственно приспособленныхъ къ ихъ дѣлу—духовнаго просвѣщенія. И вотъ эти-то спутники и могли быть сотрудниками въ отправленіи славянской службы. Скажемъ болѣе: почему и между мѣстнымъ моравскимъ духовенствомъ воображать только нѣмцевъ? Вѣдь Моравія—страна славянская, и населена была, главнымъ образомъ, жителями славянскаго происхожденія, а нѣмцы составляли и доселѣ составляютъ пришлый и, слѣдовательно, менѣе численный элементъ: такъ почему-же изъ этого преобладающаго числа прирожденныхъ славянъ не могло оказаться хотя нѣсколько въ числѣ священниковъ? Таковымъ, конечно, и былъ священникъ Славомиръ, какъ то и самое имя доказываетъ, который, послѣ заточенія Ростислава и задержанія нѣмцами Святополка, бывъ избранъ княземъ, сталъ во главѣ народнаго возстанія противу притѣснителей. Такіе-то славяно-моравскіе священники не только способны, но и рады были всею душею содѣйствовать святымъ Служителямъ славянства въ дѣлѣ ихъ проповѣди и богослуженія. Такимъ образомъ и это второе возраженіе, что некому и не съ кѣмъ было священнодѣйствовать, какъ видимъ, легко устраняется.

Третье возраженіе заключается въ томъ, что яко-бы введеніемъ славянскаго богослуженія по обряду греческому проповѣдники ввели-бы христіанскій народъ Моравіи, привыкшій къ литургіи латинской, въ замѣшательство. Стыд-

но было-бы всякому добросовѣстному изслѣдователю предлагать такія возраженія; но католикъ, для охраненія папской чести, готовъ прибѣгнуть и къ самымъ пустымъ изворотамъ. Произошло-бы замѣшательство черезъ переходъ отъ латинскаго служенія къ славянскому!!! Напротивъ, славяне были необыкновенно рады слышать прославленіе Бога на своемъ языкѣ, какъ о томъ приводили мы свидѣтельства біографовъ Первоучителей. Равно мы видѣли и то, какъ одинъ нѣмецкій протопресвитеръ, увидѣвъ, съ какою жадностію народъ бросается на славянскую службу и пренебрегаетъ латинскою, оставилъ занятый другими личностями приходъ и удалился въ родной Зальцбургъ. Если-бы пришлось переходить отъ лучшаго къ худшему, отъ родственнаго къ чуждому, тогда, пожалуй, могло-бы встрѣтиться затрудненіе и произойти замѣшательство. Но въ настоящемъ случаѣ, приходилось переходить отъ чужаго къ родному, отъ праздно біющихъ воздухъ и ухо звуковъ, къ „орфическому звуку славянской рѣчи“, отъ непонятнаго словоизверженія къ удобовразумительному чтенію и пѣснопѣнію: какое-же могло быть тутъ затрудненіе и замѣшательство? Напротивъ, переходъ былъ самый легкій, естественный, удобонаклонный и радостный. Да для чего другаго и посольство было князьями снаряжено, какъ не для того, чтобы получить такого учителя, ,,иже бы народу въ свои езыкъ истинноую вѣроу христіаньскоую сказалъ“. Конечно, такое требованіе могло родиться только изъ чувства потребности и сознанія исключительной возможности уразумѣть вѣру единственно на родномъ языкѣ; и вотъ являются такіе учители, а народъ сторонится отъ нихъ, затрудняется слушать родное, прямо проникающее въ умъ и душу, слово!! Статочное-ли это дѣло? Возраженіе

указываетъ якобы на образовавшуюся въ народѣ привычку къ римскому служенію, отъ которой трудно было отстать. Но могла-ли составиться привычка къ такому богослуженію, которое не давало никакой пищи ни уму, ни сердцу? Что за удовольствіе видѣть у священнослужащаго движеніе устъ, слышать излетающіе изъ нихъ какіе-то звуки то высокіе, то низкіе, то протяжные, то короткіе, и—по незнакомству съ латинскимъ языкомъ, за неимѣніемъ школъ, ничего не понимать. Стоитъ обратить вниманіе на смыслъ пророческихъ словъ, примѣнительно приводимыхъ жизнеописателемъ: слушателей называетъ онъ глухими, какъ ничего не понимающихъ, а священниковъ приравниваетъ къ гугнивымъ, какъ непонятно говорящихъ. Такое страдательное и безучастное положеніе пасомыхъ, способное только наводить на скуку, конечно, не могло образовать въ народѣ привычки къ кимвальному богослуженію, а могло породить только невольное отвращеніе.

Но довольно! Болѣе не препираемся съ ревнителями папскаго всевластія и считаемъ достаточнымъ и сказаннаго, чтобы поставить внѣ всякаго сомнѣнія дѣйствительность Кириллова священнослуженія на славянскомъ языкѣ при приходѣ его въ Моравію, безъ предварительнаго разрѣшенія папы, хотя и могли-бы указать и еще на два историческія данныя, неопровержимо свидѣтельствующія о священнодѣйствіяхъ Кирилла въ странѣ, для ознакомленія съ которыми и отсылаемъ желающаго къ болѣе пространному сочиненію г-на П. Лавровскаго: „Кириллъ и Меѳодій“, стр. 263 и слл.

Само собою разумѣется, что такое рѣзкое нововведеніе не могло не возставить противъ себя мѣстное духовенство, которое вытѣснялось изъ своихъ мѣстъ и, понятно, тер-

пѣло ущербъ въ своихъ доходахъ. Жизнеописатель Кирилловъ такъ и говоритъ объ этомъ: „Ростещоу-же Божію словеси, злыи завистивыи испрьви троклетіи діаволь нетрьпе сего добра, нь вьшьдъ въ свое сьсоуды, и начетъ многи вьздвизати, глаголя имъ: не славитсе Богъ о семь. Аще бо би емоу годѣ было то, не би ли могль сътворити, да быше и си испрьва писмени пишоуще бесѣды свое славили Бога? нь три езыкы іесть тькмо избраль, евреискые, грьчькые и латинскые, имиже достоитъ славоу Богоу вьздаати. Бѣхоу же се глаголющеи латиньсціи сьпричьтницы, архіереи, иереи и оученици, и бравь се сь ними, яко давидь съ иноплеменникы, книжными словесы, побѣждь іе нарече триязычникы“..... Конечно, такія пренія не могли ограничиваться мѣстомъ ихъ веденія, но въ отголоскахъ, въ видѣ доносовъ, жалобъ, клеветъ, должны были за четыре съ половиною года—время, которое Братья пробыли въ Моравіи—отразиться и въ Римѣ. И дѣйствительно, папа, услышавши объ употребленіи греко-славянскаго богослуженія въ Моравіи, пораженъ былъ дерзостію нововведенія, и письменно потребовалъ къ себѣ Пришельцевъ. *) Кириллъ и Меѳодій явились въ Римъ, показали свои переводные труды, которые, послѣ защиты Кирилломъ годности славянскаго языка для богослуженія, соборнѣ одобрены были для церковнаго употребленія и самымъ дѣломъ употреблены были на нарочно для того назначенныхъ служеніяхъ въ римскихъ церквахъ. Illi (apostolicus et rectores ecclesiae), audientes et admirantes tanti viri industriam et fidem, stu-

*) His omnibus auditis papa Nicolaus... mirabatur, quomodo ausi fuissent sacerdotes Domini, Cyrillus et Methodius, horas canonicas in slavonico psallendo statuere idiomate. Quaproper mandavit per litteras apostolicas illos ad se Romam venire. Mährische Legende, стр. 24, § 6.

diosa deliberatione praehabita, statuerunt supradicto sermone in illis partibus, quas b. Cyrillus Deo acquisierat et sicut statuerat, canonicas horas cum missarum solemniis ita debere deinceps celebrare, такъ пишется въ легендѣ моравской.

Чѣмъ объяснить такую готовность папы къ освященію языка, считавшагося у римлянъ варварскимъ и достояніемъ рабовъ,—готовность, простершую до того, что и ту немалочисленную „чадь“, которая твердила, что недостоитъ ни одному языку имѣть письмена для Священнаго Писанія, кромѣ еврейскаго, греческаго и римскаго, по Пилатовой надписи на крестѣ Господнемъ, папа прозвалъ укоризненнымъ именемъ „треязычниковъ“ и „пилатниковъ“, и самое мнѣніе это предалъ проклятію, а одного епископа, державшагося подобнаго заблужденія, лишилъ даже сана? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, приведенные Кирилломъ въ защиту славянскаго богослуженія резоны, заимствованные изъ обыкновеннаго здраваго смысла и изъ Св. Писанія, достаточно сильны были подвигнуть папу къ одобренію славянскаго языка, вопреки, какъ говорено на совѣщаніи, постановленій святыхъ Отцевъ (patrum statutá immutare), вопреки существовавшему общественному мнѣнію, вопреки укоренившемуся въ латинской церкви обычаю употреблять въ богослуженіи исключительно латинскій языкъ? Конечно, не убѣжденіе въ правотѣ дѣла Кириллова, не сознаніе полезности употребленія туземнаго языка для религіозныхъ цѣлей, не ревность къ распространенію и утвержденію христіанства въ недавно-обращенной странѣ, но побужденія сторонніе, далекія отъ видовъ истинной пользы христіанства, соблюденіе интереса и предупрежденіе утраты — матеріальныхъ выгодъ. Именно, при одобрительномъ рѣшеніи папы, купно

съ соборомъ, въ пользу славянскаго богослуженія, какъ bête noire, грознымъ признакомъ стояла Моравія. Какимъ образомъ папа, конечно, не лишенный разсужденія, а напротивъ, преслѣдующій свои интересы совершенно въ духѣ предшественника своего, Николая I, (отчего и прозванъ Nicolaitanus), какимъ образомъ могъ бы не сообразить, что если онъ не одобритъ славянскаго богослуженія, которое съ такою радостію принято было въ Моравіи всѣми, начиная отъ князя до послѣдняго подданнаго, то вся Моравія возстанетъ противу этого запрещенія и, пожалуй, совсѣмъ отпадетъ къ тому патріархату, къ которому уже разъ довѣрчиво обращалась съ просьбою о присылкѣ учителей. Это самое заставило папу такъ торжественно, открыто и за нѣсколько пріемовъ освящать, принесенныя Братьями, славянскія книги, чрезъ совершеніе на нихъ богослуженія во многихъ церквахъ. Это-же разсужденіе заставило папу изречь проклятіе и на треязычную ересь и осудить державшихся ея. Если къ этому, принять въ соображеніе и оборотъ дѣлъ на Востокѣ, неотразимо приковывавшемъ къ себѣ вниманіе куріи, то папа могъ имѣть и другое внѣшнее побужденіе предоставить славянской рѣчи честь священнаго употребленія. Именно, къ концу 867 года, когда происходило въ Римѣ это разсужденіе о богослужебномъ достоинствѣ славянскаго языка, въ Византіи, вмѣсто враждебнаго Риму Михаила, сидѣлъ на императорскомъ престолѣ Василій, благопріятствовавшій Риму, а вмѣсто Фотія, рѣзкаго обличителя западныхъ заблужденій, смиренный и миролюбивый Игнатій, и слѣдовательно, можно было надѣяться на прекращеніе открывшихся между Римомъ и Византіей препирательствъ, и вслѣдъ за тѣмъ, расчитывать и на достиженіе извѣстныхъ цѣлей по отношенію къ Болга-

ріи. Почему совершенно было бы безвременно раздражать византійскій дворъ презрительнымъ отказомъ въ одобреніи такого религіознаго органа, который всегда признавался на Востокѣ самымъ благопотребнымъ орудіемъ къ распространенію св. вѣры. Но и при всемъ этомъ, папа не удержался таки, чтобы не сдѣлать какой-нибудь помѣхи или стѣсненія славянскому языку: онъ ограничилъ церковное употребленіе его тѣми частями римской области, которыя пришедшіе Братья успѣли подчинить своему вѣдѣнію и вліянію. Statuerunt supradicto (slavonico) sermone in illis partibus, quas b. Cyrillus Deo acquisierat... canonicas horas cum missarum solemniis debere deinceps celebrare,—значитъ съ лишеніемъ права вводить славянское богослуженіе въ сосѣдственныхъ съ Моравіею славянскихъ странахъ (хотя, правда, какъ извѣстно изъ многихъ историческихъ данныхъ, Первоучители этого ограниченія вовсе не соблюдали). Можно-ли послѣ этого сказать, что искренно и отъ душевнаго расположенія, какъ хочется господамъ западнымъ писателямъ, разрѣшено было папою пришедшимъ Братьямъ богослужебное употребленіе славянскаго слова и письмени? Только ослѣпленный предубѣжденіемъ, или безразсудно-упорный чтитель папскаго святѣйшества можетъ не видѣть, во всѣхъ этихъ проявленіяхъ папскаго вниманія и снисхожденія, вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, съ перемѣною которыхъ должно немедленно исчезнуть все благопріятство папское и замѣниться суровостію запрещенія и преслѣдованія, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго развитія нашего предмета.

Спустя годъ по освященіи славянской грамоты, уже по кончинѣ блаженнаго Кирилла, какъ мы уже разъ объ этомъ говорили, нитранскій князь Коцелъ, уже разъ собственнымъ опытомъ дознавшій полезность роднаго языка въ дѣ-

лѣ религіи, вспомнилъ о Первоучителяхъ и отправилъ къ папѣ посольство съ просьбою прислать къ нему Меѳодія для ученія народа, недавно ознакомившагося съ новою вѣрой, и Адріанъ II шлетъ на славянскія страны, не одному Коцелу, но и Ростиславу и Святополку, (о дѣйствительномъ въ это время положеніи послѣднихъ двухъ, папа конечно, не зналъ), охотно, только не въ подобающемъ санѣ, Меѳодія, котораго и рекомендуетъ князьямъ какъ сына своего и мужа совершенна разумомъ и правовѣрна, и уполномочиваетъ его совершать всякаго рода службы на родномъ языкѣ. Мало сего: папа благословляетъ именемъ Бога и отъ лица всей каѳоликіи, всякаго, кто-бы, по примѣру Константина, достойно и правовѣрно, могъ истолковать св. писаніе и богослуженіе на родномъ языкѣ; требуетъ только, чтобы за обѣдней апостолъ и евангеліе читались прежде по-латыни, а потомъ по-славянски, тѣхъ же, которые дерзнули бы унижать славянскую рѣчь, повелѣваетъ отлучать и предавать суду церкви *). Какое, повидимому, доброхотство, какая расположенность къ поддержанію и развитію славянскаго элемента! Изъ какого бы побужденія ни

*) Это посланіе папы Адріана II, изъ котораго мы сдѣлали въ текстѣ краткое извлеченіе, на латинскомъ языкѣ не существуетъ, но сохранилось въ переводѣ въ славянскомъ Житіи Меѳодія. Г. Гинцель считаетъ его подложнымъ и работою какого-нибудь схизматика, т. е. православнаго, но оно носитъ всѣ признаки подлинности, какъ то вполнѣ-удовлетворительно доказали: г. Лавровскій въ своемъ «Кир. и Меѳ.» стр. 27—34, и Горскій въ своихъ «Жит. свв. Кир. и Меѳ.» прим. 29, гдѣ оно и напечатано въ полномъ составѣ. Западные слависты, Миклошичъ и Эрбенъ, постарались поддѣлать къ славянскому тексту и латинскій, дабы показать близость документа къ стилю куріи. Переводъ перваго вмѣстѣ съ славянскимъ подлинникомъ напечатанъ Дюммлеромъ въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts—Quellen, Wien, XIII Bd. 1 Heft, стр. 145 и сл., а послѣдняго—въ изданныхъ имъ въ 1845 г. Regesta Bohemiae et Moraviae, стр. 14.

происходила эта благосклонность, хотя бы изъ самаго чуждаго религіознымъ интересамъ славянства, только помянутое уполномочіе папою Меѳодія, на употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи было уже *вторичное* одобреніе славянскаго богослуженія, и притомъ во всѣхъ его видахъ примѣненія, и, казалось бы, два формальныя, со стороны папы, разрѣшенія должны были нерушимо обезпечить за Меѳодіемъ право священнодѣйствовать по-славянски. Но въ 873 году вступаетъ на папскій престолъ Іоаннъ VIII; Меѳодій, послѣ нѣсколькихъ испытанныхъ имъ въ своей просвѣтительной дѣятельности превратностей, дѣлается, наконецъ архіепископомъ страны, значитъ, съ болѣе широкою властію, и Моравія, по замѣчанію его жизнеописателя, начинаетъ развиваться и шириться какъ въ политическомъ, такъ и церковномъ отношеніи. Какъ вдругъ насылается отъ папы нарочный, въ лицѣ анконскаго епископа Павла, съ запрещеніемъ отправлять далѣе богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Что побудило къ такому распоряженію папу, бывшаго свидѣтелемъ торжественнаго разрѣшенія славянскаго богослуженія Адріаномъ II, неизвѣстно; но полагать надобно, что навѣты нѣмцевъ, терпѣвшихъ отъ введенія и распространенія чуждаго обряда. Меѳодій, пораженный такимъ неожиданнымъ и противорѣчащимъ смыслу прежнихъ папскихъ разрѣшеній, распоряженіемъ, недоумѣваетъ и—въ глубокомъ и непоколебимомъ сознаніи богоугодности своего дѣла, благословляемаго самыми радующими успѣхами, *не слушается* папскаго запрещенія и, въ продолженіе четырехъ съ половиною лѣтъ, спокойно продолжаетъ совершать службу на природномъ языкѣ, къ назиданію и утѣшенію своей паствы, конечно, имѣя въ виду примѣръ первообразовъ своего апостольства, Петра и Іоанна, которые,

когда совѣтъ іудейскій запретилъ имъ учить о имени Іисуса, сказали въ отвѣтъ: „аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите“ (Дѣян. IV, 19). Но, замѣчательно, и папа, въ теченіе всѣхъ этихъ четырехъ съ половиною лѣтъ молчитъ, терпитъ своеволіе и непослушаніе Меѳодія, какъ-бы устыдясь своего безосновательнаго и ни съ чѣмъ не сообразнаго повелѣнія и прячась отъ стыда, не будучи, при томъ, болѣе тревожимъ подстрекательствами нѣмцевъ, успокоившихся на отправленіи папою формальнаго запрещенія. Но не безъ конца же было длиться этому натянутому молчанію. Папа, возбуждаемый, конечно, непріязненными доносами нѣмцевъ на такое упорство Меѳодія, не перестававшаго оглашать храмы звуками ненавистнаго языка, выходитъ, наконецъ, изъ терпѣнія, и, въ 879 году, разражается двумя грозными буллами, отъ одного и тогоже числа (18 іюня): одной къ Меѳодію, въ которой упрекаетъ его, что онъ, вопреки посланному чрезъ Павла Анконскаго запрещенію, продолжаетъ служить на варварскомъ *) славянскомъ языкѣ, и предписываетъ впредь употреблять

*) Шлёцеръ въ своемъ «Несторѣ» (по русск. пер. ч. II, стр. 503), негодуя на такое недостойное униженіе отъ папы славянскаго языка, приноминаетъ бранчивую переписку, имѣвшую мѣсто между императоромъ Михаиломъ и папою Николаемъ I въ 865 г. Это огорчило тогда папу до того, что онъ въ отвѣтѣ своемъ пространно и жестоко на то жалуется. Вы, пишетъ притязательный папа, дошли до такого *неистовства*, что оскорбили *латинскій* языкъ, назвавъ его въ посланіи вашемъ *варварскимъ* и *скиѳскимъ;* если вы потому называете этотъ *языкъ варварскимъ, что не разумѣете его* (тоже самое, замѣчаетъ Шлёцеръ, могъ бы Меѳодій сказать папѣ въ разсужденіи славянскаго языка), то разсудите, какъ смѣшно называться вамъ римскимъ императоромъ и не знать латинскаго языка (не менѣе смѣшно, прибавляемъ мы отъ себя, дѣлать себя судьею достоинства и богослужебной годности славянскаго языка, не зная его) и проч. Baronii Annales ad an. 865, pag. 82.

въ богослуженіи только латинскій или греческій, и требуетъ, по этому поводу, явиться для отвѣта въ Римъ; а другой къ князю, начавшему сомнѣваться въ правой вѣрѣ, съ убѣжденіемъ содержать вѣру по разуму святой (?) римской церкви, и извѣщеніемъ, что Меѳодій. за несогласное съ римскою церковію ученіе (но о славянскомъ языкѣ ни полъ слова), потребованъ имъ къ отвѣту въ Римъ. Что рѣшило папу на такую неожиданную вылазку противъ Меѳодія, можно догадываться, то, что въ это время, не твердый вообще въ своихъ правилахъ, Святополкъ сблизился съ нѣмцами, враждовавшими постоянно противу Меѳодія, и позволилъ себѣ подчиниться ихъ вліянію. Слѣдовательно, папа, какъ и вообще папы, сообразовавшіеся въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ постоянно со внѣшними обстоятельствами, могъ свободно метнуть запрещеніе, не опасаясь неудовольствія и противодѣйствія со стороны могучаго князя. Но какое бы ни было къ запрещенію и вызову на судъ побужденіе, Меѳодій покорствуетъ и является третій разъ въ Римъ ко прагу св. Петра (ad limina s. Petri Paulique). Папа созываетъ соборъ, чинитъ, въ присутствіи многихъ епископовъ, Меѳодію допросъ (hunc Methodium interrogavimus coram positis fratribus nostris episcopis, пишетъ папа къ Святополку) относительно его вѣрованія и употребленія славянскаго языка въ богослуженіи, и—неожиданный результатъ церемоніальнаго суда!—слѣдуетъ полнѣйшее соборное одобреніе какъ образа вѣрованія Меѳодіева, такъ и славянскаго языка для богослуженія, которое и папа Левъ XIII съ видимымъ самодовольствіемъ, подчеркивая, дословно выписываетъ въ своей Энцикликѣ, какъ очевидное, яко-бы, и неопровержимое доказательство благорасположенности папства къ славянству. Вотъ это одобреніе и въ подлин-

номъ видѣ, и въ переводѣ, какъ оно изложено въ посланіи Іоанна VIII къ Святополку, отъ 880 года мѣсяца іюня: Literas denique sclaviniscas, a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, jure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri praeconia et opera enarrentur, jubemus... Nec sanae fidei vel doctrinae aliquid obstat, sive missas in eadem sclavinica lingua canere, siue sacrum evangelium vel lectiones divinas novi et veteris testamenti bene translatas et interpretatas legere aut alia horarum officia omnia psallere. Въ русскомъ переводѣ значитъ: „Славянскія письмена, Константиномъ философомъ нѣкогда изобрѣтенныя, которыми возглашалась бы хвала Богу, мы достойно одобряемъ и повелѣваемъ на этомъ же языкѣ возвѣщать ученіе и дѣла Господа нашего Іисуса Христа... И здравой вѣрѣ или ученію нисколько непротивно на томъ же славянскомъ языкѣ править литургіи, или читать святое евангеліе и другія чтенія изъ Новаго и Ветхаго Завѣта хорошаго перевода и толкованія, и пѣть всѣ другія службы“. Мы присоединимъ къ этому и прибавленныя, вслѣдъ за предшедшимъ разрѣшеніемъ, папою повелѣнія, чтобы, ради большаго почета. напередъ читалось евангеліе по-латыни, а потомъ для неразумѣющихъ латинскаго языка, въ славянскомъ переводѣ,—и дозволеніе князю и его сановникамъ слушать обѣдню на одномъ латинскомъ.

Невольно спрашиваешь себя, что за причина такой измѣнчивости папской: годъ тому назадъ, съ силою было подтверждено прежнее запрещеніе службы на славянскомъ языкѣ, а теперь вдругъ предоставляется ему полнѣйшая свобода употребленія въ богослуженіи! И не входя въ дальніе

розыски, останавливаешься на Моравіи, не переставшей быть пугаломъ для римскаго прозелитизма. Конечно, папѣ не могло быть неизвѣстнымъ, что когда Меѳодій потребованъ былъ въ Римъ, а нѣмецкіе священники, въ особенности, тѣ изъ нихъ, которые болѣли, такъ названною у жизнеописателя, іопаторскою ересью, т. е. вѣрованіемъ въ исхожденіе Духа Святаго и отъ Сына, торжествовали и, въ преждевременной радости, во всеуслышаніе провозглашали, что, наконецъ-то, папа даетъ власть имъ, а Меѳодія и его ученіе велитъ изгнать вонъ, то весь моравскій народъ опечалился и громко выражалъ свою праведную скорбь объ утратѣ несравненнаго и незамѣнимаго пастыря. Какимъ же бы образомъ папа, при такомъ настроеніи цѣлой области, могъ рѣшиться поступить наперекоръ тому настроенію, удаливъ Меѳодія отъ его должности, или воспретивъ ему священнослуженіе на славянскомъ языкѣ, котораго сладость и благотворное дѣйствіе на душу народъ столько разъ испытывалъ? Еслибы папа рѣшился поступить тѣмъ или другимъ образомъ, то поднялъ бы противу себя всю Моравію и, въ концѣ концовъ, заставилъ бы ее обратиться къ Византіи, благословляющей для дѣла вѣры всякій языкъ. Надобно полагать, что и сами нѣмцы, не смотря на всю свою нерасположенность къ чуждому религіозному элементу и враждебныя отношенія къ пришлому греку, не могли не сознавать крайней опасности отъ крутаго поворота дѣла. Другіе (Гинцель и г. Лавровскій *) позволяютъ себѣ догадываться, что папа по этому дѣлу имѣлъ частные переговоры съ Меѳодіемъ, среди которыхъ послѣдній имѣлъ случай раскрыть римскому епископу всю опасность отъ запрещенія славянской службы и тѣмъ побудилъ

*) Ginzel, Geschichte der Slaven Apostol, стр. 71; Лавровскій, стр. 432.

его къ уступчивости. Мы же съ своей стороны, прибавили-бы, что и колебавшійся Святополкъ уже успѣлъ отвратиться отъ нѣмецкой стороны, и слѣдовательно, папа не могъ расчитывать на поддержку со стороны князя, если-бы, посягнувъ на церковное употребленіе славянскаго, природнаго его (князя) языка, онъ произвелъ бы смуту въ моравской церкви. И этого безучастія князя тѣмъ-болѣе надобно было ожидать, что папа въ посланіи своемъ къ князю, коимъ увѣдомляетъ его о призывѣ Меѳодія на судъ въ Римъ, указывая на сомнительное правовѣріе епископа, вовсе молчитъ о незаконности употребленія имъ славянскаго языка въ богослуженіи, какъ будто-бы, указаніемъ на то боясь оскорбить князя, дѣйствительно, когда-то участвовавшаго въ призваніи отъинуда учителя для изъясненія вѣры на природномъ понятномъ языкѣ.

Но чѣмъ бы ни обусловливалось такое полное одобреніе папою славянскаго языка для богослуженія, католицизмъ, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, съ самодовольною увѣренностію выставлялъ его предъ славянскимъ родомъ, какъ непреложное свидѣтельство о расположенности папства къ славянамъ и какъ благовидное основаніе для привлеченія ихъ въ лоно „единой—спасающей“(?!) католической вѣры. Какъ наконецъ

Одинъ копотливый нѣмецъ, ученый архиваріусъ Бреславскій, по вѣрѣ протестантъ, а по имени Ваттенбахъ, въ 1847 году, въ библіотекѣ цистерціанскаго монастыря св. Маріи у св. Креста въ Лѣсной долинѣ (in monasterio S. Mariae ad S. Crucem in Valle nemorosa), въ нижней Австріи, недалеко отъ Вѣны, открываетъ, въ рукописи посланіе къ Святополку папы Стефана VI, вступившаго на папскій престолъ послѣ Іоанна VIII черезъ три года, ко-

торымъ всѣ предшествовавшія благопріятныя, какъ для славянства вообще, такъ и для Меѳодія въ частности, папскія рѣшенія и распоряженія однимъ разомъ уничтожаются, такъ что и служба славянская окончательно воспрещается, и самъ Меѳодій вмѣстѣ съ учениками изъ Моравіи изгоняется. Вотъ извлеченіе изъ этой, монументальной по своей наглости, буллы, въ которой, на позоръ лживаго и нетерпящаго (intolerant) папства, все относящееся до Меѳодія какъ въ подлинномъ текстѣ, такъ и въ переводѣ, выставляемъ прописными буквами, какъ теперешній папа изъ благопріятной для славянства буллы Іоанна VIII сдѣлалъ, на показъ Славянамъ, въ своей Энцикликѣ, извлеченіе подчеркнутыми буквами. Похваливъ, прежде всего, Святополка, на имя котораго адресовано посланіе, за его благочестіе и преданность престолу св. Петра и пожелавъ ему за то отъ Бога всѣхъ благъ, душевныхъ же и тѣлесныхъ, папа обѣщаетъ ему отъ себя содѣйствіе и покровительство во всемъ, что относится до спасенія его души,—и затѣмъ, пускается въ изложеніе богословскаго ученія о св. Троицѣ, въ которомъ догматъ о происхожденіи Св. Духа положительно выставляетъ пріемлемымъ римскою церковію съ прибавленіемъ: filioque. Вслѣдъ за симъ, рекомендуетъ ему въ епископы, извѣстнаго своею враждебностію противу Меѳодія, Вихинга, какъ святителя, содержащаго ту же вѣру во всей ея чистотѣ, въ слѣдующихъ словахъ: In qua (fide. quam sancta romana ecclesia tenet) et Wichingum venerandum episcopum et carissimum confratrem, eclesiastica doctrina eruditum reperimus, et ideo eum vobis ad regendam sibi commissam a Deo ecclesiam remisimus, quia fidelissimum eum tibi, et pro te satis sollicitum in omnibus agnovimus. Quem veluti spiritualem patrem et proprium pa-

storem digno honore et debita reverentia sincera mente recipite, tenete et amplectamini, quia in eo exhibitum honorem Christo conferitis... Ipse itaque omnium eclesiaticorum officiorum habeat curam, et Dei timorem prae oculis habens dispenset eadem, quia et pro his et pro animabus commissi sibi populi ipse redditurus erit ditsricto judici rationem. Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ излагаетъ ученіе о постахъ, въ какіе дни надобно содержать ихъ, и— въ разногласіи съ восточною церковію, и подъ конецъ, прибавляетъ роковыя для славянскаго дѣла на Западѣ слова: METHODIUM NAMQME SUPERTITIONI, NON AEDIFICATIONI, CONTENTIONI. NON PACI INSISTENTEM AUDIENTES, PLURIMUM MIRATI SUMUS; ET SI ITA EST, UT AUDIVIMUS, SUPERSTITIONEM EJUS PENITUS, ABDICAMUS. ANATHEMA VERO PRO CONTEMNENDA CATHOLICA FIDE, QUI INDIXIT, IN CAPUT REDUNDABIT EJUS... DIVINA AVTEM OFFICIA ET SACRA MISTERIA AC MISSARUM SOLEMNIA, QUAE IDEM METHODIUS SCLAVORUM LINGUA CELEBRARE PRAESUMPSIT, QUOD NE ULTERIUS FACERET, SUPRA SACRATISSIMUM BEATI PETRI CORPUS JURAMENTO FIRMAVERAT, SUI PERJURII REATUM PERHORRESCENTES, NULLO MODO DEINCEPS A QUOLIBET PRAESUMATUR; DEI NAMQUE NOSTRAQUE APOSTOLICA AUTORITATE SUB ANATHEMATIS VINCULO INTERDICIMUS: EXCEPTO QUOD AD SIMPLICIS POPULI ET NON INTELLIGENTIS AEDIFICATIONEM ATTINET, SI EVANGELII VEL APOSTOLI EXPOSITIO AB ERUDITIS EADEM LINGVA ANNUNCIETUR, ET LARGIMUR ET EXHORTAMUR ET UT FREQUENTISSIME FIAT MOHEMUS UT OMNIS,

LINGUA LAUDET DEUM ET CONFITEATUR EI *). Представляемъ русскій переводъ этихъ возмутительныхъ выдержекъ для незнакомыхъ съ латинскимъ языкомъ: „Въ этой (вѣрѣ, содержимой святою римскою церковію) мы нашли наставленнымъ отъ церковнаго ученія и Вихинга, достопочтеннаго (заслуживаетъ такого названія!) епископа и любезнѣйшаго нашего собрата (большая честь папѣ имѣть проныру и смутьяна братомъ!), и потому обратно послали его къ вамъ для управленія ввѣренной ему отъ Бога церкви, потому что мы признали его за наиболѣе вѣрнаго тебѣ и довольно заботящагося о тебѣ человѣка. Примите его, держите и жалуйте отъ чистаго сердца, какъ отца духовнаго и настоящаго пастыря, съ достойною честію и подобающимъ уваженіемъ, потому что, оказывая ему честь, вы воздаете честь Христу. Почему пускай онъ имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ должностяхъ и, имѣя предъ очами страхъ Божій располагаетъ ими, потому что и за нихъ, и за души ввѣреннаго ему народа онъ долженъ будетъ дать отчетъ праведному Судіи.... ОТНОСИТЕЛЬНО ЖЕ МЕѲОДІЯ МЫ КРАЙНЕ УДИВЛЕНЫ, СЛЫША, ЧТО ОНЪ УПОРНО ДЕРЖИТСЯ СУЕВѢРІЯ, А НЕ НАЗИДАНІЯ, СПОРОВЪ, А НЕ МИРА, И ЕСЛИ ЭТО ТАКЪ, ТО МЫ СОВЕРШЕННО ОТВЕРГАЕМЪ ЕГО СУЕТНУЮ ВѢРУ (какая продерзость православно — восточную вѣру назвать суевѣріемъ!) А ПРОКЛЯТІЕ ЗА ПРЕНЕБРЕЖЕНІЕ КЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ ВѢРѢ ДА ОБРАТИТСЯ НА ГЛАВУ ТО-

*) Мы выписали эти мѣста изъ Эрбена, Regesta Bohemiae et Moraviae, стр. 20 и сл. № 49, у котораго, впрочемъ, посланіе представлено тоже въ отрывочномъ видѣ; въ полномъ-же составѣ можно его читать у открывшаго его Виттенбаха въ написанныхъ имъ по поводу открытія Beyträge, стр. 45 и у Гинцеля въ приложеніи къ его Geschichte der Slav.—Ap. стр. 63—64.

ГО, КТО ПРОИЗНЕСЪ ЕГО (а мы обратно возвращаемъ его на голову каверзника и проныры, на котораго оно первоначально было произнесено и который осужденъ былъ самими соотечественниками своими, *) и того буйнаго властителя духовнаго, который дерзнулъ поворотить клятву на главу святаго Мужа, нынѣ равно чествуемаго и православною и католическою церковію). БОЖЕСТВЕННЫХЪ ЖЕ СЛУЖБЪ, СВЯТЫХЪ ТАИНСТВЪ И ЛИТУРГІИ, КОТОРЫЯ ОНЪ (МЕѲОДІЙ) ВЗДУМАЛЪ СОВЕРШАТЬ НА СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ (какъ будто-бы самовольно, безъ разрѣшенія папъ!) И ВЪ ДАЛЬНѢЙШЕМЪ НЕСОВЕРШЕНІИ КОТОРЫХЪ, ОНЪ ДАЛЪ КЛЯТВУ НАДЪ ГРОБОМЪ СВ. ПЕТРА (когда это?), НИКТО И НИКОИМЪ ОБРАЗОМЪ ДА НЕ ДЕРЗАЕТЪ ВПРЕДЬ СОВЕРШАТЬ, ВО УЖАСѢ ОТЪ ПРЕСТУПНОСТИ ТАКОГО НАРУШЕНІЯ КЛЯТВЫ, ИБО МЫ, БОЖІЕЮ И НАШЕЮ АПОСТОЛЬСКОЮ ВЛАСТІЮ, ЗАПРЕЩАЕМЪ ЭТО ПОДЪ СТРАХОМЪ АНАѲЕМЫ (да обратится эта анаѳема на твою буйную голову, продерзскій папа!): ИСКЛЮЧЕНІЕ ДОПУСКАЕТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ПРОСТАГО И НЕПОНИМАЮЩАГО (латыни) НАРОДА: ЕСЛИ БУДЕТЪ ПРЕДЛАГАТЬСЯ СВѢДУЩИМИ ЛЮДЬМИ НА ТОМЪ ЯЗЫКѢ ОБЪЯСНЕНІЕ ЕВАНГЕЛІЯ ИЛИ АПОСТОЛА, ТО МЫ ЭТО ОХОТНО ДОПУСКАЕМЪ И ПОБУЖДАЕМЪ КЪ ТОМУ И ДАЖЕ УБѢЖДАЕМЪ, ЧТОБЫ ЭТО ДѢЛАЛОСЬ, СКОЛЬКО МОЖНО

*) Въ Annales Fuldenses apud Pertz I ad annum, говорится: Anno 899, defuncto Engilmaro, episcopo Pataviensi, in ejus locum idem Wihingus, rege concedente, successit. Sed non multo post a Deotmaro archiepisopo Salisburgensi ceterisque suffraganeis suis, contra voluntatem regis, canonicali judicio abjectus est. Т. е., въ 829-мъ году, по смерти Энгильмара, епископа пассавскаго, на его мѣсто, съ согласія короля, поступилъ тотъ-же Вихингъ. Но спустя немного, Дитмаромъ, архіепископомъ Зальцбургскимъ и его совѣтниками, вопреки воли королевской, по каноническому суду, былъ изверженъ (изъ сана).

ЧАЩЕ, ДА ВСЯКЪ ЯЗЫКЪ ХВАЛИТЪ ГОСПОДА И ИСПОВѢСТСЯ ЕМУ".

Такъ-то, наконецъ благопріятствовавшій, повидимому, хотя не безъ колебаній, славянству, папизмъ сбрасываетъ съ себя обманчивую личину и, въ лицѣ папы Стефана VI, проявляетъ себя въ настоящемъ своемъ образѣ—въ образѣ заклятаго и ожесточеннаго врага всего славянскаго, восточнаго, византійскаго. Да, булла Стефана VI представляетъ разительное доказательство неискренности и затаеннаго въ душѣ недоброжелательства папъ къ развивавшемуся, при помощи роднаго языка, славянству. Конечно, если бы всѣ благоволительныя проявленія предшествовавшихъ папъ въ пользу славянства были искренни и отъ души происходили, то и Стефанъ VI-й не имѣлъ-бы побужденія и смѣлости выступить противу благопріятнаго, въ пользу славянства и православія, направленія, въ высшихъ церковныхъ сферахъ, мыслей и чувствъ. Но онъ зналъ неискренность благосклонныхъ отношеній папъ къ Меѳодію и его дѣлу, и—потому свободно рѣшилъ разраставшееся славянство поразить въ корнѣ, не опасаясь встрѣтить и противодѣйствія въ общественномъ мнѣніи. Но вмѣстѣ съ этимъ, и какое булла даетъ доказательство своеобразнаго и не зависимаго шествія Меѳодія по пути апостольства, ибо булла прямо обвиняетъ его въ любопрительности, значитъ въ борьбѣ съ римскими убѣжденіями и взглядами, осуждаетъ его за вѣрованіе въ исхожденіе Духа Святаго отъ единаго Отца и ученіе о постахъ и тѣмъ прямо указываетъ на несогласіе его съ западною церковью и независимость въ религіозныхъ взглядахъ отъ папы.

Послѣ этого понятно, какъ всѣ западные защитники папскихъ интересовъ, уразумѣвъ, что этою буллою, съ одной

стороны, опровергаются ихъ толки о постоянной благорасположенности папъ къ славянскимъ учителямъ и неизмѣнной готовности защищать и поддерживать ихъ апостольское дѣло, а съ другой, и ихъ увѣренія въ полномъ подчиненіи себя пришедшими съ Востока вѣроучителями папскому престолу какъ въ ученіи, такъ и въ дѣяніяхъ, возстали противу неожиданнаго открытія со всею горячностію католиковъ и принялись опровергать подлинность документа, per fas et nefas, хотя первый, открывшій его, Ваттенбахъ, въ напечатанномъ имъ, въ 1849 г., въ Вѣнѣ, изслѣдованіи о буллѣ, подъ заглавіемъ: Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen, и вслѣдъ за нимъ Дюмилеръ, отозвавшійся о находкѣ въ Archive für Kunde österrechischer Geschichts Quellen, XII Bd. 1 Heft, оба протестанты, слѣд. въ религіозномъ отношеніи безразличные, находили памятникъ заслуживающимъ полной вѣры, хотя не свободнымъ отъ возраженій. Мы, по суммарному характеру нашего сочиненія, не можемъ пускаться въ защиту подлинности акта, а отсылаемъ любознательнаго читателя къ почтенному труду г-на Лавровскаго: „Кириллъ и Меѳодій, Харьковъ 1863 г., гдѣ на стран. 14—27 и 459—465, найдетъ онъ вполнѣ удовлетворяющее оправданіе подлинности документа. Позволяемъ, однако-же и мы высказать при семъ наше убѣжденіе, состоящее въ томъ, что, судя по дерзкому и запальчивому характеру папы Стефана VI-го, выразившемуся въ посланіи къ бывшему тогда на византійскомъ престолѣ Василію Македонянину, гдѣ онъ восхваляетъ папъ, его предшественниковъ и, между ними, Марина, послѣ котораго наслѣдовалъ непосредственно папскій престолъ, превозноситъ за то, что „онъ чувствовалъ и

мыслилъ одинаково съ Николаемъ“ *), и въ нагломъ требованіи отъ императора посольства въ Римъ для обсужденія всего дѣла объ удаленіи Фотія подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, странно и непонятно-бы было, какимъ бы образомъ этотъ задорный боецъ, простиравшій руку на отдаленный Востокъ, могъ спокойно смотрѣть на происходившія у него передъ глазами проявленіи восточнаго православія, и что, не будь этого сокрушительнаго посланія, въ ходѣ славянства на западѣ былъ-бы какой-то перерывъ, по причинѣ котораго многихъ фактовъ въ исторіи его объяснить было-бы нельзя. А что этой буллы не обрѣлось въ папскихъ древлехранилищахъ, кому не извѣстно, что папы всѣ акты и документы, не клонящіеся къ ихъ чести и выгодѣ, преусердно уничтожали или припрятывали? Остается только пожалѣть, что то, что созидалось многолѣтними трудами и подвигами святыхъ восточныхъ Учителей, вдругъ рушилось отъ одного почерка пера какого-то буйнаго папы Стефана VI-го, и что ученики святаго Мужа, и между ними, достопочтенный Гораздъ, назначенный отъ Меѳодія преемникомъ для себя по моравской каѳедрѣ, и учительный Климентъ, впослѣдствіи епископъ Болгарскій (Меѳодія, къ счастію, не застало въ живыхъ гнусное изверженіе папской куріи) были изгнаны съ позоромъ изъ предѣловъ Моравіи, подвергнуты разнымъ поруганіямъ, притѣсненіямъ и лишеніямъ и принуждены были разсѣяться по разнымъ славянскимъ странамъ, хотя, по распоряженію вышняго Промысла, самое это разсѣяніе послужило къ насажденію и утвержденію въ тѣхъ странахъ восточнаго православія.

Заканчивая изложеніе папскихъ отношеній къ славянскому языку и богослуженію, мы возобновляемъ мыслію всѣ

*) Mansi, XVIII, II; Baronii Annales, ad annum 880.

распоряженія и дѣйствія относительно этихъ нововведеній въ западномъ религіозномъ мірѣ, и — приходимъ къ тому общему заключенію, что, хотя папами и разрѣшаемо было богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но неохотно, неискренно, съ колебаніями, послѣ многихъ прекаканій и разсужденій, даже соборныхъ, съ затаенною въ душѣ непріязнію, и подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, непремѣнно благосклоннаго отношенія требовавшихъ, подъ страхомъ ущерба для власти и вліянія на сторонѣ и угрозою отпаденія цѣлыхъ областей; вслѣдствіе чего не разъ было пріостанавливаемо, покуда наконецъ однимъ ярымъ папою не было вовсе воспрещено и изгнано изъ области римскаго вѣдомства, вмѣстѣ съ достоблаженными его проводниками и дѣятелями.

VII.

Мы видѣли предъ симъ *одного* папу, который, тысячу лѣтъ тому назадъ, думая подорвать славянство и восточное православіе, въ настоящее время, за измѣненіемъ понятій и взглядовъ въ римской церкви, — какъ можно было понять изъ объявленной Стефаномъ VI-мъ опалы на славянство, сдѣлался свидѣтелемъ, благопріятнымъ для бывшей ненавистной ему стороны — славянской, и неблагопріятнымъ для бывшей предметомъ его вниманія и заботливости, латино-нѣмецкой, — свидѣтелемъ, въ противность западнымъ пропагандистамъ, которые настаиваютъ на всецѣлой преданности славянскихъ учителей римскому престолу и ученію, утверждающимъ противное, именно, что они не слѣдовали римскому ученію, а неуклонно держались того вѣрованія, какое принесено ими было съ Востока, и что римскіе папы терпѣли славянство только по необходимости, только по вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, а въ душѣ питали къ

нему ненависть. Это былъ единый, говоримъ, и единственный свидѣтель утверждаемаго нами факта, хотя важный тѣмъ, что идетъ отъ противной стороны. Теперь мы намѣрены выставить цѣлый сонмъ свидѣтелей, съ Востока и съ Запада, отъ греческой церкви и латинской, лицъ высокопоставленныхъ и съ той и съ другой стороны, изъ разныхъ племенъ и странъ, и разныхъ направленій и вѣрованій, которые всѣ единогласно утвердятъ вѣрность Первоучителей восточнымъ взглядамъ и преданность вообще Востоку, а чужденіе Запада и западныхъ началъ и вѣрованій, хотя и вращались въ странахъ Запада. Этотъ облакъ вѣрныхъ свидѣтелей представляется въ разсказѣ біографа Меѳодіева о послѣднемъ выдающемся актѣ его апостольской жизни— о его путешествіи, въ преклонныхъ лѣтахъ, въ родную Византію. Вотъ какъ жизнеописатель разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи греческой столицы: „Не до сего-же токмо ихъ (нѣмцевъ) злоба ста, но рѣша глаголюще, яко царь ся на нь гнѣваетъ, да аще обрящетъ, нѣсть емоу живота имѣти. Да и о томъ не хотя похоулити своего раба Богъ милостивый, вложи въ сердце царю, якоже есть присно въ роуцѣ Божіи цареи сердце, и посла книгы къ немоу: яко, отче честный, велми тебе желаю видѣти, то добро створи, троудися до насъ, да тя видимъ, дондеже еси на семъ свѣтѣ, и молитвоу твою пріимемъ. Абіе же шедшоу емоу тамо, пріатъ его царь сь великою честью и радостію, и оученіе его похвали, оудържа отъ оученикъ его попа и діякона съ книгами, всю же волю его сътвори, елико хотѣ, и не ослоушавъ ни при чесомъ же, облюбль и одаривъ вельми, проводи паки его славно до своего стола, такоже и патріархъ“.

Спрашиваемъ: отчего нѣмцамъ пришло въ голову пугать Меѳодія гнѣвомъ византійскаго императора? Отвѣтъ не

*

иный, какъ—что они не считали его усвоеннымъ Западу, но признавали принадлежащимъ къ греческой имперіи и подлежащимъ власти императора. Если это были и греки, какъ желательно Штульцу, вопреки прямому и ясному указанію въ Житіи на нѣмцевъ, то и здѣсь результатъ тотъ же, т. е. что хотя греки и видѣли Меѳодія архіерействующимъ подъ властію папы, но высшую и природную власть неотъемлемо признавали за императоромъ.—Отчего достопочтенный Старецъ, при такихъ запугиваніяхъ, смущался, и возрадовался, когда неожиданно получилъ отъ царя милостивое пригласительное письмо?—Да, по той-же, какая приведена предъ симъ, причинѣ, т. е. что Меѳодій считалъ византійскаго императора своимъ природнымъ государемъ и верховнымъ повелителемъ, имѣющимъ надъ нимъ право живота и смерти.—Какимъ образомъ императору могла придти мысль пригласить къ себѣ Старца, когда послѣдній уже болѣе 20 лѣтъ находился внѣ предѣловъ византійской имперіи и состоялъ подъ чужою властію, и духовною и свѣтскою?—Императоръ считалъ его греческимъ подданнымъ, на котораго возложена греческою властію обязанность содѣйствовать просвѣщенію нѣкоторыхъ темныхъ частей западнаго патріархата, съ довѣріемъ обратившихся къ Византіи, какъ источнику, откуда „исходитъ благъ законъ на вся страны“, съ просьбою дать имъ просвѣтителя.—Отчего императору угодно было разспросить объ ученіи пришедшаго съ Запада учителя и похвалить ученіе?—Оттого, что императоръ могъ заподозрить Меѳодія, не заразился-ли онъ тѣми уклоненіями отъ правой вѣры, которыя позволилъ себѣ сдѣлать Западъ и изъ за которыхъ произошла такая смута во вселенской церкви, и когда увидѣлъ, что онъ остался вѣренъ началамъ и вѣрованіямъ Во-

стока, да еще узналъ изъ бесѣдъ съ „честнымъ отцемъ“, какую борьбу надлежало ему выдержать съ разномыслящими нѣмцами и сколько пострадать ради истины восточнаго православія, тогда не только похвалилъ его ученіе, какъ совершенно православное, но и оказалъ ему великую честь, какъ непреклонному подвижнику вѣры и истины, и выразилъ особенную радость, видя предъ собою такого доблестнаго сына Востока.—Зачѣмъ изъ учениковъ Святителя оставилъ императоръ священника и діакона съ книгами?—Нашедши ихъ совершенно православными и знакомыми съ чиноположеніемъ греческой церкви, а книги, конечно, богослужебныя, вѣрно переведенными съ греческаго (императоръ былъ самъ славянинъ и единоземецъ Меѳодія, а слѣдовательно, славянскій языкъ понималъ), имѣлъ въ виду употребить и учениковъ и книги для священнослуженія въ какой нибудь изъ подвластныхъ славянскихъ странъ, которымъ, по своему славянскому происхожденію. имѣлъ особенное побужденіе благопріятствовать. Послѣ сего, спрашивать-ли, почему императоръ со всѣмъ удовольствіемъ исполнилъ все, чего желалъ Меѳодій, не отказалъ ни въ чемъ, выразилъ ему полнѣйшую свою любовь и царскую благосклонность, осыпалъ его дарами и отправилъ на мѣсто почтеннаго его служенія со всею честію и славою (славно)? Какъ такого великаго мужа, столпа правды и истины, неустрашимаго защитника восточнаго православія, нещаднаго обличителя западныхъ заблужденій и отступленій, истиннаго апостола христіанства, какъ такого мужа святыхъ и праведныхъ желаній не исполнить, какъ не возчувствовать любви, какъ не воздать всей чести и славы, какъ не осыпать такого дарами, которые завѣдомо употреблены будутъ на благо церкви и вообще на богоугодныя дѣла?.. Почему

и патріархъ (Фотій) принималъ участіе въ пріемѣ Меѳодія? Потому, что онъ участвовалъ и въ назначеніи Меѳодія, вмѣстѣ съ братомъ на учительство въ Моравіи, и въ настоящемъ случаѣ былъ самымъ вѣрнымъ судіею въ правотѣ ученія Меѳодіева на Западѣ.—Какимъ образомъ папа могъ отпустить Меѳодія въ Византію, которую считалъ непріязненною для себя и гдѣ на патріаршемъ престолѣ возсѣдалъ ненавистный всему Западу Фотій? Папа и самъ считалъ Меѳодія подданнымъ византійскаго императора и не считалъ себя вправѣ возбранить ему отправиться въ столицу имперіи и, по ученію Спасителя, „воздать кесарева кесареви“, и можетъ быть, судя по выявленнымъ нами доселѣ отношеніямъ папъ къ дѣлу первоучителей, и радъ былъ отдѣлаться отъ непріятнаго грека, рожномъ вошедшаго въ обособлявшуюся область Римскую, тѣмъ болѣе, что излюбленный папою Вихингъ могъ съ вожделѣніемъ заступить мѣсто отшедшаго Святителя.

Судя по всему, жизнеописатель Меѳодія, изложивъ жизнь его на Западѣ и дѣйствованіе подъ рукою римскаго первосвященника, хотѣлъ, подъ конецъ, устранить отъ читателя могущую явиться мысль, что Меѳодій совершенно отсталъ отъ Византіи, вполнѣ отдался Западу, признавъ надъ собою и надъ всею церковію верховную власть папы и, принялъ всѣ самовольныя отступленія отъ правой вѣры римской церкви. Въ удаленіе такой неправой мысли отъ читателя и въ предочищеніе Меѳодія отъ подозрѣнія въ измѣнѣ своей родной церкви, онъ съ нарочитою подробностію и разказываетъ о его путешествіи въ Византію и о сдѣланномъ ему и ученикамъ его любезномъ пріемѣ со стороны императора и патріарха, о одобреніи его ученія и книгъ, о подаркахъ, какими св. мужъ осыпанъ былъ отъ щедротъ

царскихъ, о сдѣланныхъ ему великолѣпныхъ проводахъ и проч. Такъ-то Византія, въ лицѣ Меѳодія, контролировала ученіе Запада и осуждала его въ томъ, что находила несогласнымъ съ правою вѣрою!

Что-же, послѣ этого, значатъ толки западныхъ ревнителей папства, утверждающихъ и распространяющихъ мысли, что Кириллъ и Меѳодій, по святости своего нрава, будучи не въ силахъ болѣе терпѣть всеобщее нестроеніе и искаженіе вѣры на своемъ Востокѣ, стремглавъ бросились къ папѣ, и безвозвратно предались его власти, что Константинополь они считали нечистымъ исходящемъ всевозможныхъ заблужденій, что Фотій въ ихъ глазахъ былъ отщепенцемъ отъ правой вѣры и безчестнымъ возмутителемъ церковнаго мира и согласія, что значатъ говоримъ, всѣ эти дерзкіе толки предъ свидѣтельствомъ біографа, утверждающаго, какъ мы видѣли, совсѣмъ противное, и притомъ такого, котораго всѣ западные писатели особенно цѣнятъ, какъ наиболѣе вѣрнаго и который самъ въ написанномъ „Житіи“ проявляетъ особенное уваженіе и расположенность къ римской церкви? Значитъ они не болѣе, какъ безсовѣстное сплетеніе лжи и обмана, сознательно расчитанное на уловленіе простыхъ душъ, въ видахъ, чтобы римско-католическіе славяне не склонились на сторону Востока, представителями котораго они были на Западѣ, а православные славяне, повѣривъ съ проста, что Первоучители, въ самомъ дѣлѣ, чтили папу, какъ верховнаго главу всей церкви, обратились бы подъ сѣнь папскаго престола. „Да будетъ стыдно“—упрекаемъ словами нашихъ предковъ—такимъ недобросовѣстнымъ и сознательно говорящимъ неправду писателямъ, въ особенности духовнаго чина, каковы—Рачкій, каноникъ, и Штульцъ, прелатъ!

VIII.

Такимъ образомъ, мы прошли пути жизни и дѣятельности обоихъ славянскихъ Апостоловъ—одного, Кирилла, краткій, но сіяющій дѣлами вѣковѣчными, другаго, Меѳодія, долгій, но усѣянный терніемъ и затрудненный разными бореніями и противностями,—прошли со всѣми испытанными ими перипетіями, и ни на томъ, ни на другомъ не замѣтили слѣдовъ отреченія отъ Востока и усвоенія себя Западу, съ принятіемъ всѣхъ его вѣрованій, порядковъ, правилъ. Но, по крайней мѣрѣ, фактъ кончины и погребенія обоихъ братьевъ: одного, Кирилла, въ самой столицѣ католичества, а другаго, Меѳодія, въ предѣлахъ области подчиненной въ церковномъ отношеніи Риму, казалось, долженъ былъ ихъ сдѣлать неотъемлемо принадлежащими Риму. Правда, папа въ своей Энцикликѣ кончины ихъ въ области римскаго вѣдомства не ставитъ въ ряду основаній для притязанія на ихъ принадлежность Риму, а говоритъ о ней въ порядкѣ разсказа о ихъ жизни, и о Кирилловой довольно пространно и почетно; но писатели—западные не преминули обратить и самую случайность кончины восточныхъ пришельцевъ въ предѣлахъ Запада въ подтвержденіе предвзятой ими мысли усвоить, какимъ-бы то ни-было образомъ, обоихъ, и въ жизни и въ смерти, Риму, и одинъ изъ нихъ, именно Штульцъ, такъ заключаетъ свое описаніе погребенія Кириллова: „Не служитъ-ли это очевиднымъ свидѣтельствомъ всему роду славянскому, гдѣ слѣдуетъ искать средоточія и свѣточи единства христіанскаго? Не составляетъ ли сокрытый въ Римѣ гробъ св. Кирилла напоминаніе на прекрасную молитву, которою умирающій св. Отецъ нашъ, въ послѣднія минуты жизни своей, просилъ еще Бога о соединеніи славянъ въ вѣрѣ“?

Присмотримся ближе къ обстоятельствамъ кончины и погребенія того и другаго, и не найдемъ-ли въ нихъ указаній на противное тому, что хочетъ видѣть въ нихъ заслоненный „бервномъ“ предубѣжденія глазъ католика.

Обстоятельства кончины и погребенія Кирилла:

1. Въ предчувствіи близкой кончины, какъ праведникъ, весело бесѣдуя съ близкими и знаемыми, Кириллъ, между прочимъ, сказалъ: „нѣтъ, не слуга я болѣе ни царю, ни другому кому на земли, но принадлежу одному только Богу“. Что значатъ слова: „не слуга я болѣе царю, ни другому кому на земли“? Они выражаютъ мысль Святаго, что онъ и на чужбинѣ не переставалъ обносить въ своей памяти византійскаго императора, какъ своего природнаго и верховнаго повелителя и что, исполняя свою святую миссію, онъ исполнялъ волю пославшаго его царя, а о папѣ, которому западники хотѣли бы подчинить всю дѣятельность восточнаго Пришельца, о папѣ, говоримъ, ни слова, какъ будто-бы онъ въ глазахъ его не имѣлъ никакого значенія и не состоялъ ни въ какомъ отношеніи къ его апостольской дѣятельности.

2. Въ предсмертной молитвѣ своей, Святый проситъ Бога, да погубитъ Онъ треязычную ересь. Видно, что хотя папа и предалъ проклятію это римское убѣжденіе въ богослужебномъ достоинствѣ только трехъ языковъ, но неискренно, безъ настоянія, какъ то можно заключить изъ образа дѣйствій послѣдовавшихъ папъ, позволявшихъ себѣ воспрещать употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи и требовавшихъ службы либо на латинскомъ, либо на греческомъ языкѣ, и треязычная ересь еще крѣпко держалась, какъ и доселѣ держится, въ умахъ послѣдователей римской церкви: Кириллъ предъ смертію проситъ Бога погубить это

зловредное, въ религіозномъ отношеніи, убѣжденіе. Вотъ другой фактъ въ обстановкѣ смерти Кирилла, указывающій на его самостоятельность въ примѣненіи началъ восточной церкви и на противленіе западнымъ убѣжденіямъ.

3. Блаженный Кириллъ въ предсмертныхъ своихъ бесѣдахъ какъ съ Братомъ, такъ и съ посторонними, естественно, долженствовавшихъ склоняться на обрядъ погребенія, ни полусловомъ не намекнулъ на образъ этого погребенія. Почему? Да потому, что между Братьями твердо извѣстенъ и неизмѣнно установленъ былъ этотъ способъ: мать взяла съ нихъ клятвенное обѣщаніе, что тотъ изъ нихъ, который переживетъ другаго, возьметъ тѣло умершаго и похоронитъ его въ своемъ монастырѣ. Что-же, согласно-ли волѣ и постоянно обносившейся мысли почившаго Кирилла, похороненъ онъ въ Римѣ? Отнюдь нѣтъ! Такой благочестивый мужъ, какъ проповѣдникъ благочестія, Кириллъ, съ ужасомъ бы отринулъ мысль—быть погребену въ иномъ мѣстѣ, а не въ томъ, въ какомъ желала возлюбленная и любящая мать, простиравшая свои попеченія до самой кончины своихъ благословенныхъ чадъ. Значитъ, Кириллъ погребенъ въ Римѣ совершенно въ противность его постоянной мысли и желанія, и только потому почіетъ въ чуждомъ нежеланномъ мѣстѣ, что почившіе вѣчнымъ сномъ не возстаютъ и—не ходятъ. Слѣдовательно, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія католикамъ притязать на принадлежность имъ останковъ Кирилла, такъ какъ они находятся тамъ вслѣдствіе насилія, учиненнаго противу негласной, но достовѣрно извѣстной и несомнѣнной мысли и желанія почившаго.

4. Это желаніе и выразилось уже гласно въ дѣйствіяхъ Меѳодія. Когда отправлена была служба надъ покойнымъ

братомъ, Меѳодій, во исполненіе данной матери клятвы, обращается къ папѣ съ просьбою, чтобы дозволено ему было перенести тѣло брата въ монастырь. Папа соглашается, но приказываетъ, вложивъ тѣло въ раку, забить ее крѣпко желѣзными гвоздями и держать въ такомъ видѣ цѣлые семь дней. Какой-же смыслъ распоряженія? Смыслъ тотъ, что папа, видя сильное желаніе и настойчивую просьбу Меѳодія, могъ заподозрить его въ возможномъ покушеніи тайно взять тѣло брата для положенія его въ указанномъ матерью мѣстѣ; а семь дней велѣлъ держать на мѣстѣ, въ тѣхъ видахъ, что авось за это время онъ измѣнитъ свое намѣреніе, самъ-ли по себѣ, или подъ вліяніемъ убѣжденія другихъ. И дѣйствительно, за это время, папа по убѣжденію епископовъ, отмѣняетъ данное имъ согласіе и изъявляетъ свою волю похоронить Кирилла въ церкви св. Петра въ собственномъ гробѣ. Меѳодій не въ состояніи противиться такому нравственному принужденію, соглашается, но только проситъ, чтобы, вмѣсто церкви св. Петра, почившій похороненъ былъ въ церкви св. Климента, мощи котораго онъ принесъ изъ Тавриды въ Римъ. Папа согласился, и—вотъ собрались всѣ епископы, всѣ чернецы и множество народа, чтобы съ торжествомъ похоронить великаго Мужа; но, вдругъ странный епизодъ:—продолжаемъ для точности разсказъ словами біографа—„рекоша епископи: отгвождьше раку, видимъ, аще есть цѣлъ, еда есть что взято отъ него, и труждьшеся много, не могоша отгвоздити ракы, по Божію повелѣнію, и тако со ракою възложиша и въ гробъ“. Что заставило епископовъ вскрывать раку, накрѣпко забитую гвоздями, чтобы посмотрѣть, тамъ ли тѣло покойнаго? Конечно, подозрѣніе, не похищено-ли оно,—и къ кому это подозрѣніе могло болѣе относиться,

какъ не къ Меѳодію, такъ сильно добивавшемуся перенесенія братняго тѣла въ родную страну? Выходитъ, что епископы не довѣряли ему и тогда, когда онъ, повидимому, изъявилъ полное согласіе на оставленіе тѣла въ Римѣ: значитъ такъ сильно было желаніе его исполнить волю матери и самого покойнаго брата. Но на этомъ не останавливается разсказъ о погребеніи Кирилла. Моравская легенда говоритъ, что Меѳодій, спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти и погребенія Брата, при вторичномъ своемъ путешествіи въ Римъ, снова просилъ папу дозволить ему взять тѣло его и отнести въ Моравію, такъ какъ тамъ въ чести содержали его память и благоговѣли предъ его святостію, но папа въ просьбѣ отказалъ, и—Меѳодій рѣшился унести тѣло Брата изъ церкви св. Климента тайно, ночью; но когда въ дорогѣ остановился съ нимъ въ одномъ прохладномъ мѣстѣ, для отдохновенія, тѣло за тѣмъ не могло быть сдвинуто; что тогда Меѳодій обратился къ Богу съ молитвою, да укажетъ ему, куда ему идти съ тѣломъ Святаго и что, будто-бы, тогда усопшій, поднявъ руку, указалъ на Римъ, куда онъ долженъ быть несенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это басня; но какой стороной она выдумана и пущена въ ходъ: римской или меѳодіевской? Безъ всякаго сомнѣнія, первой, потому что Римъ сознавалъ свою вину, учинивъ въ самовольномъ погребеніи Кирилла насиліе и и самому усопшему, постоянно обносившему мысль покоиться въ нѣдрѣ родной земли, и брату его, въ исполненіе той мысли, такъ настоятельно ходатайствовавшему въ Римѣ въ пользу перенесенія тѣла въ его, Меѳодія, обитель, Римъ, говоримъ, чувствовалъ свою вину и сознавалъ нечистоту своихъ дѣйствій, прикрывавшуюся великолѣпіемъ похоронной церемоніи, и—вотъ, въ очищеніе себя предъ судомъ

церкви, выдумалъ басню, что, если Кириллъ при жизни не успѣлъ выразить свою волю—покоиться по смерти въ Римѣ, за то, по кончинѣ мертвый, чудеснымъ образомъ, выразилъ свою волю, указавъ поднятіемъ руки на Римъ. Можетъ быть, въ то время басня эта и находила какую вѣру, но, въ настоящій просвѣщенный вѣкъ, она способна только произвести смѣхъ.

Такимъ образомъ въ фактѣ погребенія Кирилла въ Римѣ учинено Римомъ насиліе какъ самому почившему, такъ и гласному выразителю его воли, Меѳодію, и что останки пришедшаго съ востока Святаго обрѣтаются въ столицѣ Запада, нисколько не указываетъ на принадлежность тѣхъ останковъ Западу, точно такъ какъ все присвоенное насиліемъ, нравственнымъ ли то, или физическимъ, не составляетъ законной собственности пріобрѣвшаго такимъ способомъ.

5. Невольно бросается въ глаза и то обстоятельство, что папа пригласилъ на церемонію погребенія Кирилла и всѣхъ бывшихъ тогда въ Римѣ грековъ. Съ какого повода греки стали-бы отдавать честь такому соотчичу, который, по представленію и увѣренію западныхъ писателей, отпалъ отъ Византіи, какъ источника всевозможныхъ заблужденій, презрѣлъ императора, нравами и поступками своими будто-бы безчестившаго занимаемый имъ престолъ, и отвергъ, а пожалуй, и проклялъ Фотія, какъ виновника раскола церковнаго и всѣхъ происшедшихъ оттолѣ смутъ и препирательствъ? Да и какъ папѣ могло придти на мысль позвать на погребеніе грековъ, когда онъ долженъ былъ представлять ихъ въ непріязненномъ къ покойному отношеніи за отпаденіе его отъ Востока? То-то и есть, что папы того времени вовсе не смотрѣли на Кирилла и Меѳодія, какъ смотрятъ

нынѣшніе защитники папскаго всевластія, не видѣли въ нихъ людей измѣнившихъ, вмѣстѣ съ приходомъ въ область римскаго вѣдѣнія, своимъ восточнымъ вѣрованіямъ и отдавшихъ себя во всемъ Западу, а видѣли и отличали въ нихъ самостоятельныхъ сыновъ Востока, истыхъ византійцевъ, пришедшихъ, по приглашенію князей, оказать содѣйствіе въ христіанскомъ просвѣщеніи нѣкоторыхъ, родственныхъ по языку, областей Запада. Почему не только не странно, но и все приличіе требовало—случившихся въ то время грековъ пригласить на погребеніе ихъ, *единовѣрнаго* и единоплеменнаго, собрата, вѣчныя славы достойнаго Апостола Славянъ.

6. Послѣдняя точка опоры, которою, съ полною благонадежностію, нѣкоторое время, пользовались католическіе писатели для того, чтобы кончину Кирилла обратить въ доказательство преданности его Западу, заключалась въ свидѣтельствѣ паннонскаго Житія, по рыльскому списку, конца XV вѣка (напечатаннаго въ „Памятникахъ древней письменности югославянской“ Шафарикомъ), выраженномъ въ слѣдующихъ словахъ: „и рече апостолікъ (когда епископы убѣждали его, папу, не отдавать тѣла Кириллова Меѳодію): за святыню его и *любовь въ римскыи обычаи*, пришьдь погребу и въ моемъ гробѣ“. Католики крѣпко было ухватились за это благопріятное для нихъ выраженіе: „*за любовь въ римскыи обычаи*, которое и, дѣйствительно, имѣло бы большую силу подъ перомъ сочинителя Житія, бывшаго ученика Кириллова, и слѣд. непосредственнаго свидѣтеля всѣхъ его дѣяній и отношеній. Но, за напечатаніемъ, покойнымъ Бодянскимъ, въ редактированныхъ имъ“ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ, 1863 г., кн. 2; отд. III, паннонскаго Житія въ семи спис-

кахъ, въ которыхъ всѣхъ, вмѣсто выраженія: за любовь въ римскыи обычаи, стоятъ слова: „рече же апостоликъ: то за святыню его и любовь, *римскыи обычаи прѣступль* (прѣщдь), погребу и въ моемъ гробѣ“, и такимъ образомъ, передъ семью согласными свидѣтелями свидѣтельство запоздалаго рыльскаго списка падаетъ и теряетъ всякое значеніе.

Изъ всѣхъ указанныхъ нами обстоятельствъ кончины Кирилла явствуетъ, что останки Кирилла принадлежатъ Риму только физически, т. е. тѣмъ, что они тамъ занимаютъ мѣсто, но нравственно и юридически, что одно и имѣетъ значеніе,—Востоку, въ которомъ и онъ самъ, и святый Братъ, и благочестивая мать желали покоиться его труженическому тѣлу.

Конечно всѣ эти усилія, вся эта настойчивость Рима удержать останки Святаго у себя, клонились къ тому, чтобы, сохраняя ихъ въ своихъ предѣлахъ, напоминать славянамъ, что первоначальникъ ихъ вѣры и просвѣщенія находится въ обладаніи папъ и чрезъ то привлекать ихъ въ католичество. Но сохранили-ли папы этотъ священный залогъ всего славянства, эти проникнутые благоуханіемъ святости останки избраннаго сосуда Божіей благодати? Увы! при этомъ вопросѣ наше православное сердце невольно стѣсняется недовѣріемъ къ должному вниманію папъ и предчувствуетъ что-то недоброе. Отчего это папа, широко распространяясь въ своей Энцикликѣ о той чести, какая воздана была Римомъ Кириллу при его погребеніи, нисколько не намекаетъ на то, что мощи его доселѣ свято сохраняются въ церкви св. Климента, что̀ составляло-бы высшую славу богоугодившаго праведника и чѣмъ такъ легко и такъ кстати завершался-бы краснорѣчивый разсказъ папы о погребеніи,

въ родѣ, напр. слѣдующихъ словъ: cujus (Cyrilli) cineres или reliquiae hucusque religiose asservantur prope cineres s. Clementis? Отчего это Чехамъ, особенно внимательнымъ къ чести Первоучителей, — предварительно празднества, установленнаго теперешнимъ папою въ честь Кирилла и Меѳодія, пришло на мысль просить у папы дозволенія порыться въ катакомбахъ (подвалахъ) церкви св. Климента, не обрящутся-ли тамъ драгоцѣнные останки великаго Просвѣтителя Славянъ? Отчего это во всѣхъ самыхъ подробныхъ описаніяхъ бывшаго въ этомъ году. въ Римѣ, перваго празднества въ честь Апостоловъ славянскихъ, ни словомъ не упоминается о поклоненіи или цѣлованіи мощей или раки формально канонизованнаго Кирилла, что, повидимому, составляло-бы самое естественное и между вѣрующими общепринятое выраженіе почтенія къ Святому? Боже мой! Не приходимъ-ли мы къ открытію страшной и и позорной тайны, что святыя мощи Кирилла или уничтожены и не существуютъ болѣе, или лежатъ въ пренебреженіи въ какомъ—нибудь грязномъ углу церковнаго подвала. Мы знаемъ, что при императорѣ Карлѣ IV. извѣстномъ по изданію золотой буллы († 1378 г.), онѣ существовали, потому что извѣстно. какъ, по ходатайству его. отдѣлена была тогдашнимъ папою отъ мощей св. Кирилла десница для бенедиктинскаго монастыря. основаннаго въ Прагѣ (чешской) въ честь Первоучителей славянскихъ, гдѣ и доселѣ свято сохраняется. Но гдѣ теперь священные останки небеснаго человѣка обрѣтаются, Богъ вѣсть. *Священная* Курія! повѣдай славянскому міру, на всемъ пространствѣ своемъ, одинаково чтущему память Кирилла, гдѣ теперь находятся останки безсмертнаго Мужа, и—славянскій міръ, обѣими половинами своими— и православно—восточною

и римско-католическою—дружно изнесетъ ихъ изъ мрака забвенія со всею торжественностію и честію,—изнесетъ, но не для того, чтобы оставлять ихъ и далѣе въ Римѣ, гдѣ они, находясь въ средѣ чуждаго романскаго племени, не могутъ пользоваться никакимъ вниманіемъ и не возбуждаютъ никакихъ священныхъ воспоминаній, но для того, чтобы водворить ихъ или въ Прагѣ, гдѣ съ давнихъ поръ съ особеннымъ усердіемъ чествуется ихъ память и гдѣ во ихъ имя существуютъ и храмъ и монастырь, или въ Велеградѣ, куда ежегодно совершаются, въ большомъ количествѣ богомольцевъ, паломническія путешествія для выслушанія составленныхъ въ честь святыхъ Учителей службъ, или—милости просимъ—у насъ, въ благоухающемъ святынею Кіевѣ, или въ православной Москвѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ папа въ своей Энцикликѣ выставляетъ эти два мѣста ознаменованными посѣщеніемъ и апостольскимъ распоряженіемъ Кирилла: inde (ex Gallaecia) in Moscoviam proprii nominis digressus, thronum pontificale Kiowense constituit. Въ радости отъ обладанія такимъ духовнымъ сокровищемъ, славяне поспѣшатъ соорудить своему Первоучителю великолѣпную раку изъ серебра своихъ земель и руками своихъ даровитыхъ Веселіиловъ накроютъ ее златотканными покровами и возжгутъ тысячи неугасимыхъ свѣчей и лампадъ. Сыны православной церкви, на гласъ ученика его, Климента, епископа болгарскаго *), жаждутъ лобызать и уста своего Учителя, изъ которыхъ „истекла духовная сладость цѣлымъ странамъ“, и „пречестныя руцѣ его, которыми написана

*) См. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ Погодина, 1865 г. Москва, стр. 309 и сл. и сдѣланное изъ „Похвалы Кириллу“ Климента г. Платоновымъ извлеченіе въ его «Жизнь и подвиги Кир. и Мео.», Харьковъ. 1862 г. стр. 53.

была утаенная отъ многобожія премудрость и открыты богоразумныя тайны," и „богодвижные персты, которыми сложены и начертаны были славянскія письмена, послужившія началомъ просвѣщенія цѣлыхъ странъ", и „свѣтозарныя нозѣ, которыми, какъ солнце, обтекъ весь славянскій міръ, просвѣщая его богодохновеннымъ ученіемъ,—а въ настоящее время, за сокровенностію всего состава тѣлеснаго на дальномъ иновѣрномъ Западѣ, довольствуются цѣлованіемъ и единаго перста. хранимаго, какъ святыня; въ московскомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Да и какимъ образомъ держать подъ спудомъ такій сосудъ, изъ котораго. по положеніи его во гробъ, по свидѣтельству жизнеописателя. истекли многія чудесныя исцѣленія, и который, конечно, и нынѣ неоскудно проливалъ бы потребныя благотворенія для прибѣгающихъ съ вѣрою къ небесной помощи Святаго. И въ умственномъ отношеніи, св. Кириллъ былъ-бы усерднымъ помощникомъ въ ученіи для всего славянскаго рода, къ которому, какъ къ небесному ходатаю предъ престоломъ Божіимъ. могли бы благонадежно обращаться благочестивые родители съ молитвою о помощи при отдачѣ дѣтей въ ученіе, при медленномъ развитіи умственныхъ силъ, при слабыхъ успѣхахъ въ преподаваемыхъ наукахъ, и проч. такъ какъ св. Угодникъ Божій былъ и самъ другъ науки, по обширной учености своей заслужившій на землѣ имя философа, и самъ знакомъ былъ съ трудностями ученія, и лично училъ дѣтей изобрѣтенной имъ грамотѣ, и вообще весь славянскій міръ просвѣщалъ своимъ ученіемъ. Вѣдь, мы, славяне какъ православной, такъ и католической половины, одинаково вѣруемъ въ небесную помощь святыхъ угодниковъ Божіихъ и въ благотворныя дѣйствія, исходящія отъ ихъ прославленныхъ нетлѣніемъ тѣлесъ. Но суетны

наши желанія, напрасны взыванія! Они не могутъ осуществиться, потому что противны папской политикѣ, направленной, по указанію Австро-Венгріи, къ раздѣленію славянъ, дабы они, сблизившись, не образовали изъ себя могучей политической силы, а у раки преподобнаго, при поклоненіи, сойдутся и сблизятся и славянинъ изъ Кіева или изъ Москвы, и славянинъ изъ Софіи или Тырнова, и славянинъ изъ Праги, и славянинъ изъ Моравіи, Хорватіи, Босніи, Герцоговины и проч.,—сойдутся, подадутъ другъ другу руки и составятъ одинъ всеславянскій союзъ, такимъ тяжелымъ кошмаромъ давящій европейскую политику. Такимъ-то образомъ скрытное неблаговоленіе папъ къ дѣлу Кирилла при жизни продолжаетъ существовать къ его лицу и по кончинѣ. О Ватиканъ! О папство! доколѣ вы будете оскорблять святую вѣру Христову земными, нечистыми, своекорыстными видами и стремленіями?...

Обстоятельства кончины Меѳодія.

Кончина Меѳодія изображена въ двухъ разноязычныхъ, но одновременныхъ памятникахъ: въ греческомъ житіи Климента, епископа Болгарскаго, и въ Паннонскомъ житіи Меѳодія. По первому—святый Подвижникъ вѣры и благочестія, изнемогши подъ тягостію трудовъ, скорбей, бореній и гоненій, какія ему надобно было вынести по дѣлу своего апостольскаго служенія, и почувствовавъ, что приближается конецъ его многотруднаго поприща, созвалъ учениковъ своихъ, и утверждая ихъ на томъ пути, по которому велъ ихъ, такъ говорилъ имъ въ прощальной своей бесѣдѣ: „Возлюбленные мои! вы знаете силу еретиковъ и какъ они, искажая слово Божіе, стараются всячески привить къ другимъ ученіе превратное и нечистое, принимая и употребляя въ пособіе два средства: убѣжденіе и строгость,

первое для людей болѣе простыхъ, другое для боязливыхъ; но въ сохраненіи вашихъ душъ неприкосновенными отъ того и другаго я увѣренъ, потому что вы основаны на камнѣ апостольскаго исповѣданія и ученія, на которомъ созданной церкви и врата адова не одолѣютъ. Но... подкрѣпляйте прочихъ хранить залогъ, который мы получили отъ апостоловъ и отъ отцевъ и который они потребуютъ отъ насъ въ день воздаянія... *блюдите, како опасно ходите, не яко же немудри, но яко же премудри* (Ефес. V, 15), и со всею осмотрительностію старайтесь сохранить сердца ваши и братій вашихъ, *яко посредѣ сѣтей минуете и по забраломъ града ходити будете* (Сирах. IX, 15); ибо *по смерти моей внидутъ волци тяжци въ васъ не щадящіе стада* (Дѣян. XX, 20), чтобы увлечь народъ вслѣдъ за собою. Вы имъ противустаньте твердые вѣрою...*) Противу какихъ это еретиковъ Меѳодій, приближаясь къ послѣднему часу, подобно апостолу Павлу, предостерегалъ своихъ учениковъ, которые (еретики), искажая слово Божіе, старались всячески привить другимъ свое какое-то превратное и нечистое ученіе, употребляя для того и убѣжденіе и строгость? Что это за тяжкіе волки, не щадящіе стада, которые — опасается заботливый учитель — должны войти въ среду ихъ и увлечь ихъ въ свои дебри? Что это за залогъ, полученный отъ апостоловъ и отцевъ, который ученики его должны тщательно охранять въ умахъ вѣрующихъ? Ересь эта, какъ всякому легко догадаться, есть іопаторское, нововведенное въ римскомъ патріархатѣ, ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, которое римско-нѣмецкіе священники навязывали и внушали вѣрующимъ,

*) См. Житіе Климента, съ русскимъ переводомъ проф. Меньщикова. Москва. 1851, in folio magnifico, отд. VII.

ибо, въ это время, въ Римѣ никакой другой ереси не существовало, противу которой надобно-бы было принимать мѣры предосторожности. Волки тяжкіе, расхищающіе и разгоняющіе—это, обладающіе властію, папы и епископы, каковы напр. буйный папа Стефанъ VI-й и епископы: коварный Вихингъ, и злобствовавшіе на Меѳодія и его славянское дѣло, пасавскіе и зальцбургскіе Адальвины и Дитмары, которые нанесли рѣшительный ударъ славянству и восточному православію на Западѣ и разсѣяли все вѣрное стадо добраго пастыря Христова. Святый залогъ, который онъ поручилъ своимъ ученикамъ бдительно охранять въ душахъ его пасомыхъ, есть не-испорченное православіе, какъ оно предано святыми Апостолами и Отцами соборовъ, въ какомъ онъ неуклонно наставлялъ своихъ духовныхъ чадъ.

Гдѣ-же тутъ согласіе Меѳодія съ ученіемъ римскимъ и неограниченное уваженіе папскаго достоинства, какъ того желаютъ западные слависты, когда онъ внѣ своей паствы видѣлъ распространенную ересь, отъ зараженія которой и нашелъ нужнымъ предохранить своихъ послѣдователей? Не сомнѣваемся, что адепты Запада встрѣтятъ насъ здѣсь давно готовымъ у нихъ возраженіемъ, что жизнеописатель Климента весь проникнутъ схизматизмомъ и что свидѣтельство его не заслуживаетъ довѣрія, какъ пристрастное. Не входя, по характеру нашего труда, въ защиту достовѣрности Климентова жизнеописанія, мы обратимся къ другому документу, который заслужилъ у Западныхъ полнѣйшее довѣріе, именно, къ паннонскому Житію Меѳодія, имѣющему въ подкладкѣ расположенность сочинителя къ Западу, и посмотримъ, не дастъ-ли и оно намъ указаній, вторящихъ свидѣтельству Климентова Житія.

Паннонское Житіе въ такомъ видѣ передаетъ намъ предсмертныя распоряженія Меѳодія: „Кого чюеши, отче и оучителю честный, въ оученицѣхъ своихъ, спрашивали Меѳодія, ученики его, дабы *отъ ученія Твоего* тебѣ наставникъ былъ? Показа-же имъ единаго отъ извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемаго Гораздала, глаголя: сеи есть вашея земля, свободь моужъ, наоученъ добрѣ въ латынскія книгы, *правовѣренъ*, то боуди Божіа воля и ваша любы. якоже и моя. Съ бравшемъ-же ся имъ въ цвѣтную недѣлю всѣмъ людемъ, вшедъ въ церковь и немоги, *казавъ благодѣти* (feliciter agere, vivere) *царя и князя и клирики и люди вся* (т. е. высказавъ желаніе, пожелавъ счастія, благополучія царю и т. д.), и рече: стрезете мене дѣти до третіаго дне“.

Что значитъ выраженіе: *отъ ученія твоего?* Развѣ у Меѳодія было особенное ученіе, и было другое ученіе, съ которымъ оно не сходствовало и отъ котораго оно по духу своему отличалось? Такой вопросъ невольно возникаетъ изъ употребленнаго учениками выраженія, и отвѣтъ на него не иный можетъ быть, какъ тотъ, что у Меѳодія, дѣйствительно, было другое, особенное ученіе, собственно *его* ученіе. Это—ученіе православное, принесенное имъ съ Востока, котораго онъ и самъ держался и которое съ вѣрностію передавалъ и ученикамъ своимъ, какъ единое истинное и согласное съ канонами вселенской церкви. Главнѣйшіе пункты его заключались въ слѣдующемъ: 1. Что папа не есть верховный глава и высшій непогрѣшимый судія вселенской церкви; 2. Что правильное и согласное съ апостольскими и соборными постановленіями ученіе объ исхожденіи Святаго Духа есть произвожденіе его отъ единаго Отца и 3. Что честь воздаваe-

мая Господу Богу на всякомъ языкѣ пріятна ему есть. Другое-же ученіе—римское, западное—провозглашало и внушало противное, именно что папа есть верховный властитель и судія непогрѣшимый всей церкви, что Духъ Святый исходитъ не отъ одного Отца, а и отъ Сына, и что богослуженіе можетъ быть допускаемо только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ.

Послѣ сего, понятно и выставляемое Меѳодіемъ въ Гораздѣ качество *правовѣрія*. Онъ выражалъ тѣмъ ту мысль, что Гораздъ не раздѣлялъ заблужденій и самовольныхъ уклоненій Запада отъ вселенской нормы вѣры, но что онъ строго держался восточнаго православія. Само собою разумѣется, что если Меѳодій признавалъ его правовѣрнымъ, то признавалъ не по отношенію къ прочимъ своимъ ученикамъ, между которыми не могло быть не правовѣрныхъ, потому что Меѳодій не потерпѣлъ-бы таковыхъ въ своемъ обществѣ, но по отношенію къ другимъ исповѣдающимъ вѣру Христову, которые въ мысли Меѳодія, такимъ образомъ, и выдѣлялись подъ категорію не правовѣрующихъ, т. е. ко всѣмъ членамъ Западной церкви.

Наконецъ, останавливаемъ наше вниманіе на томъ обстоятельствѣ, что Меѳодій, предъ смертію, въ виду разверзстой вѣчности, когда всякій, освобождаясь отъ земныхъ отношеній, свободно и открыто высказываетъ свои мысли, желаетъ счастія царю (разумѣется, греческому, князю, разумѣется, моравскому), клирикамъ и всѣмъ людямъ, а о папѣ ни полслова, какъ будто его вовсе нѣтъ на свѣтѣ. Что за странное и непонятное явленіе въ человѣкѣ, такъ высоко стоявшемъ и умственно и нравственно? Да, пускай бы только одинъ Меѳодій былъ такъ невнимателенъ къ папѣ, а то и Кириллъ, какъ припомнимъ, тоже предъ смертію

не упомянулъ ни словомъ о папѣ, тогда какъ папа, какъ представитель высшей духовной власти на Западѣ, со времени перваго призыва ихъ въ Римъ, находился съ ними въ самыхъ близкихъ церковно-административныхъ отношеніяхъ. Чѣмъ объяснить такую аномалію въ предсмертномъ обнаруженіи себя обоими Братьями? Забывчивостію біографовъ? Но какимъ образомъ они могли забыть о папѣ, когда, по ихъ-же писаніямъ, папы играли самую вліятельную и бросающуюся въ глаза роль въ дѣятельности Братьевъ на Западѣ? Въ особенности-же можно сдѣлать этотъ вопросъ относительно составителя Житія Меѳодіева, который не въ одномъ мѣстѣ своего писанія даетъ замѣтить читателю особенное уваженіе къ римскому престолу и его первосвященнику. Пропускомъ писца? Но какимъ образомъ пропускъ могъ сдѣлаться въ обоихъ „Житіяхъ“, и притомъ когда и у писцовъ, при исполненіи писанія, если только они сколько нибудь разумѣли пишемое ими, главно и неотступно должна была предноситься мысль о папѣ, по поводу частыхъ его отношеній къ пришедшимъ съ Востока Учителямъ. Болѣе ничѣмъ объяснить нельзя, какъ тѣмъ, что свв. Проповѣдники не только представляли папъ чуждыми себя и своего дѣла, но и видѣли въ нихъ злыхъ враговъ своей миссіи и, сквозь наружную честь и льстивое вниманіе, прозирали въ сокровенныя душевныя ихъ чувства, и усматривали въ нихъ всю непріязнь и нерасположенность къ славянству и къ вошедшему въ ихъ область чуждому греческому элементу, и потому признали за лучшее, передъ свѣтомъ и потомствомъ, благодушно покрыть все тайною молчанія.

Гдѣ нѣтъ предмета для похвалъ,
Тамъ скажемъ все молчаньемъ.

Карамзинъ.

За симъ невольно рвется подъ перо вопросъ негодованія: съ чего-же взяли утверждать западные поклонники папской власти и защитники главенства римской церкви, что Кириллъ и Меѳодій всецѣло отдали себя папамъ, какъ единственнымъ вѣрнымъ руководителямъ, благоговѣли предъ ними, какъ верховными главами всей церкви и чтили въ нихъ намѣстниковъ Христовыхъ, и—невольно вырывается упрекъ въ недобросовѣстности и въ прямой лжи, расчитанной на удержаніе католиковъ въ католичествѣ, а православныхъ на привлеченіе въ него.

IX.

Окончивъ симъ все, что мы признали нужнымъ сказать въ отвѣтъ на „Энциклику“, мы возвращаемся мыслію ко всему изложенному и приходимъ къ вытекающимъ изъ того, слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Что апостольская миссія и дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія вовсе не обусловливались и не опредѣлялись волею и вліяніемъ папъ, какъ того желаетъ „Энциклика“, но, получивъ начало въ Византіи отъ повелѣнія императора и благословенія собора, при главномъ участіи патріарха Фотія, вслѣдствіе просьбы со стороны славянскихъ князей, въ послѣдствіи и въ предѣлахъ римскаго патріархата, въ Моравіи, развивались свободно и независимо отъ римскаго первосвященника, въ продолженіи четырехъ съ половиною лѣтъ, а за тѣмъ, когда Меѳодій, по кончинѣ Брата остался единственнымъ дѣятелемъ на поприщѣ учительства, онъ самостоятельно проводилъ взгляды восточнаго православія въ своемъ ученіи и въ своей практикѣ.

2. Если Первоучители и давали отчетъ въ своей учительной дѣятельности и приносили оправданіе въ разныхъ взво-

дившихся на нихъ клеветахъ и обвиненіяхъ предъ лицемъ папъ, то это вовсе не означало. съ ихъ стороны, предапія себя въ безусловную и постоянную подчиненность папѣ. какъ того желаетъ „Энциклика“ и предтечи ея, западные ученые слависты. а было только необходимое въ порядкѣ каноническомъ. случайное и временное подчиненіе себя высшей мѣстной власти, по поводу нахожденія въ предѣлахъ чужаго патріархата.

3. Если Первоучители и давали предъ папою клятву въ правомъ и неуклонномъ исповѣданіи вѣры, то давали ее отнюдь не въ смыслѣ признанія всѣхъ самовольныхъ уклоненій Запада отъ правоты вѣры, но въ смыслѣ строгаго содержанія вѣры. какъ она установлена святыми Апостолами, Отцами церкви и семью вселенскими соборами. и какъ исповѣдывала и доселѣ исповѣдуетъ святая православная восточная церковь, въ особенности въ ученіи объ исхожденіи Святаго Духа.

4. Что святые Учители, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, просвѣщеніе славянскихъ народовъ, и сами не домогались у римскаго первосвященника высшихъ духовныхъ почестей, но и папы, вопреки увѣреніямъ западныхъ, далеко не были податливы на счетъ іерархическаго возвышенія чуждыхъ пришельцевъ. такъ что Кириллъ скончался въ званіи священно-инока, а Меѳодій въ этомъ-же званіи отправленъ былъ въ Паннонію на учительство, покуда оскорбленный князь, отправивъ его назадъ, не потребовалъ отъ папы прислать его въ заслуженномъ санѣ епископа; точно такъ. какъ. впослѣдствіи, почтенъ былъ саномъ архіепископа по желанію Святополка, достигшаго великаго могущества, вслѣдствіе побѣды надъ нѣмцами.

5. Что введеніе и освященіе славянскаго языка для

церковнаго употребленія совершено еще на Востокѣ, какъ изобрѣтеніемъ славянскихъ письменъ, такъ и соборнымъ одобреніемъ ихъ для богослуженія, а папѣ принадлежитъ только разрѣшеніе, или скорѣе, ограниченіе употребленія ихъ въ церковномъ богослуженіи только въ той части его патріархата, которую свв. Учители успѣли своею проповѣдію подчинить своему вліянію.

6. Что путешествіе Меѳодія въ Римъ и обстоятельства самой кончины обоихъ Братьевъ представляютъ самыя ясныя и неопровержимыя указанія, что Кириллъ и Меѳодій вовсе не считали себя, не говорю, преданнѣйшими, какъ, на томъ настаиваютъ западные, а какими либо сынами западной церкви, и беззавѣтными слугами папы, но оставались постояннѣйшими почитателями и приверженцами православнаго Востока и вѣрноподданными византійскаго императора.

7. Что папы только по неволѣ терпѣли въ предѣлахъ своей области византійскихъ Пришельцевъ, и если что и дѣлали имъ въ угоду, то только вынуждаемые силою внѣшнихъ обстоятельствъ, а въ душѣ готовы были и изгнать непріятныхъ пришельцевъ, и ихъ греко-славянское дѣло задушить, какъ неистовый Стефанъ VI-й и сдѣлалъ, издавъ буллу, которою и архіепископа Меѳодія удалялъ отъ занимаемой имъ каѳедры, и славянскую службу запрещалъ, и учениковъ его изъ предѣловъ Моравіи изгонялъ. Въ заключеніе, поставимъ на видъ,

8. Что новѣйшіе Западные писатели о Кириллѣ и Меѳодіи, каковы прелатъ Штульцъ, каноникъ Рачкій, Гинцель, Билый и, въ послѣднее время, по духу своего, „пастырскаго посланія“, присоединившійся къ нимъ почтен-

ный епископъ дьяковирскій Штроссмайеръ *), — задавшись съ почина и указанія Копитара, новою и неслыханною дотолѣ мыслію, во что бы то ни стало, пріурочить Первоучителей къ Западу и усвоить ихъ, какъ преданнѣйшихъ сыновъ, папѣ, въ изслѣдованіяхъ своихъ о ихъ жизни и апостольской дѣятельности, для подтвержденія своихъ тенденціозныхъ мыслей, прибѣгаютъ къ самому насиль-

*) Когда мы съ нашимъ сочиненіемъ приходили къ концу, случайно попался намъ № 99-й австрійской газеты «Vaterland», этого года, въ „Приложеніи“ къ которому и помѣщено, въ извлеченіи „Пастырское Посланіе Штроссмайера“, написанное первоначально, на кроатскомъ языкѣ, въ развитіе и уясненіе папской буллы о чествованіи памяти свв. Кирилла и Меѳодія,—и вотъ что въ одномъ мѣстѣ своего „Посланія“ говоритъ почтенный епископъ: wir freuten uns alle aus vollem Herzen, als wir vernahmen, das die Weisheit und die Güte des Papstes Leo XIII. unsere Apostel auf eine höhere Stufe in der Kirche Gottes emporhob; wenn sich dies nur so verhält, ist es dann möglich, dass wir nicht auch anerkennen, dass unsere Apostel stets die treuesten Anhänger des romischen Stuhles waren, dass sie bei demselben stets und in allen Gefahren ihren Schutz und Schirm fanden; dass sie durch ihr ganzes Leben and apostolisches Wirken nur das eine Ziel verfolgten: alle Slaven in der heiligen und untrennbaren Verbindung mit der römischen Kirche und ihrem Oberhaupte zu erhalten und zu bewahren. По русски это значитъ: «Мы всѣ обрадовались всѣмъ сердцемъ, когда услышали, что мудрость и благость папы Льва XIII возвела нашихъ Апостоловъ на высшую степень въ церкви Божіей (слава—Богу, догадались черезъ тысячу лѣтъ формально почтить имя Первоучителей!!). А если дѣло обстоитъ такъ, то возможно-ли и намъ не признать, что наши Апостолы были постоянно вѣрнѣйшими приверженцами папскаго престола (???); что они у него (престола) всегда и во всѣхъ опасностяхъ находили прибѣжище и защиту (???); что они, въ продолженіе всей своей жизни и апостольской дѣятельности, преслѣдовали только одну цѣль—удержать и сохранить всѣхъ славянъ въ святомъ и неразрывномъ союзѣ съ римскою церковію и ея верховнымъ главою (!!!)». Можетъ-же сгородить такую чушь почтенный и просвѣщенный католическій епископъ! До того ослѣпляетъ ихъ фанатическая преданность интересамъ папы и стремленіе къ преобладанію римской церкви!

ственному искаженію фактовъ и являются истинными Прокрустами литературными, обсѣкая и растягивая историческія данныя подъ мѣрку своихъ замысловъ, и потому должны быть читаемы съ осторожностію, cum grano salis, и не иначе, какъ по ознакомленіи съ первоначальными „Житіями“ Святыхъ, дабы можно было безошибочно судить о вѣрности взглядовъ и выводовъ тѣхъ пристрастныхъ писателей.

X.

Послѣ всего нами изложеннаго—и изложеннаго, какъ самъ могъ видѣть читатель, что называется, не съ вѣтра, но на основаніи неоспоримыхъ данныхъ—обращаемся къ вамъ, любезные братья Славяне—католики, какой смыслъ имѣло совершенное вами въ нынѣшнемъ году, въ Римѣ, въ честь свв. Кирилла и Меѳодія, празднество. Вы совершили свое празднество предъ лицемъ вашего первосвященника, имѣя въ виду, вмѣстѣ съ тѣмъ воздати ему и благодарность за каноническое прославленіе имени святыхъ Апостоловъ славянскихъ. Но заслуживалъ-ли такой чести и благодарности вашъ священно-начальникъ,—преемникъ и наслѣдователь духа тѣхъ папъ *), которые оказывали

*) Тотъ-же славянскій дьяковарскій епископъ въ другомъ мѣстѣ своего „Посланія“ пишетъ такимъ образомъ: Mir dünkt, als hörte ich schon die Stunde schlagen, die der Allmächtige sich selbst vorbehalten; wir sind bereits im Erwachen, und auf dem Stuhle thront ein zweiter Nicolaus I., nähmlich Leo XIII, der uns anfrichtig liebt und vertheidigt und der die Bedeutung der slavischen Frage vollkommen begreift, wie dies eben jede Zeile seiner bekannten Encyclica beveiste. По-русски это значитъ: „Мнѣ кажется, что я уже слышу, пробилъ тотъ часъ, который Всемогущій предоставилъ себѣ самому; мы уже—въ пробужденіи, и на престолѣ папскомъ возсѣдаетъ вторый Николай I. т. е. Левъ XIII, который насъ искренно любитъ и защищаетъ, и который вполнѣ пони-

вниманіе и поддержку дѣлу Первоучителей только наружно и видимо, подъ напоромъ силы внѣшнихъ обстоятельствъ, а въ душѣ питали нерасположеніе и ненависть къ славянству, которыя, проявляясь первоначально въ формѣ колебаній и нерѣшительныхъ прикровенныхъ полумѣръ, наконецъ, проразились въ бѣшеной буллѣ Стефана VI-го, имѣвшей послѣдствіемъ прекращеніе славянскаго дѣла и позорное изгнаніе служителей его и учениковъ св. Меѳодія, достойно чтимыхъ нами подъ именемъ седьмочисленниковъ, и которыя не переставали, подъ разными формами, проявляться до послѣдняго времени. И самая теперешняя булла папы Льва XIII. которая такъ обрадовала васъ, есть невольный результатъ современнаго великаго оборота въ политическихъ дѣлахъ европейскаго Востока. Объяснимся ближе. Не можете и вы не признать, что православная сторона славянскаго міра, движимая чувствомъ состраданія къ угнетенному соплеменнику и единовѣрцу, въ послѣднюю войну совершила великій, безпримѣрный подвигъ христіанскаго самопожертвованія, принесши въ жертву любви къ братьямъ—славянамъ и тысячи дорогихъ молодыхъ жизней, и милліоны вещественныхъ средствъ, и—безкорыстно,

---

маетъ значеніе славянскаго вопроса, какъ это именно доказываетъ каждая строка извѣстной Энциклики". Боже мой! неужели на папскомъ престолѣ сидитъ Николай I-й? Тотъ самый, что своею гордой притязательностью, опираясь на лже-исидоровскія декреталіи, хотѣлъ подчинить своей власти и своему суду всю христіанскую церковь, который навлекъ на себя проклятіе отъ христіанскаго міра за положеніе начала злополучному раздѣленію церкви и который все вниманіе къ Славянамъ выразилъ въ беззаконномъ притязаніи на Болгарію? Упаси насъ Господи отъ такого папы, который грозитъ христіанству новой страшной смутой! Если, дѣйствительно, теперешній папа воплощаетъ фатальнаго Николая I-го, то понятно, съ какою осторожностію нашимъ уполномоченнымъ (г-дамъ Бутеневу и Мосолову) приходится съ нимъ вести переговоры о соглашеніи.

безъ всякаго возмездія! *) И этимъ высокимъ подвигомъ, при всемъ позорномъ противодѣйствіи со стороны западныхъ державъ, одной части Славянъ даровала полную независимость, другой хотя и неполную, но представляющую

*) Приходится и еще цитовать изъ того-же «Посланія» Штроссмайера, и — на этотъ разъ, къ нашей чести, въ подтвержденіе сознанія, и со стороны католическаго міра, великости жертвы, принесенной нами ради Славянъ въ послѣднюю восточную войну. Вотъ какъ онъ говоритъ о великодушіи русскаго народа: Dieses Volk (das russische) schon deshalb den reichlichten Segen Gottes verdient, weil es fur die heiligste Sache auf dieser Welt, frei von jedem Egoismus, auch sein Blut zu vergiessen weiss und bereit ist. T. e. „Этотъ народъ (русскій) уже и потому заслуживаетъ самой богатой милости Божіей, что онъ за святѣйшее въ этомъ мірѣ дѣло, чуждый всякаго егоизма, умѣетъ и готовъ проливать даже свою кровь". А Спаситель, ваше преосвященство, говоритъ въ евангеліи ученика и учителя любви, Іоанна (XII, 13): „больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя"; „любовь-же", по ученію апостола, есть соозъ совершенства" (Коло, III, 14) и „исполненіе закона" (Рим. XIII, 8—10; сн. Гал. V, 14). Что-же вы насъ такъ хлопотливо тащите на нечистое лоно своей католической церкви,— церкви многогрѣшной, сильно виновной предъ человѣчествомъ и занятой только преслѣдованіемъ земныхъ интересовъ, а не высшихъ духовныхъ благъ? Такъ оставьте насъ въ покоѣ: спасемся мы и на успокоительномъ лонѣ нашей матери православной церкви, и съумѣемъ и впредь творить добрыя христіанскія дѣла и заслуживать благословеніе отъ Бога и человѣчества. А что вы говорите, что будтобы мы не иначе можемъ избавиться отъ нашихъ нигилистовъ, какъ только принявши католическую вѣру, и это напрасно. И наша церковь всегда внушала и внушаетъ весь ужасъ къ нигилистическимъ стремленіямъ и дѣламъ, и мы надѣемся, и безъ помощи католичества, имѣющаго дѣло съ своими, также не чуждыми ему, нигилистами, этихъ подпольныхъ крысъ, прячущихся отъ взоровъ и рукъ православнаго русскаго народа, переловить и истребить. Да и не съ гнилаго-ли, какъ называетъ епископъ, Запада, находящагося подъ вліяніемъ католичества, они набѣжали къ намъ на святую Русь. Совѣтовать-же русскому народу перемѣну вѣры для того, чтобы улучшить наши отношенія къ полякамъ, которыхъ епископъ называетъ даровитѣйшимъ славянскимъ народомъ, болѣе чѣмъ смѣшно, и не заслуживаетъ отвѣта-

возможность свободнаго самоуправленія. Тогда какъ католическая сторона, во время этой борьбы христіанства съ исламомъ проявила себя въ самомъ неприглядномъ видѣ, оставаясь не только безучастною зрительницею кровавой борьбы съ исконнымъ и заклятымъ врагомъ христіанства, но и выражая прямо непріязнь святѣйшему дѣлу и сочувствіе, даже содѣйствіе противной сторонѣ (Мадьяры, Поляки) и—гнусно сказать!—изрекая устами своего бывшаго первосвященника Пія IX-го (достойно понесшаго позоръ при перенесеніи грѣшнаго *) тѣла его изъ Ватиканской церкви въ Базилику св. Лаврентія) желаніе успѣха противухристіанской сторонѣ и пораженія христіанской, лившей кровь за христіанство и славянство. Послѣ этого какъ прозорливой и бдительной куріи не прійти къ соображенію, что если всѣхъ славянъ католиковъ оставить подъ такими сильными впечатлѣніями такъ рыцарски проявившихъ себя въ защиту Славянства, „схизматиковъ," то,—чего добраго—всѣ они пойдутъ въ схизму и оставятъ безчувственно стоявшую, во время борьбы за славянское дѣло, Петрову святую скалу. „Поэтому—разсуждала такъ курія—намъ надобно позадержать своихъ славянъ въ нашей святой оградѣ, а православныхъ славянъ, прежде нами, когда они были въ грязномъ и убогомъ тѣлѣ подъ турецкимъ гнетомъ, оставлявшихся расчетливо безъ вниманія, а теперь омытыхъ русскою кровію и по тому благосостоянію, какое обѣщаетъ, завоеванная для нихъ, свобода,

*) См. недавно вышедшую въ Парижѣ книгу, подъ заглавіемъ: Les amours secrets de Pie IX, гдѣ этотъ папа обвиняется въ прелюбодѣйствѣ, развратѣ, подлогѣ, убійствѣ, поддѣлываніи фальшивой монеты и проч.—Протестъ Ватикана, по поводу безпорядковъ, происшедшихъ при перенесеніи тѣла папы Пія IX, державы оставили безъ отвѣта.

могущихъ быть для насъ лакомою добычей—привлечь въ католичество. А для этого наилучшій способъ есть—убѣдить, что первоначальники вѣры и просвѣщенія у тѣхъ и другихъ, свв. Кириллъ и Меѳодій, были истые католики". Вотъ вамъ и начало происхожденія Энциклики и побужденіе къ возвеличенію имени свв. Первоучителей! Теперь судите сами, много-ли тутъ видно искренняго доброжелательства со стороны папы славянству. Не опасность ли отпаденія отъ папскаго престола значительной части его поклонниковъ въ православную сторону двигала рукою папы при начертаніи Энциклики, какъ, при жизни Первоучителей, вліялъ при написаніи нѣкоторыхъ буллъ страхъ за Моравію, уже разъ обращавшуюся въ восточный патріархатъ, и не корыстное-ли желаніе увеличить свою паству привлеченіемъ новаго числа Славянъ побуждало папу безстыдно увѣрять ихъ въ измѣнѣ Кирилла и Меѳодія восточному православію, какъ во время оно Николай I-й чернилъ Фотія, чтобы привлечь къ себѣ Болгарію? Папа Левъ XIII, видите ли, оппортунистъ, наравнѣ съ Гамбеттой французскимъ, какъ-то доказываютъ и собственныя его нѣкоторыя выраженія въ его Энцикликѣ, какъ на первой стр. документа: ob temporum vices mutato per eas (slavicas) regiones reipublicae statu, opportunus Nobis oblatus videtur locus juvandi Slavonia populos, и къ концу Энциклики: idonea nobis occasio praebeatur genti Slavorum. Т. е. папа возвышаетъ и прославляетъ что-либо не по достоинству предмета, а потому только, что того требуютъ обстоятельства. Не будь восточной войны и не воздвигни Россія высоко славянскаго стяга, папа и не подумалъ-бы вызывать изъ мрака тысячелѣтняго забвенія имена Просвѣтителей Славянъ; но въ лицѣ великодушной

Россіи выявился характеръ безкорыстной заступницы и освободительницы славянскихъ народовъ, такъ что можно было опасаться, что всѣ они бросятся подъ ея мощный покровъ, и—папа вызываетъ на сцену Кирилла и Меѳодія, возвеличиваетъ ихъ и увѣряетъ простодушный людъ въ своей „Энцикликѣ“ что, хотя они происхожденіемъ съ Востока и воспитались въ духѣ греческой церкви, но, съ переходомъ на Западъ, они измѣнили своему Востоку, отдались папѣ и сдѣлались совершенными католиками. „Слѣдовательно, дескать, вамъ, Славяне нечего смотрѣть на Востокъ и увлекаться его, дѣйствительно, блистательными подвигами въ пользу вашего племени, а смотрите-ка на Западъ, которому всецѣло преданы были первоначальники вашей вѣры и просвѣщенія, и слѣпо слѣдуйте заними.“ Достойный христіанской церкви образъ дѣйствованія! Не такъ поступила съ своими Первоучителями святая мать наша, православная церковь, воздающая каждому по его достоинству: она не умедлила, по кончинѣ ихъ, достойно оцѣнить ихъ безсмертныя заслуги предъ христіанствомъ и славянствомъ, скоро занесла ихъ подъ именемъ „Святыхъ“ въ свои священные памятники *) и составила въ честь ихъ краснорѣчивыя хвалебныя „Службы“ **).

Далѣе—празднество, отправленное вами одною половиною славянъ представляется намъ, православнымъ славянамъ, настоящею оргіею самозакланія славянства. Какой злый геній внушалъ вамъ несчастную мысль отпраздновать формальное сопричисленіе Кирилла и Меѳодія къ ряду

*) См. Святцы при Остромировомъ Евангеліи; срв. также «Русскій календарь по мѣсячнымъ минеямъ XI—XIII вѣка», И. Срезневскаго, С. П. Б. 1862, стран. 13.

**) См. собраніе этихъ «Службъ» въ «Кирилло—меѳодіевскомъ сборникѣ» Погодина, стр. 235—297.

католическихъ Святыхъ одной католической стороной? Этотъ актъ папской власти—минуя его частныя тенденціи—не можетъ быть намъ противенъ, потому что имъ подтверждено только то, что нами давно уже рѣшено и исполнено на дѣлѣ, какъ нами передъ этимъ показано было, и мы могли-бы безпрепятственно и охотно принять участіе въ вашемъ небезосновательномъ празднествѣ. Правда, мы не пошли-бы цѣловать туфли папы, какъ Бисмаркъ ни за что не хочетъ идти въ Каноссу, но мы нашли-бы подходящую къ нашему православному типу форму для нашего участія въ вашемъ празднествѣ. И это было бы важнымъ шагомъ въ сближеніи Славянъ, прогрессомъ въ умственномъ, нравственномъ и культурномъ (политическаго не имѣется въ виду) объединеніи разрозненной расы. А теперь, вашимъ отдѣльнымъ празднованіемъ, вы только доставили радость врагамъ славянства, которые, потирая руки отъ удовольствія, весело между собою говорятъ: „слава—Богу, опасная славянская раса все болѣе и болѣе раздѣляется! Не сошлись даже въ возданіи чести своимъ Святымъ, одинаково чтимымъ и православною ихъ частію и католическою“! Но еще болѣе было имъ радости, когда узнали, что и главные вожди односторонняго, католическаго паломничества, епископъ Штроссмайеръ и кардиналъ Ледоховскій пришли между собою въ несогласіе и стали другъ противъ друга на ножи (такъ выражались газеты), по поводу благодарственнаго адреса, какой надлежало на празднествѣ поднести папѣ. Не такъ поступила православная Москва, когда открывала у себя этнографическую выставку; она пригласила на празднество науки Славянъ изъ всѣхъ мѣстъ, и—на приглашеніе явились представители всѣхъ племенъ (кромѣ Поляковъ), которые и приняты были съ распро-

стертыми объятіями. А доказательствомъ тому, что этотъ пріѣздъ западныхъ славянъ въ Россію былъ съ пользою для славянства, служитъ то, что нѣмцы на возвратившихся представителей, хотя людей самыхъ почтенныхъ, людей науки и государственныхъ дѣятелей, озлились. какъ на враговъ и измѣнниковъ отечества, и заставили ихъ испытать самыя непріятныя послѣдствія, ибо можно поставить аксіомой, что то, что въ дѣлѣ славянства нѣмцу непріятно, то, значитъ, для славянства, котораго онъ исконный врагъ,—полезно и благотворно. Не въ укоръ вамъ будь сказано и то, что ваши молодые люди изъ славянъ, обучающіеся въ Вѣнскомъ университетѣ и составляющіе тамъ „Русское Академическое Общество, такъ называемое Буковина“, когда вздумали въ прошломъ году отпраздновать тысячелѣтіе со времени введенія славянскаго языка въ богослужебное употребленіе, то болѣе вашего показали славянскаго смысла и такта—пригласили къ участію въ празднествѣ славянъ всѣхъ мѣстъ, и—русскіе не преминули выразить свое доброхотное участіе, кто въ высшей степени сочувственными телеграммами, кто преисполненными искреннихъ благожеланій письмами, а кто и личнымъ на праздникъ явленіемъ. Почему-бы и вамъ при вашемъ празднествѣ въ честь обще-славянскихъ учителей не поступитъ подобнымъ образомъ?... Неужели вы, любезные братья, находите возможнымъ достигнуть какихъ нибудь важныхъ результатовъ въ судьбѣ славянъ безъ участія вашего могучаго брата, великана Росса? Развѣ вы не знаете, что все, что сдѣлано до-селѣ къ пользѣ Славянъ и къ улучшенію ихъ участи, сдѣлано было Россіей, съ безконечными пожертвованіями и жизнями, и финансами, и притомъ безъ всякихъ видовъ на возмездіе, въ

родѣ напримѣръ, присоединенія освобожденныхъ странъ къ своимъ владѣяніямъ? Расчитывать-же на помощь и содѣйствіе благоустроенію славянъ со стороны другихъ странъ какъ романскаго, такъ и германскаго племени—напрасно, потому что всѣ онѣ, чуя въ славянской расѣ могущественную міровую силу, имѣютъ только въ виду какъ-бы ее придавить, „прижать къ стѣнѣ“ и не дать разростись. Такъ, не расчетливо, братья, въ своей семьѣ „цураться“ родной помощи отъ брата могучаго, добраго, великодушнаго, не жалѣющаго ничего для блага своихъ собратій... Взглянемъ на дѣло и съ религіозной точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія вѣры, какъ становятся на нее и папа въ своей „Энцикликѣ“ и въ рѣчахъ по поводу празднества, и Дьяковарскій епископъ въ своемъ „Пастырскомъ Посланіи“. Какъ извѣстно изъ „Житія“ Кирилла, святый Учитель передъ смертію молилъ Господа Бога, да всѣхъ исповѣдающихъ имя Его соединитъ въ единодушіи, и сотворитъ ихъ людьми „изрядными“, единомыслящими въ истинной вѣрѣ Его и правомъ исповѣданіи. Конечно, мысль и желаніе молитвы раздѣлялъ и единомысленный Братъ Молившагося, Меѳодій. Какъ-же смотрѣли съ высоты небесъ святые Братья, желавшіе при жизни объединить славянскій родъ единствомъ проповѣди, на ваше однополовинное, въ честь ихъ, празднество, отъ участія въ которомъ устранена была другая половина славянскаго рода,—половина бо̀льшая и главнѣйшая? Конечно, со скорбію, и—скорбію глубокою, если только скорбь вѣдома на небѣ, видѣли они свое славянское стадо, которому были при жизни такими вѣрными и усердными пастырями, распавшимся на двѣ части, несогласующіяся между собою въ своихъ воззрѣніяхъ и идущія каждая по своему направленію. Поэтому и богатыя жертвы ваши, какія принесе-

ны были вами на празднествѣ во имя и честь небесныхъ Заступниковъ и Молитвенниковъ славянскаго рода, какъ не жертвы мира, не могутъ быть предположены пріятными ни Богу. ни славянскимъ Его Угодникамъ (Матѳ. V, 23). Въ виду такого раздѣленія Славянъ и такой отдѣльности празднованія въ честь *общихъ* Первоучителей, разумнѣйшіе и наиболѣе вѣрные носители славянскаго духа изъ всѣхъ юго-западныхъ славянъ, чехи, отнеслись очень холодно къ затѣянной паломнической экспедиціи въ Римѣ, и лучшіе между ними люди воздержались отъ участія въ празднествѣ *).

*) Чешская газета Narodni Listy, по поводу этой затѣи католическихъ славянъ, въ свое время, не скрывая своего негодованія; высказывалась объ ней такъ,—что „предпринимаемая поѣздка Славянъ въ Римъ имѣетъ цѣлію разорвать существующую между всѣми славянскими народами связь“. „Эта поѣздка, говоритъ далѣе газета, есть рѣшительный шагъ къ образованію великой славянской римско-католической уніи, которая должна служить оплотомъ противъ православной церкви и южныхъ славянъ“. „Если-бы дѣло касалось простой поѣздки пилигримовъ въ Римъ, заключаютъ свою статью Narodni Listy, если-бы предстоящая поѣздка была простымъ выраженіемъ религіозныхъ чувствъ, мы вовсе не касались-бы этого вопроса; но такъ какъ предъ нами политическая экспедиція, цѣль которой уничтоженіе единства Славянъ, то мы *не можемъ не выразить сожалѣнія, что и среди нашего народа, который испыталъ столько горя и несчастій по милости Рима, нашлись люди, безсмысленно оказывающіе папскому престолу услуги, въ ущербъ славянскимъ интересамъ*“. Затѣмъ, въ одномъ изъ ближайшихъ одновременныхъ №№, когда отъѣздъ въ Римъ уже совершился, Газета утѣшаетъ себя тѣмъ, что „въ рядахъ пилигримовъ нѣтъ выдающихся личностей, по крайней мѣрѣ, чешскаго народа, нѣтъ никого, кто по справедливости могъ-бы быть названъ представителемъ чешскаго лагеря. Мы заявляемъ, продолжаетъ Газета, объ этомъ фактѣ особенно нашимъ братьямъ: Сербамъ, Русскимъ, Болгарамъ и вообще всѣмъ православнымъ Славянамъ, которые, конечно, съ понятнымъ прискорбіемъ и неудовольствіемъ взглянутъ на эту римскую агитацію въ нашей странѣ. Пусть они припомнятъ себѣ имена тѣхъ, кто, 14 лѣтъ тому назадъ, приняли участіе въ поѣздкѣ Славянъ на Русь (на

Сего мало: ваше празднество въ честь Кирилла и Меѳодія намъ представляется скорѣе поруганіемъ ихъ памяти, чѣмъ прославленіемъ, скорѣе кощунствомъ, чѣмъ актомъ благочестія. Жестоко слово сіе, но оно вѣрно. Припомните весь тысячелѣтній ходъ папскихъ отношеній къ ихъ дѣлу. Какому поруганію не подвергалось отъ Рима ихъ вѣчной славы достойное имя—даже до названія еретиковъ, аріанъ! Какого гоненія не испытали изобрѣтенныя ими письмена! И готѳскими-то ихъ называли, и всѣ усилія употребили, чтобы замѣнить ихъ латинскими, не смотря на несвойственность послѣднимъ звукамъ славянскаго слова, а гдѣ того нельзя было сдѣлать, ввести вмѣсто ихъ безобразныя и трудныя

Этнографическую выставку), и тутъ сравнятъ ихъ съ участниками Австрійско—Славянскаго путешествія въ Римъ, и—они убѣдятся, что тѣ, которые теперь отправляются въ Римъ, вовсе не составляютъ представительства Чешскаго народа. Эти господа *Иксы и Ипсилоны*, препринявшіе, вмѣстѣ со священникомъ Штульцемъ, пилигримство въ Римъ, могутъ говорить единственно отъ себя и отъ Пражскаго католическо-политическаго казино, и ни отъ кого болѣе. Народъ Чешскій не далъ имъ никакого полномочія; онъ не поручалъ ни одному изъ этихъ господъ дѣйствовать за нихъ въ смыслѣ какихъ-бы то ни было заявленій, обѣщаній или обязательствъ; народъ Чешскій вообще всю эту затѣю игнорировалъ. Русская-же газета, *Слово*, издаваемая во Львовѣ, въ противность Полякамъ, смотрящимъ на это движеніе Славянъ чисто съ точки зрѣнія польскихъ интересовъ и думающихъ, что „Энциклика“ папы Льва XIII есть „оплотъ противъ распространенія схизматическаго панславизма“, смотритъ на отправленіе Славянъ въ Римъ съ совершенно другой точки зрѣнія. „Мы желаемъ, говоритъ Газета, чтобы съѣздъ въ Римѣ повелъ къ тому, чтобы и наша Унія въ Галиціи, бывшая такъ долго рабынею латинскаго обряда и безнаказанно нарушаемая латинянами, возобновилась въ полной чистотѣ восточнаго обряда“. Статья оканчивается слѣдующими словами: „Предпринятое торжество будетъ имѣть громадное значеніе для Славянъ и для исторіи только въ томъ случаѣ, если всѣ Славяне возвратятся на путь Кирилло—Меѳодіевскихъ началъ и примутъ введенное Первоучителями богослуженіе и освященный тысячелѣтнею исторіей церковно—славянскій языкъ“.

для письма каракули, такъ называемыя глагольскія буквы, изобрѣтенныя будто-бы во время оно блаж. Іеронимомъ. Какой ненависти и какихъ преслѣдованій не выдержали переводные труды ихъ, ихъ святыя книги, употребляемыя православною церковію для богослуженія! Ихъ разыскивали, отбирали, складывали въ кучи и торжественно сожигали! Какому гоненію и униженію не подвергалась и вѣра, проповѣданная и введенная Первоучителями и ихъ непосредственными учениками въ странахъ Запада, даже когда подъ формою Уніи сближалась съ католичествомъ! „Хлопска вѣра“—другаго названія нѣтъ для нея и въ Польшѣ и въ Галиціи, и въ Венгріи! И послѣ этакихъ посягательствъ на честь имени св. Первоучителей и на душеспасительные вѣроисповѣдные труды ихъ, вы могли, не стѣсняясь и съ легкимъ сердцемъ, приступить къ отправленію празднества въ честь ихъ? Намъ казалось-бы, что папѣ, предварительно чествованія памяти ихъ, слѣдовало-бы назначить „день покаянія“, дабы загладить всѣ прегрѣшенія католичества, какъ вообще противъ восточнаго православія, такъ въ особенности противу личности и достославной памяти свв. Просвѣтителей Славянъ, и такимъ образомъ примириться съ Богомъ, уготовавшимъ для славянскихъ странъ такихъ органовъ свѣта, и съ самими Просвѣтителями, нынѣ предстоящими престолу Божію и ходатайствующими предъ Нимъ о милости къ Славянскому роду,—дабы жертвы ваши, такъ торжественно принесенныя на празднествѣ, были пріятны и Богу и святымъ Его угодникамъ.

Но какъ-бы то ни было—достойно, или недостойно,—вы приступили къ совершенію предположеннаго торжества. Но какъ вы его совершили? Вы отправили нѣсколько мессъ или мшей, но на какомъ языкѣ? На чешскомъ, хорватскомъ, польскомъ,

русскомъ. Но развѣ это было достойнымъ воспоминаніемъ о Первоучителяхъ, которые служили литургію на древле-болгарскомъ, или, что тоже, на древне-славянскомъ языкѣ, на какомъ совершаются доселѣ всѣ церковныя службы у православныхъ Славянъ?—Какую литургію вы служили? Опять не ту, какую отправляли Кириллъ и Меѳодій. Они служили полную, величественную,—Іоанна Златоустаго или Василія Великаго, или Григорія Двоеслова, такъ называемую литургію преждеосвященныхъ даровъ, ибо всѣ эти литургіи, въ IX-мъ столѣтіи, были въ полномъ и всеобщемъ употребленіи на Востокѣ,—а отправленныя вами литургіи, хотя и на одномъ изъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, представляютъ отрывочныя выдержки изъ всѣхъ этихъ греческихъ первообразовъ литургіи. Хоть-бы вы употребили въ дѣло древнія славянскія „Службы", сочиненныя въ честь Первоучителей (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя) на Западѣ, именно въ Моравіи, вскорѣ по кончинѣ, когда раздѣленіе церквей не приняло еще остраго характера,—которыя отысканы нашими учеными славистами, но, за преизбыткомъ усердія нашей церкви къ памяти Первоучителей, замѣнены достойною службою новѣйшаго творчества.—Первоучители читали или пѣли символъ вѣры безъ прибавленія: и отъ Сына, какъ нами ясно доказано было въ своемъ мѣстѣ (стр. 17 слл.), а вы почему не хотѣли послѣдовать празднуемымъ Наставникамъ и, въ совершенную противность имъ, провозгласили свое противу-каноническое filioque?—Нѣкоторые изъ васъ, на праздникѣ, и пріобщились святыхъ таинъ, и при томъ изъ рукъ самаго папы. Кириллъ и Меѳодій пріобщали и пріобщались подъ обоими видами, а вамъ отчего угодно было пріобщиться только подъ видомъ хлѣба, минуя чашу, отъ которой Спаситель завѣщалъ пить *всѣмъ* (Матѳ. XXIV,

24) и изъ—за которой пролито столько дорогой славянской крови (въ гусситскія войны)?—Византійскіе пришельцы считали папу равнымъ по чести и достоинству всѣмъ прочимъ патріархамъ, согласно рѣшеніямъ Соборовъ, и усвояли ему первенство только въ численномъ порядкѣ (primus inter pares), а вы на вашихъ службахъ провозгласили его главою вселенской церкви, намѣстникомъ Христовымъ и пр.! Такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ выходитъ, что въ вашемъ празднествѣ вы чествовали изобрѣтателей и—уничижали ихъ изобрѣтеніе, славили учителей, и—отвергали ихъ ученіе, величали первоначальниковъ славянской науки, и—не хотѣли знать ихъ науки, восхваляли прелагателей священныхъ книгъ, и—не имѣли въ рукахъ ни одной ихъ славянской книги! Такъ это-ли значитъ воздавать достойную честь святымъ равноапостольнымъ Мужамъ, оказавшимъ славянству безсмертныя заслуги, и не въ—правѣ-ли мы были сказать, что ваше празднованіе походитъ болѣе на кощунственное насмѣяніе надъ памятью свв. Первоучителей, чѣмъ на чествованіе ихъ безсмертнаго имени, болѣе на лицемѣрную фарисейскую выходку, чѣмъ на искреннее и безобманчивое выраженіе уваженія къ ихъ вѣковѣчнымъ заслугамъ и предъ славянствомъ и предъ христіанствомъ? Единственный для васъ вѣрный способъ чествованія нашихъ общихъ Учителей есть—оставить вамъ несродную Славянамъ почву католичества и возвратиться на первоначальную родную почву православія, на которой держали и воспитывали васъ пришедшіе съ Востока Учители. Тогда и исповѣданіе ваше будетъ согласно съ ихъ ученіемъ, и хвала ваша имъ будетъ отвѣтствовать самой дѣйствительности, и христіанская практика ваша расположится въ ихъ духѣ. Конечно, трудно будетъ вамъ отстать отъ

скалы, къ которой вы цѣлые вѣка прикрѣплены были, но на первый разъ достаточно будетъ принять и одинъ обрядъ православный, оставшись вѣрными своему первосвященнику, что собственно и составляетъ въ католичествѣ всю суть дѣла, какъ то доказываетъ учрежденіе существующей теперь Уніи. Тогда, при единствѣ внѣшней формальной стороны и объединеніе Славянъ будетъ легче, и общеніе между различными, теперь разъединенными, частями славянскаго рода удобоисполнимѣе, и прогрессъ славянства во всѣхъ отношеніяхъ обезпеченнѣе. Папа, въ заключеніе своего отвѣта на рѣчь Штроссмайера, которою послѣдній благодарственно привѣтствовалъ первосвященника за канонизацію славянскихъ учителей,—выразилъ такую мысль, что „славянская раса призвана къ рѣшенію особенной важной задачи на землѣ“, и что, „для достиженія этой цѣли необходимо возстановленіе единства вѣры, и—не иначе, какъ въ духѣ католическомъ“. А споспѣшникъ папы, помянутый епископъ, въ „Пастырскомъ своемъ Посланіи“ и раздѣльнѣе объясняетъ эту задачу славянства, именно, онъ говоритъ, что „Славяне призваны — возродить одряхлѣвшее и прогнившее общество Запада и внести въ него болѣе сердца и любви, болѣе вѣры и религіи, болѣе чувства правоты и вѣротерпимости, болѣе мира и согласія“, и затѣмъ прибавляетъ, что всѣ эти задачи славянами православными съ пользою и честію могутъ быть разрѣшены только тогда, когда они примирятся и придутъ въ согласіе съ римскою церковью *). Ошибаются

*) Полный текстъ нѣмецкаго перевода Штроссмайерова „Посланія“ изъ котораго мы сдѣлали извлеченіе, гласитъ такъ: Ach, Slawen, meine geliebten Brüder! такъ любезно обращается епископъ къ намъ, Русскимъ, Gott selbst hat Euch auserkoren grosse Dinge, sowohl in Asien, als in Europa durchzuführen; Ihr seid, wie ich glaube, berufen, die veraltete und vermo, derte Gesellschaft des Westens zu rege-

святые отцы въ своихъ разсужденіяхъ о задачахъ славянства. Пожалуй, не откажемъ славянству въ приписываемой ему лестной чести—обновить прогнившее общество Запада: но только, если, дѣйствительно, это великое дѣло должно быть совершено славянствомъ, то отнюдь не въ католической его формѣ, а въ православной, ибо подъ вліяніемъ-то католичества, на эгоизмѣ и своекорыстіи замѣшаннаго, западное общество и испортилось, а православная часть славянства, подъ дѣйствіемъ своей благодатной вѣры, и сохранила тѣ доблестныя качества, которыя приписываетъ ей наблюдательный епископъ и которыя, желаетъ онъ, чтобы освѣжительной струей перелиты были въ чахлый организмъ западной Европы. Славянство, подъ знаменемъ католичества, не заявило себя ничѣмъ особеннымъ въ прогрессѣ человѣчества, да и не могло по раздробленности своей на отдѣльныя мелкія владѣнія и политической зависимости, неизбѣжнаго послѣдствія перехода въ католичество, а православная его часть ознаменовала себя міровыми подвигами на пользу человѣчества, какъ-то исторія и послѣднія событія показываютъ. Слѣдовательно, переходить намъ въ католичество, какъ къ тому убѣждаетъ насъ католическій славянинъ—епископъ, значило-бы только подвергать опасности порчи свою чистую и добрую натуру, какою онъ и самъ ее выставляетъ, и заражаться тѣмъ-же тлетворнымъ

neriren, und in dieselbe mehr Herz und Liebe, mehr Glauben und Religion, mehr Gerechtigkeitssin und Toleranz, mehr Frieden und Eintracht zu bringen; aber vergesset nicht, dass ihr Euch auf diesem Pfade Eurer Aufgabe nur dann zu Eurem Nutzen und Ruhme entledigen und alle Euere inneren und, äusseren Feinde nur dann uberwinden werdet, wenn Ihr Euch mit der römischen Kirche versöhnt und verständigt, und auf diese Weise die Welt von jenen Verurtheilen und Bedenken befreit, mit denen dieselbe alle ja auch Eure edelsten Thaten ansieht. См. Beilage zu № 99 des „Vaterland", 1881 Jahr.

духомъ, какимъ заражены западные католическіе народы и вѣяніе котораго вредоносно проникаетъ и къ намъ.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе о вашемъ Кирилло-Меѳодіевскомъ праздникѣ. Мы, православные, привыкли поступать такъ, что когда у насъ бываетъ нарочитый праздникъ въ честь какого нибудь Святаго, нетлѣніемъ тѣла прославленнаго, то, обыкновенно, святые останки открываются для чествованія богомольцамъ, выставляется рака въ блестящемъ видѣ и окружается всѣмъ благолѣпіемъ. Да, тоже бываетъ и у васъ при подобныхъ случаяхъ. Отчего-же это, въ настоящемъ случаѣ, при празднованіи памяти св. Первоучителей, нетлѣнные останки св. Кирилла, бывшіе на лицо, какъ мы уже разъ сказали, при Карлѣ IV-мъ, получившемъ отъ нихъ десную руку Угодника для Бенедиктинскаго монастыря въ Прагѣ,—отчего это, при такомъ торжественномъ случаѣ, при такомъ многочисленномъ стеченіи Славянъ-католиковъ изъ всего юго-западнаго края, останки эти, дорогіе для каждаго славянина, не были выставлены на видъ, чтобы воздать имъ подобающую честь, какъ бывшимъ носителямъ апостольскаго духа и орудіямъ христіанскаго просвѣщенія? Не должно-ли было это наводить васъ на печальную мысль о невниманіи вашего священно-начальника и всей мѣстной среды къ дорогой и высоко-почтенной для всѣхъ васъ, купно и для насъ, святой личности, и не должно-ли было этою мыслію, невольно всѣмъ на умъ приходившею, омрачиться и безпредметнымъ явиться все ваше торжество? Да, любезные братья, не у мѣста почиваетъ нашъ общій Просвѣтитель, и не въ романской средѣ, для которой имя его ничего не говоритъ, обрѣтаться ему, а на родномъ лонѣ славянской земли, освя-

щенной имъ тамъ долговременнымъ пребываніемъ, апостольскими хожденіями и святыми трудами.

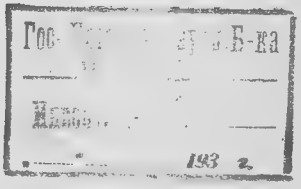
Надѣемся братья и сочлены, что приготовляемое вами къ 13-му апрѣля 1885 года новое славянское празднество, по поводу истекающаго тогда тысячелѣтія со времени кончины Меѳодія, на которомъ заботливый славянскій епископъ надѣется уже увидѣть всѣхъ Славянъ въ „единеніи вѣры и церкви“ (какой?),—устроится и совершится на другихъ основаніяхъ и въ другомъ порядкѣ, что православная половина славянскаго міра, такъ недостойно и небратолюбиво этотъ разъ оставленная въ сторонѣ, не будетъ тогда устранена отъ участія въ празднествѣ, въ подрывъ славянству, что къ тому времени усердіе ваше къ чести святыхъ Первоучителей потщится отыскать то мѣсто, гдѣ погребенъ былъ Меѳодій въ Велеградѣ, и исходатайствуетъ у папы дозволеніе перенести изъ Рима и святые останки Кирилла на тоже мѣсто, дабы два брата, по выраженію Кирилла, „бывшіе супруга и едину бразду тяжавшіе“, и почивали вкупѣ и чтобы надъ ихъ мѣстомъ сооружена была на общій складъ всѣхъ Славянъ, если не церковь, что, конечно, очень желательно-бы было для чести какъ Учителей, такъ и учениковъ, то, по крайней мѣрѣ, каплица, только въ романо-византійскомъ стилѣ, чтобы охотно приходили къ ней и сыны восточной и послѣдователи западной церкви, и чтобы какъ геній искусства умѣлъ слить въ одно прекрасное цѣлое два такъ разные стиля, и геній религіи на останкахъ и памяти купно почивающихъ св. Братьевъ могъ-бы примирить и соединить двѣ несогласныя во взглядахъ и направленіяхъ церкви.

Симъ оканчиваемъ мы нашу посильную, изъ глубины православнаго убѣжденія изшедшую, отповѣдь на знаменательную

по тенденціи своей буллу теперешняго папы Льва XIII-го: Grande munus, и желаемъ, чтобы отвѣтъ нашъ послужилъ православнымъ Славянамъ на предостереженіе, Славянамъ-католикамъ на размышленіе о своемъ вѣроисповѣдномъ положеніи, а той и другой сторонѣ, по молитвамъ общихъ Учителей, святыхъ Кирилла и Меѳодія, на взаимное примиреніе и сближеніе. Fiat!

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
18	13 снизу	philosopic doces	philosophice doceas
24	6 сверху	solemina	solemnia
29	15 —	въ иконопочитаніи; идолопоклоненіе	въ иконопочитаніи идолопоклоненіе;
32	9 —	Софіи еда	Софіи, еда
65	4 снизу	страпъ	странъ имѣли здѣсь дѣйствіе,
87	11 сверху	исходящемъ	исходищемъ
107	8 —	въ Римъ	въ Византію



Складъ изданія находится въ Харьковѣ, у статск. совѣт. Ив. Вас—ча Платонова (Черноглазовская ул., соб. домъ, № 4), по каковому адресу и просятъ всѣхъ желающихъ имѣть сочиненіе обращаться съ своими требованіями. Цѣна экземпляру 1 р. сер., съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи, и за границу. Выписывающимъ за-разъ не менѣе 10-ти экзем., при безплатной пересылкѣ, дѣлается уступка 20% изъ показанной цѣны.